

БОЛЬШИЕ NF КНИГИ

Эдуард Гиббон

ЗАКАТ
И ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

« А З Б У К А »

Эдуард Гиббон

Закат и падение Римской империи

«Азбука-Аттикус»

1776

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

Гиббон Э.

Закат и падение Римской империи / Э. Гиббон — «Азбука-Аттикус», 1776

ISBN 978-5-389-22239-7

«История, в сущности, немногим отличается от списка преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода», – констатирует британский историк Эдуард Гиббон (1737–1794) в главном труде своей жизни – масштабном сочинении об упадке и разрушении великой Римской империи. В этой новаторской и вместе с тем провокационной для своего времени книге автор прослеживает процессы, происходившие в римском государстве и обществе от расцвета Империи до падения Константинополя в 1453 году, ознаменовавшего ее конец. Несмотря на долгую и ожесточенную полемику по поводу «антирелигиозных» взглядов Гиббона на зарождение и распространение христианства, его труд до сих пор входит в корпус классических сочинений для изучения этого периода в западных вузах. На русском языке текст воспроизводится с незначительными сокращениями.

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)32

ISBN 978-5-389-22239-7

© Гиббон Э., 1776
© Азбука-Аттикус, 1776

Содержание

Глава I	7
Глава II	20
Глава III	37
Глава IV	51
Глава V	62
Глава VI	75
Глава VII	96
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Эдуард Гиббон

Закат и падение Римской империи

© Издание на русском языке, состав, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

* * *

Эдуард Гиббон

ЗАКАТ
И ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Санкт-Петербург

Глава I

Объем и военные силы империи в век Антонинов

Введение. Во втором столетии христианской эры владычество Рима обнимало лучшую часть земного шара и самую цивилизованную часть человеческого рода. Границы этой обширной монархии охранялись старинной славой и дисциплинированной храбростью. Мягкое, но вместе с тем могущественное влияние законов и обычаев мало-помалу скрепило связь между провинциями. Их миролюбивое население наслаждалось и злоупотребляло удобствами богатства и роскоши. Внешние формы свободных учреждений охранялись с приличной почтительностью: римский сенат, по-видимому, сосредоточивал в своих руках верховную власть, а на императоров возлагал всю исполнительную часть управления. В течение счастливого периода, продолжавшегося более восьмидесяти лет, делами государственного управления руководили добродетели и дарования Нервы, Траяна, Адриана и двух Антонинов. Настоящая глава и следующие за ней две другие главы имеют целью описать цветущее состояние их империи и затем, со времени смерти Марка Антонина, указать главные причины ее упадка и разрушения, то есть главные причины такого переворота, который останется памятным навсегда и который до сих пор отзывается на всех народах земного шара.

Умеренность Августа. Главные завоевания римлян совершились при республике, а императоры большей частью довольствовались тем, что охраняли владения, приобретенные политикой сената, деятельным соревнованием консулов и воинственным энтузиазмом народа. В первые семь столетий триумфы быстро следовали один за другим, но Августу впервые пришлось отказаться от честолюбивых замыслов на всемирное владычество и внести дух воздержанности в дела государственного управления. Так как он и по своему характеру, и по своему положению был склонен к миролюбию, то ему нетрудно было сообразить, что Рим при своем тогдашнем чрезмерном величии мог более потерять, нежели выиграть, от случайностей войны и что при ведении войн на большом отдалении от центра завоевания становились все более и более трудными, успех становился все более и более сомнительным, а обладание завоеванными странами становилось менее прочным и выгодным. Личный опыт Августа придал еще более веса этим здравым соображениям, доказав ему, что путем благоразумной и энергичной политики ему нетрудно будет добиться от самых грозных варварских народов всех тех уступок, какие могут оказаться необходимыми для безопасности и достоинства Рима. Вместо того чтобы подвергать себя и свои легионы опасности погибнуть от стрел парфян, он добился путем почетного мирного договора, чтобы ему были возвращены знамена и пленники, захваченные парфянами при поражении Красса¹.

В первые годы его царствования его легаты попытались завладеть Эфиопией и Счастливой Аравией. Они зашли почти на тысячу миль к югу от тропика, но знойный климат скоро принудил завоевателей возвратиться назад и послужил охраной для миролюбивого населения этих далеких стран². На завоевание Северной Европы едва ли стоило тратить деньги и усилия. Среди лесов и болот Германии жило отважное варварское племя, презиравшее жизнь, если она не соединялась со свободой, и хотя при первом нападении на него оно, по-видимому, не могло устоять против могущества римлян, но вскоре вслед за тем оно сделало отчаянное усилие и, возвратив себе независимость, напомнило Августу о превратностях фортуны³. После смерти

---

¹ Речь о поражении римского войска в битве при Каррах в 53 г. до н. э. (*Примеч. ред.; далее – Ред.*)

² Римляне овладели Марибом – городом Счастливой Аравии. (*Примеч. автора; далее – Г.*) Он находился неподалеку от той местности, которая называлась Адрамаут и которая производит необыкновенно ароматические растения. (*Примеч. комментатора классического английского издания 1845 г. – преп. Г. Х. Мильмена; далее – М.*)

³ Умерщвлением Вара и его трех легионов. (*Г.*) Известно как поражение римлян в Тевтобургском лесу. (*Ред.*)

этого императора его завещание было публично прочитано в сенате. Он оставил своему преемнику ценное наследство, дав ему совет не расширять империи далее тех границ, на которые как будто сама природа указала ей как на ее постоянный оплот и пределы: с запада – Атлантического океана, с севера – Рейна и Дуная, с востока – Евфрата, с юга – песчаных степей Аравии и Африки.

Ее придерживаются его преемники. К счастью для спокойствия человеческого рода, скромная система, рекомендованная мудростью Августа, нашла для себя поддержку в трусости и пороках его ближайших преемников. Будучи заняты погоней за наслаждениями или актами тирании, первые цезари редко показывались армиям или провинциям; но вместе с тем они вовсе не были расположены допускать, чтобы те триумфы, которыми пренебрегала их беспечность, служили наградой за подвиги и храбрость их легатов. Военная слава подданного считалась за дерзкое посягательство на прерогативы императора, и потому каждый римский легат считал, что и чувство долга, и его личный интерес предписывают ему охранять вверенную его попечению границу, но не мечтать о завоеваниях, которые могли бы оказаться для него самого не менее гибельными, чем для побежденных им варваров.

Завоевание Британии как первое нарушение его правила. Британия была единственной провинцией, которую римляне присоединили к своим владениям в течение первого столетия христианской эры. В этом единственном случае преемники Цезаря и Августа нашли нужным поступить по примеру первого из них, а не по правилам второго. Близость этого острова к берегам Галлии внушала им желание овладеть им, а приятные, хотя и сомнительные, слухи о возможности добывать там жемчуг возбуждали в них алчность⁴, впрочем, на Британию смотрели как на страну самобытную и отрезанную от остального мира, поэтому и завоевание ее едва ли считалось исключением из общих правил, которых придерживались на континенте. После войны, которая продолжалась около сорока лет⁵ и которую начал самый глупый из всех императоров, продолжал самый распутный, а окончил самый трусливый, большая часть острова попала под иго римлян. У различных племен, на которые делился британский народ, была храбрость, но не было умения ею пользоваться, была любовь к свободе, но не было единодушия. Они взялись за оружие с великим мужеством, но потом сложили его или же обратили его с сумасбродной непоследовательностью друг против друга, и в то время, как они сражались поодиночке, они были поработаны одни вслед за другими. Ни мужество Карактака, ни отчаяние Боадиицы, ни фанатизм друидов не могли спасти их родину от рабской зависимости или остановить постоянное движение вперед римских легатов, поддерживавших достоинство своего народа, в то время как достоинство престола было унижаемо самыми бездушными или самыми порочными вырожденками человеческой расы. В то самое время, когда Домициан, запершись в своем дворце, чувствовал в себе самом тот страх, который он внушал другим, его легионы, предводимые добродетельным Агриколой, разбили соединенные силы каледонцев у подножия Грампианских гор, а его флоты, смело пускавшиеся в опасное плавание по неизвестным морям, разносили по всем пунктам острова славу римского оружия. Завоевание Британии уже считалось законченным, и Агрикола намеревался довершить и упрочить свой успех вовсе не трудным покорением Ирландии, для которого было бы, по его мнению, достаточно одного легиона и небольшого количества вспомогательных войск. Он полагал, что обладание лежащим на западе островом может быть очень выгодно и что британцы будут с меньшим отвращением носить свои цепи, когда у них не будет перед глазами примера чьей-либо свободы.

Но высокие достоинства Агриколы скоро послужили поводом для его увольнения от главного командования в Британии, и его план завоеваний, весьма разумный, несмотря на свою

---

⁴ Британский жемчуг оказался не особенно ценным по причине своего темного синева-багрового цвета. (Г.)

⁵ В царствование Клавдия, Нерона и Домициана. (Г.)

обширность, был отложен в сторону навсегда. Перед своим отъездом этот опытный военачальник постарался упрочить обладание вновь завоеванными провинциями. Он заметил, что остров как будто делится на две неравные части находящимися по обеим его сторонам заливами, образующими то, что называют теперь Шотландским проходом (Firths of Scotland). На разделяющем их промежуточном пространстве длиной почти в сорок миль он устроил ряд военных стоянок, которые впоследствии – в царствование Антонина Пия – были укреплены земляным валом, возведенным на каменном фундаменте. Эта стена, выстроенная недалеко за теперешними Эдинбургом и Глазго, должна была обозначать границу римских владений.

Каледонцы, жившие на северной окраине острова, сохранили свою дикую независимость, которой они были обязаны столько же своей бедности, сколько своей храбрости. Они часто делали нашествия, которые были с успехом отражаемы и за которые их наказывали, но их страна не была покорена. Повелители самых прекрасных и самых плодоносных стран земного шара с презрением отворачивали свои взоры от мрачных гор с их зимними бурями, от озер, покрытых густыми туманами, и от холодных пустынных равнин, на которых полунагие варвары гонялись за дикими оленями.

Завоевание Дакии как второе его нарушение. Таковы были границы Римской империи, и таковы были принципы императорской политики со смерти Августа и до восшествия на престол Траяна. Этот добродетельный и предприимчивый государь получил воспитание солдата и обладал дарованиями полководца. Миролюбивая система его предшественников была нарушена войнами и завоеваниями, и во главе легионов после долгого промежутка времени наконец встал император, способный ими командовать. Первые военные предприятия Траяна были направлены против одного из самых воинственных племен – даков, живших по ту сторону Дуная и в царствование Домициана безнаказанно издевавшихся над величием Рима. Со свойственными варварам мужеством и неустрашимостью в них соединялось презрение к жизни, проистекавшее из глубокого убеждения в бессмертии и возможности переселения души. Король даков Децебал оказался достойным соперником Траяна; он не пришел в отчаяние ни за свою судьбу, ни за судьбу своего народа, пока, по свидетельству его врагов, он не истощил всех средств, какие давали ему и его мужество, и его политика. Эта достопамятная война продолжалась, с очень короткими перерывами, пять лет, а так как император мог безотчетно располагать всеми силами империи, то она окончилась полным покорением варваров. Новая Дакийская провинция, составлявшая второе исключение из завещанных Августом правил, имела в окружности около тысячи трехсот миль. Ее естественными границами были Днестр, Тиса, или Тибиск, нижний Дунай и Эвксинское море⁶.

Завоевания Траяна на Востоке. Траян жаждал славы, а пока человечество не перестанет расточать своим губителям похвалы более щедро, чем своим благодетелям, стремление к военной славе всегда будет порочной склонностью самых возвышенных характеров. Похвалы Александру, передававшиеся из рода в род поэтами и историками, возбудили в душе Траяна опасное соревнование. Подобно Александру, и римский император предпринял поход на Восток, но он со вздохом выражал сожаление, что его преклонные лета едва ли позволят ему достигнуть такой же славы, какой достиг сын Филиппа. Впрочем, успехи Траяна, несмотря на их непрочность, были быстры и блестящи. Он обратил в бегство парфян, утративших свои прежние доблести и ослабевших от междоусобицы. Он победоносно прошел вдоль берегов Тигра, начиная от гор Армении и до Персидского залива. Он был первый и вместе с тем последний из римских полководцев, плававший по этому отдаленному морю. Его флоты опустошали берега Аравии, и Траян уже ласкал себя тщетной надеждой, что он недалеко от пределов Индии. Удивленный сенат каждый день получал известия, в которых шла речь о незнакомых ему собственных именах и о новых народах, признавших над собою его верховенство.

---

⁶ Эвксинское море, или Эвксинский Понт, – другое название Черного моря. (Ред.)

Он узнал, что цари Боспора, Колхиды, Иберии, Албании, Осроены и даже сам парфянский монарх получили свои царские диадемы из рук императора, что независимые племена, живущие среди гор Мидии и Кордуены, молили его о покровительстве и что такие богатые страны, как Армения, Месопотамия и Ассирия, обращены в римские провинции. Но смерть Траяна скоро положила конец всем блестящим надеждам; тогда возникли основательные опасения, что столь отдаленные народы попытаются сбросить с себя непривычную для них зависимость, лишь только они почувствуют, что их уже не сдерживает та мощная рука, которая согнула их под это иго.

Его преемник Адриан отказывается от них. Существовало старинное предание, что, когда Капитолий был заложен одним из римских царей, бог Терм (который ведал полевыми межами и которого изображали в то время большим камнем) был единственным из всех низших богов, отказавшимся уступить свое место самому Юпитеру. авгуры объяснили это упорство в благоприятном смысле: они приняли его за несомненное предзнаменование того, что пределы римского владычества никогда не будут отодвигаться назад. Но хотя Терм и был в состоянии противостоять могуществу Юпитера, он преклонился перед могуществом Адриана. Этот император начал свое царствование тем, что отказался от всех завоеваний Траяна на Востоке. Он возвратил парфянам право выбирать независимого государя, отозвал римские гарнизоны из Армении, Месопотамии и Ассирии и, согласно с принципами Августа, еще раз признал Евфрат границей империи. Благодаря привычке искать дурную сторону в общественной деятельности и в личных мотивах царствующих государей многие приписывали чувству зависти такой образ действий, который нетрудно объяснить осторожностью и умеренностью Адриана. Для такого подозрения можно бы было найти некоторое основание в изменчивом характере этого императора, способного предаваться то самым низким, то самым возвышенным влечениям. Однако он ничем не мог выставить в столь ярком свете превосходство своего предшественника, как собственным признанием, что сам он не в состоянии оберегать завоевания Траяна.

Контраст между Адрианом и Антонином Пием. Воинственность и честолюбие Траяна представляли очень резкий контраст с умеренностью его преемника. Неутомимая деятельность Адриана была не менее замечательна и по сравнению с кротким спокойствием Антонина Пия. Жизнь первого из них была почти непрерывным путешествием, а так как он обладал разнообразными дарованиями полководца, государственного человека и ученого, то он удовлетворял все свои вкусы, исполняя свои обязанности правителя. Не чувствуя на себе ни перемен погоды, ни перемены климата, он ходил пешком с непокрытой головою и по снегам Каледонии, и по знойным равнинам Верхнего Египта, и в империи не было ни одной провинции, которая в течение его царствования не была бы осчастливлена посещением императора. Напротив того, спокойная жизнь Антонина Пия протекла внутри Италии, и в течение его двадцатитрехлетнего управления империей самым длинным из его путешествий был переезд из его римского дворца в его уединенную виллу, находившуюся близ города Ланувия.

Миролюбивая система Адриана и двух Антонинов. Несмотря на это различие в своем образе жизни, и Адриан, и оба Антонина одинаково придерживались основной системы Августа. Они твердо следовали тому правилу, что надо поддерживать достоинство империи, не пытаясь расширить ее пределы. Они даже пользовались всяким удобным случаем, чтобы приобретать расположение варваров, и старались внушить всему миру убеждение, что римское могущество, стоящее выше всяких влечений к завоеваниям, одушевлено лишь любовью к порядку и к справедливости. В течение длинного, сорокатрехлетнего, периода их благотворные усилия были увенчаны успехом, и если исключить незначительные военные действия,

предпринятые ради упражнения пограничных легионов, то можно будет сказать, что царствования Адриана и Антонина Пия представляют приятную картину всеобщего мира⁷.

Оборонительные войны Марка Антонина. Страх, который внушало военное могущество Рима, придавал умеренности императоров особый вес и достоинство. Они сохраняли мир тем, что были всегда готовы к войне и, руководствуясь в своих действиях справедливостью, в то же время давали чувствовать жившим вблизи от границ империи племенам, что они так же мало расположены выносить обиды, как и причинять их. Марк Аврелий употребил в дело против парфян и германцев те военные силы, которые Адриан и старший Антонин лишь держали наготове. Нападения варваров вывели из терпения этого монарха-философа: будучи вынужден взяться за оружие для обороны империи, он частью сам, частью через своих военачальников одержал несколько значительных побед на берегах Евфрата и Дуная. Здесь будет уместно изучить римскую военную организацию и рассмотреть, почему она так хорошо обеспечивала и безопасность империи, и успех военных предприятий.

Военные учреждения при римских императорах. Во времена республики, когда нравы были более чисты, за оружие брался тот, кого воодушевляла любовь к отечеству, кому нужно было оберегать свою собственность и кто принимал некоторое участие в издании законов, которые ему приходилось охранять ради личной пользы и по чувству долга. Но по мере, того как общественную свободу поглощали обширные завоевания, военное дело мало-помалу возвышалось до степени искусства и мало-помалу унижалось до степени ремесла. Даже в то время, когда легионы пополнялись рекрутами из самых отдаленных провинций, предполагалось, что они состоят из римских граждан. Это почетное название вообще считалось или легальной принадлежностью воина, или самой приличной для него наградой; но более серьезное внимание обращалось на существенные достоинства возраста, силы и роста⁸. При наборах рекрутов весьма основательно отдавалось предпочтение северному климату над южным; людей самых годных для военного ремесла предпочтительно искали не в городах, а в деревнях, и от тех, кто занимался тяжелым кузнечным и плотничным ремеслом или охотничьим промыслом, ожидали более энергии и отваги, нежели от тех, кто вел сидячую жизнь торговца, удовлетворяющую требованиям роскоши. Даже тогда, когда право собственности перестало считаться необходимым условием для занятия военных должностей, командование римскими армиями оставалось почти исключительно в руках офицеров из хороших семейств и с хорошим образованием; но простые солдаты набирались между самыми низкими и очень часто между самыми развратными классами населения.

Дисциплина. Та общественная добродетель, которая у древних называлась патриотизмом, имеет своим источником глубокое убеждение, что наши собственные интересы тесно связаны с сохранением и процветанием той свободной системы правления, в которой мы сами участвуем. Такое сознание сделало легионы Римской республики почти непобедимыми; но оно не могло иметь большого влияния на наемных слуг деспотических государей, а потому оказалось необходимым восполнить недостаток этих мотивов другими мотивами, совершенно иного характера, но не менее сильными – чувством чести и религией. Крестьянин или ремесленник проникался полезным убеждением, что, вступая в военную службу, он избирал благородную профессию, в которой его повышение и его репутация будут зависеть от его собственной доблести, и что, если подвиги простого солдата нередко и остаются в неизвестности, все-таки его

---

⁷ Не следует, однако, забывать, что в царствование Адриана евреи, движимые религиозным фанатизмом, взяли за оружие и произошло сильное восстание, которое, впрочем, не распространилось за пределы одной провинции. Павсаний [Описание Эллады, кн. 8, гл. 43] говорит о двух войнах, которые были предприняты по необходимости и которые были с успехом окончены полководцами Антонина Пия: одна из них велась с маврами, которые были прогнаны в степи, окружающие Атласские горы; другая велась с бригантами – британским племенем, вторгшимся в римские владения. (Г.)

⁸ Цезарь составил один из своих легионов (по имени Алауда) из галлов и иностранцев, но это было во время своеволия междоусобных войн, а после своих побед он дал им в награду права римских граждан. (Г.)

поведение может иногда покрыть славой или бесчестьем целую роту, целый легион и даже всю армию, с которой связана его собственная судьба. При самом вступлении его в службу он должен был приносить присягу, которой всячески старались придать самую торжественную обстановку. Он клялся, что никогда не покинет своего знамени, что подчинит свою волю приказаниям своих начальников и что будет жертвовать своей жизнью для защиты императора и империи⁹. Привязанность римских войск к их знаменам внушалась совокупным влиянием религии и чувства чести. Золотой орел, блестящий во главе легиона, был для них предметом самого искреннего благоговения, а покинуть в минуту опасности этот священный символ считалось столько же бесчестьем, сколько позором. Эти мотивы, заимствовавшие свою силу у воображения, подкреплялись страхами и надеждами, у которых были более существенные основания. Исправно выплачиваемое жалованье, по временам подарки и определенная награда после выслуги установленного срока – вот чем облегчались трудности военной службы, а с другой стороны, ни трусость, ни неповиновение не могли избежать самого строгого наказания. Центурионы имели право подвергать провинившихся телесным наказаниям, а командиры имели право наказывать их смертью. В римской дисциплине считалось неизменным правилом, что хороший солдат должен бояться своих командиров гораздо более, нежели неприятеля. Благодаря таким похвальным порядкам храбрость императорских войск приобрела такую непоколебимость и такую дисциплину, каких не могло достигнуть стремительное и порывистое мужество варваров.

Военные упражнения. Римляне так хорошо понимали недостаточность храбрости, которая не соединяется со знанием и практикой, что на их языке название армии заимствовано от слова, которое значит «упражнения»¹⁰. Военные упражнения составили в них главную и постоянную цель дисциплины. Рекруты и молодые солдаты постоянно упражнялись – и утром и вечером, и даже ветеранам, несмотря на их лета и опытность, не дозволялось уклоняться от ежедневных повторений того, что они уже знали в совершенстве. На зимних стоянках устраивались для войск широкие навесы, для того чтобы не прерывать военных упражнений даже в самую дурную погоду; при этом тщательно наблюдалось, чтобы оружие, употреблявшееся при этих искусственных подражаниях военным действиям, было вдвое тяжелее того, которое требовалось для настоящих сражений. Солдат старательно учили ходить, бегать, прыгать, плавать, носить большие тяжести, владеть всякого рода оружием – как для нападения, так и для обороны, как для боя на далеком расстоянии, так и для рукопашной схватки; их заставляли делать разные маневры и исполнять под звуки флейты пиррическую или воинскую пляску. В мирное время римские войска осваивались с военными приемами, и поле битвы отличалось от поля военных упражнений только пролитием крови. Самые способные командиры и даже некоторые из императоров поощряли такие упражнения своим присутствием и своим примером; так, например, нам известно, что и Адриан, и Траян нередко сами обучали неопытных солдат, награждали самых усердных, а иногда даже вступали с ними в состязание из-за награды за силу и ловкость. В царствование этих государей военная тактика сделала большие успехи, и, пока империя сохраняла в себе некоторую жизненную силу, изданные ими инструкции считались самым лучшим образцом римской дисциплины.

Легионы при императорах. Девятисотлетние войны мало-помалу внесли в военную службу много изменений и улучшений. Легионы, какими их описывал Полибий¹¹ и какими они были во времена Пунических войн, существенно отличались от тех, с которыми побеждал Цезарь или которые охраняли монархию Адриана и Антонинов. Организацию императорского легиона можно объяснить в немногих словах. Тяжеловооруженная пехота, составляв-

⁹ Клятва в верности возобновлялась ежегодно в первый день января. (Г.)

¹⁰ На латинском языке «армия» – *exercitus*, от гл. *exercere* – «упражняться». (Ред.)

¹¹ См. в VI книге его «Истории» превосходное отступление, в котором идет речь о римской дисциплине. (Г.)

шая главную его силу, разделялась на десять когорт и пятьдесят пять центурий, находившихся под начальством такого же числа трибунов и центурионов. Первая когорта, которой принадлежало право всегда занимать почетный пост и охранять орла, состояла из тысячи ста пяти солдат, выбранных из самых храбрых и самых надежных. Остальные девять когорт состояли из пятисот пятидесяти пяти человек каждая, а во всем отряде пехоты, входившем в состав легиона, было до шести тысяч ста человек.

Оружие. Их вооружение было однообразно и удивительно хорошо приспособлено к обязанностям их службы; они носили открытый шлем с высоким султаном, кирасы или кольчугу, ножные латы и на левой руке большой щит. Этот щит имел форму продолговатую и вогнутую, был четырех футов в длину и двух с половиной в ширину; он был сделан из легкого дерева, обтянутого воловьей кожей и покрытого толстыми листами меди. Кроме легкого копья, легионный солдат держал в правой руке тяжелый дротик, называвшийся *пилумом*, который имел в длину около шести футов и к которому был приделан массивный треугольный наконечник из стали восемнадцати дюймов в длину. Этот снаряд мог быть употреблен в дело только один раз и притом на расстоянии только десяти или двенадцати шагов. Однако, когда его бросала сильная и ловкая рука, никакая кавалерия не дерзала подойти так близко, чтобы он мог попасть в нее; никакой щит и никакие латы не могли выдержать его удара. Лишь только римлянин бросал свой пилум, он тотчас бросался на неприятеля с мечом в руке. Этот меч имел коротенький, из хорошей стали, испанский клинок, заостренный с обеих сторон и одинаково удобный для того, чтобы ударять, и для того, чтобы колоть; впрочем, солдат всегда учили предпочитать этот второй способ употребления, так как в этом случае они менее открывали самих себя, а между тем нанесенная противнику рана была более опасна. Легион обыкновенно выстраивался в восемь линий в глубину, а между линиями, точно так же как и между рядами, оставлялось пространство в три фута. Войска, привыкшие сохранять такой строй в длину всего фронта и при быстром натиске, были всегда готовы исполнить всякое движение, какого могли потребовать от них ход сражения или искусство их начальников. У солдат было достаточно места и для их оружия, и для их движений, и, сверх того, между ними сохранялись промежутки, достаточные для того, чтобы можно было вводить подкрепления для замены тех, кто был не в силах долее сражаться. Военная тактика греков и македонян была основана на совершенно иных принципах. Сила фаланги заключалась в шестнадцати рядах длинных пик, находившихся одна от другой в самом близком расстоянии. Но и размышление, и опыт скоро доказали, что сила фаланги не могла соперничать с ловкостью легиона.

Кавалерия. Кавалерия, без которой сила легиона была бы неполной, разделялась на десять отрядов, или эскадронов; в первом из них, как состоявшем при первой когорте, было сто тридцать два человека, а в каждом из остальных девяти только по шестидесяти шести; все эти отряды, вместе взятые, составляли полк из семисот двадцати шести всадников. Каждый полк, натурально, состоял при своем легионе, но в некоторых случаях отделялся от него, чтобы выстроиться в линию и действовать на одном из флангов армии. При императорах кавалерия уже не состояла, как во времена республики, из лучшей молодежи Рима и Италии, приготавливавшей себя кавалерийской службой к должностям сенаторским и консульским и старавшейся приобрести военными подвигами голоса своих соотечественников на будущих выборах. С тех пор как изменились и нравы, и форма правления, самые богатые люди из сословия всадников занимались отправлением правосудия или собиранием государственных доходов; если же они предпринимали военную карьеру, они тотчас получали командование кавалерийским отрядом или когортой. Траян и Адриан набирали людей для своей кавалерии из тех же провинций и из тех же классов своих подданных, из которых набирались рекруты для легионов. Лошадей получали большей частью из Испании и Каппадокии. Римские кавалеристы относились с презрением к полному вооружению, которым обременяла себя кавалерия восточных народов. Самую необходимую часть их вооружения составляли: шлем, продолговатый щит, легкие

сапоги и кольчуга. Их главным оружием для нападения был дротик и длинный широкий меч. Употребление копья и железной палицы они, кажется, заимствовали от варваров.

Вспомогательные войска. Охранение безопасности и чести империи возлагалось главным образом на легионы; но римская политика не пренебрегала ничем, что могло быть ей полезно в случае войны. Наборы рекрутов производились в определенные сроки среди жителей провинций, еще не удостоившихся почетного звания римских граждан. Некоторым подвластным Риму владетельным князьям и некоторым мелким государствам, разбросанным неподалеку от римских границ, дозволялось пользоваться свободой и безопасностью под условием, чтобы они несли военную службу¹². Даже нередко удавалось путем угроз или убеждений отправлять отряды враждебных варваров в далекие страны, для того чтобы они тратили там свое опасное для Рима мужество на пользу римского государства¹³. Все эти различные отряды носили общее название вспомогательных войск, и, хотя их число изменялось в различные времена и при различных обстоятельствах, оно редко бывало ниже числа самих легионов. Самые храбрые и самые преданные отряды этих вспомогательных войск отдавались под начальство префектов и центурионов и строго обучались римской дисциплине, но большая часть из них сохраняла то оружие, каким они всего лучше владели вследствие особого характера их родины или вследствие приобретенной с молодости привычки. Благодаря таким порядкам каждый легион, имевший при себе определенное количество вспомогательных войск, мог располагать легкими войсками всякого рода и всякого рода метательными снарядами, а потому был в состоянии противопоставить какому бы то ни было народу то оружие и ту дисциплину, которые составляли его силу.

Артиллерия. У легиона не было недостатка и в том, что на новейшем языке называется артиллерийским обозом. Он состоял из десяти военных машин большого размера и пятидесяти пяти – малого размера, и каждая из этих машин метала в наклонном или в горизонтальном направлении камни и стрелы со страшной силой.

Лагерное расположение войск. Лагерь римского легиона имел наружный вид укрепленного города. Лишь только было намечено для него место, саперы тщательно выравнивали почву, устраняя все, что могло мешать ее совершенной гладкости. Он имел форму правильного четырехугольника, и, по нашему соображению, внутри квадрата приблизительно в семьсот ярдов могли расположиться лагерем двадцать тысяч римлян, хотя такое же количество войск в наше время могло бы развернуть перед неприятелем фронт в три раза более длинный. Посреди лагеря возвышалась над всеми другими палатка главнокомандующего (*praetorium*); кавалерия, пехота и вспомогательные войска занимали назначенные им места; улицы были широкие и совершенно прямые, а между палатками и валом оставлялось со всех сторон пустое пространство в двести футов. Самый вал обыкновенно имел двенадцать футов в высоту; он был обнесен плотной палисадой и был окружен рвом двенадцати футов в глубину и в ширину. Эту важную работу исполняли сами легионные солдаты, так же хорошо умеющие владеть заступом и лопатой, как они владели мечом или пилумом.

Поход. Лишь только трубный звук подавал сигнал к передвижению, лагерь был почти мгновенно снят и войска размещались по своим шеренгам без замедлений и без замешательства. Кроме оружия, в котором легионные солдаты едва ли находили для себя какое-либо обременение, они несли на себе кухонные принадлежности, орудия для возведения укреплений и провизию на несколько дней. Под этой ношей они были приучены делать мерным шагом около двадцати миль в шесть часов. При появлении неприятеля они сбрасывали в сторону свой багаж, и благодаря легким и быстрым маневрам колонна изменяла свой походный строй

---

¹² Таково в особенности было положение батавов. (Г.)

¹³ Марк Аврелий заставил побежденных им квадов и маркоманнов дать ему значительный отряд войск, который он и послал немедленно в Британию. (Г.)

и выстраивалась в боевом порядке. Пращники и стрелки из лука перестреливались впереди фронта, вспомогательные войска составляли первую линию; легионы помогали им или поддерживали их; кавалерия прикрывала фланги, а военные машины помещались в арьергарде.

Число и распределение легионов. Есть основание полагать, что легион состоял из шести тысяч восьмисот тридцати одного римлянина, а вместе с находившимися при нем вспомогательными войсками доходил почти до двенадцати тысяч пятисот человек. При Адриане и его преемниках вся армия состояла в мирное время не менее как из тридцати таких грозных бригад и представляла, по всей вероятности, численную силу в триста семьдесят пять тысяч человек. Вместо того чтобы запирались внутри стен укрепленных городов, на которые римляне смотрели как на убежище слабости и трусости, легионы стояли лагерями на берегах больших рек или вдоль границ, отделявших римские владения от варваров. Так как места их стоянок были большей частью определены и неизменны, то мы в состоянии описать размещение войск. Для Британии было достаточно трех легионов. Главные силы были сосредоточены на Рейне и Дунае и состояли из шестнадцати легионов, распределявшихся следующим образом: два легиона в Нижней Германии и три в Верхней; один в Реции, один в Норике, четыре в Паннонии, три в Мезии и два в Дакии. Оборона Евфрата была вверена восьми легионам, из которых шесть стояли в Сирии, а два остальных – в Каппадокии. Что же касается Египта, Африки и Испании, то ввиду их отдаленности от всякого театра значительной войны полагалось, что на каждую из этих обширных провинций достаточно одного легиона для охранения в них внутреннего спокойствия. И сама Италия не оставалась без вооруженной силы. Больше двадцати тысяч избранных солдат, носивших почетное название городских когорт и преторианской гвардии, блюли безопасность монарха и столицы. Так как преторианцы были виновниками почти всех потрясавших империю переворотов, то нам придется скоро остановить на них наше внимание, однако ни в их вооружении, ни в их дисциплине мы не находим ничего, что отличало бы их от легионов; только их внешность была более блестяща, а их дисциплина менее строга.

Флот, который содержали императоры, мог бы показаться не соответствующим их величию; однако он был вполне достаточен для всех полезных правительственных целей. Честолюбие римлян ограничивалось твердой землей, и этот воинственный народ никогда не воодушевлялся тем духом предприимчивости, благодаря которому мореплаватели тирские, карфагенские и даже марсельские¹⁴ расширили пределы известного тогда мира и исследовали самые отдаленные берега океана. Для римлян океан всегда был скорее предметом ужаса, чем любопытства; после разрушения Карфагена и истребления морских разбойников Средиземное море на всем своем протяжении было окаймлено их владениями. Политика императоров была направлена только к тому, чтобы охранять мирное господство над этим морем и оказывать покровительство торговле их подданных. В этих скромных видах Август назначил постоянным местом стоянки двух флотов самые удобные порты Италии: для одного – Равенну на Адриатическом море, для другого – Мизен в Неаполитанском заливе. Древние народы в конце концов убедились по опыту, что, лишь только их галеры превышали два или по большей мере три ряда весел, они становились более годными для пустого наружного блеска, чем для настоящей службы. Сам Август мог заметить во время сражения при Акциуме превосходство его собственных легких фрегатов (называвшихся *либурами*¹⁵) над высокими, но неповоротливыми укрепленными судами его противника. Из этих *либури* он образовал флоты равеннский и мизенский, из которых первый должен был господствовать над восточной частью Средиземного моря, а второй – над западной, и к каждой из этих эскадр он прикомандировал отряд

¹⁴ Имеются в виду мореплаватели из основанной фокейцами колонии Массалия (*лат.* Массилия) на месте современного Марселя. (*Ред.*)

¹⁵ Эти суда строили *либуры* – народ, подчиненный римлянам, один из многих, населявших побережье Адриатического моря. (*Ред.*)

из нескольких тысяч матросов. Кроме этих двух портов, которые можно считать главными средоточиями римского флота, очень значительные морские силы постоянно находились во Фрежусе у берегов Прованса, а Эвксинский Понт охранялся сорока судами и тремя тысячами солдат. Ко всему этому следует присовокупить флот, охранявший сообщение между Галлией и Британией, а также значительное число судов, постоянно находившихся на Рейне и на Дунае, для того чтобы наводить страх на соседние страны и препятствовать переправе варваров.

Объем всех военных сил. Если же мы сделаем обзор всего состава военных сил империи, как кавалерии, так и пехоты, как легионов, так и вспомогательных войск, гвардии и флота, то мы, даже не скупясь на самые крупные цифры, не будем в состоянии определить численность всех этих морских и сухопутных сил более чем в четырьеста пятьдесят тысяч человек; а это такая военная сила, которая – какой бы она ни казалась грозной – равнялась военным силам монарха, царствовавшего в прошедшем столетии над таким государством, которое когда-то составляло лишь одну из провинций Римской империи.

Взгляд на провинции Римской империи. Мы постарались выяснить, каким образом дух умеренности сдерживал в известных границах могущество Адриана и Антонинов и на какие военные силы опиралось это могущество; теперь нам предстоит описать с ясностью и точностью те провинции, которые когда-то были соединены под их владычеством, но которые в настоящее время разделены на множество независимых и враждующих одно с другим государств.

Испания. Эта западная оконечность империи, Европы и всего Древнего мира неизменно сохраняла во все века одни и те же натуральные границы – Пиренейские горы, Средиземное море и Атлантический океан. Этот большой полуостров был разделен Августом на три провинции – Лузитанию, Бетику и Тарраконскую Испанию. Королевство Португальское занимает теперь место воинственной страны лузитанцев. Границы Гренады и Андалузии соответствуют границам древней Бетики. Остальные части Испании, как то: Галисия и Астурия, Бискайя и Наварра, Леон и обе Кастилии, Мурсия, Валенсия, Каталония и Арагон – входили в состав третьей и самой значительной из римских провинций, которая по имени своей столицы называлась провинцией Тарраконской. Между туземными варварами кельтиберы были самые могущественные, а кантабры и астуры самые непокорные. Рассчитывая на неприступность своих гор, они после всех других преклонились перед римским могуществом и первые сбросили с себя иго арабов.

Галлия. Древняя Галлия, обнимавшая все страны между Пиренеями, Альпами, Рейном и океаном, была обширнее современной нам Франции. К владениям этой могущественной монархии, недавно расширившимся приобретением Эльзаса и Лотарингии, мы должны прибавить Савойское герцогство, кантоны Швейцарии, четыре Рейнских курфюршества и территории Льежа, Люксембурга, Эно, Фландрии и Брабанта. Когда Август стал издавать законы для завоеванных его отцом стран, он разделил Галлию, сообразуясь с местами, которые были заняты легионами, с течением рек и с главными этническими особенностями страны, заключавшей в себе более ста самостоятельных государств¹⁶. Примыкающие к берегам Средиземного моря Лангедок, Прованс и Дофине получили название своей провинции от Нарбонской колонии. Аквитанская провинция была расширена от Пиренеев до Луары. Страна между Луарой и Сеной была названа Кельтской Галлией и скоро вслед за тем получила новое название, заимствованное от знаменитой колонии Лугдун, или Лион. По ту сторону Сены находилась Бельгия, ограниченная в более древние времена одним Рейном; но незадолго до века Цезаря германцы, пользуясь преимуществами, которые дает хребтость, заняли значительную часть бельгийской

¹⁶ В «Notitia of Gaul» [лат. «Сведения о галлах»] мы находим сто пятнадцать городов, а это название, как хорошо известно, давалось не только главному городу, но и всей территории каждого государства. Но Плутарх и Аппиан доводят число племен до трехсот или четырехсот. (Г.)

территории. Римские завоеватели поспешили воспользоваться таким лестным для их тщеславия обстоятельством, и рейнская граница Галлии от Базеля до Лейдена получила пышное название Верхней и Нижней Германии. Таким образом, Галлия в царствование Антонинов заключала в себе шесть провинций: Нарбонскую, Аквитанскую, Кельтскую, или Лионскую, Бельгийскую и две Германских.

Британия. Мы уже имели случай упомянуть о завоевании Британии и указать границы римских владений на этом острове. Они заключали в себе всю Англию, Уэльс и плоскую часть Шотландии до прохода при Дамбартоне и Эдинбурге. Перед тем как лишиться своей независимости, Британия была неравномерно разделена между тридцатью варварскими племенами, из которых самыми значительными были белги на западе, бриганты на севере, силуры в Южном Уэльсе и ицены в Норфолке и Саффолке. Судя по сходству нравов и языка, можно полагать, что Испания, Галлия и Британия были населены одной и той же отважной расой дикарей. Прежде чем подпасть под римское владычество, они выдержали немало сражений и не раз возобновляли борьбу. Когда они были покорены, их страны вошли в состав западной части европейских провинций, простиравшейся от Геркулесовых столбов¹⁷ до стены Антонина и от устья Тахо до истоков Рейна и Дуная.

Италия. Страна, известная в настоящее время под именем Ломбардии, не считалась до римских завоеваний составною частью Италии. Галлы завели в ней могущественную колонию и, расселившись по берегам По от Пьемонта до Романьи, распространили славу своего оружия и своего имени от Альп до Апеннин. Лигурийцы жили на утесистом побережье, входящем в настоящее время в состав Генуэзской республики. Венеция еще не существовала в то время, но та часть этой области, которая лежит к востоку от реки Адидже, была населена венецами¹⁸. Средняя часть полуострова, состоящая в настоящее время из герцогства Тосканского и папских владений, была в древности населена этрусками и умбрами; от первых из них Италия получила зачатки своей цивилизации. Тибр катил свои волны у подножия семи холмов Рима, а страна сабинов, латинов и вольсков от этой реки и до границ Неаполя была театром первых побед республики. На этой-то знаменитой территории первые консулы удостоивались триумфов, их преемники украшали свои загородные дома, а их потомство выстроило монастыри. Капуя и Кампанья занимали самую территорию Неаполя; остальная часть Неаполитанского королевства была населена несколькими воинственными народами – марсами, самнитами, апулийцами и луканами, а побережье было усеяно цветущими греческими колониями. Следует также заметить, что, когда Август разделил Италию на одиннадцать областей, маленькая провинция Истрия была присоединена к этому средоточию римского владычества.

Дунай и иллирийская граница. Европейские провинции Римской империи охранялись Рейном и Дунаем. Последняя из этих больших рек, берущая свое начало на расстоянии только тридцати миль от первой, течет на протяжении более тысячи трехсот миль, большею частью в юго-восточном направлении, принимает в себя воды шестидесяти судоходных рек и наконец впадает шестью рукавами в Эвксинское море. Дунайские провинции скоро получили общее название Иллирии или иллирийской границы¹⁹; они считались самыми воинственными во всей империи; то были: Реция, Норик, Паннония, Далмация, Дакия, Мезия, Фракия, Македония и Греция.

Реция. Провинция Рецийская, в которой когда-то жили винделики, простиралась от Альп до берегов Дуная, от его источников до его слияния с Инном.

¹⁷ Так обозначались высоты при входе в Гибралтарский пролив. (Ред.)

¹⁸ Итальянские *венеты*, хотя и смешивались часто с галлами, были, по всему вероятно, родом из Иллирии. (Г.) Или из Либурнии. (М.)

¹⁹ Название *Иллирии* первоначально обозначало побережье Адриатического моря; римляне мало-помалу распространили его на все страны, лежащие между Альпами и Эвксинским морем. (Г.)

Норик и Паннония. Обширная территория, лежащая между Инном, Дунаем и Савой, то есть Австрия, Штирия, Каринтия, Карниола, Южная Венгрия и Славония, была известна древним под именами Норика и Паннонии. В своем первобытном независимом положении гордые обитатели этих провинций были тесно связаны между собой. Под римским управлением они нередко составляли одно целое.

Далмация, которая более всех других имела право называться Иллирией, состояла из длинной, но узкой полосы земли между Савой и Адриатическим морем.

Мезия и Дакия. С того места, где впадают в Дунай воды Тисы и Савы, он получил, по крайней мере между греками, название Истра. В прежнее время он отделял Мезию от Дакии; эта последняя, как было ранее замечено, была завоевана Траяном и была единственной римской провинцией по ту сторону этой реки.

Фракия, Македония и Греция. Населенная воинственным народом Фракия сделалась при Антонинах римской провинцией, простиравшейся от Гемских²⁰ и Родопских гор до Боспора и Геллеспонта²¹. Царство Македонское, предписывавшее Азии законы в царствование Александра, получило более солидные выгоды от политики двух Филиппов²² и вместе с принадлежавшими ему Эпиром и Фессалией простиралось от Эгейского до Ионического моря. Когда мы вспоминаем о славе Фив и Аргоса, Спарты и Афин, нам становится трудно поверить, что столько бессмертных республик Древней Греции сливалось в одну провинцию Римской империи, обыкновенно называвшуюся Ахейской вследствие преобладания в ней Ахейского союза.

Малая Азия. Малой Азией довольно основательно называют тот полуостров, который, гранича к востоку с Евфратом, выдвигается к Европе между Эвксинским Понтом и Средиземным морем. Самая обширная и самая плодородная его часть, лежащая к западу от Таврских гор и реки Галис²³, была удостоена римлянами исключительного прозвища Азии. Эта провинция заключала в себе древние монархии – Троянскую, Лидийскую и Фригийскую, приморские страны Памфилию, Ликию и Карию и греческие колонии в Ионии, достигшие одинаковой славы с их метрополией если не на военном поприще, то на поприще искусств. Царства Вифиния и Понт владели северной частью полуострова – от Константинополя до Трапезунда. Находившаяся на противоположной его стороне провинция Киликия простиралась до гор Сирии; внутренняя часть страны, отделявшаяся от Римской Азии Галисом, а от Армении Евфратом, когда-то составляла самостоятельное царство Каппадокийское. Здесь уместно заметить, что северные берега Эвксинского Понта далее Трапезунда в Азии и далее берегов Дуная в Европе находились под властью императоров, от которых получали или вассальных властителей, или римские гарнизоны.

Сирия, Финикия и Палестина. При преемниках Александра Сирия сделалась центром монархии Селевкидов, господствовавших над Верхней Азией до тех пор, пока удачное восстание парфян не ограничило их владений землями, лежащими между Евфратом и Средиземным морем. После того как Сирия была завоевана римлянами, она сделалась их пограничной провинцией на востоке; она, при своем самом большом объеме, никогда не простиралась далее Каппадокийских гор на севере, Египта и Красного моря на юге. Финикия и Палестина иногда присоединялись к Сирии, иногда управлялись отдельно. Первая из них занимала узкую и уютную полосу побережья, а вторая едва ли превосходила Уэльс своим объемом.

Египет. По своему положению эта знаменитая страна принадлежит к громадному Африканскому материку, но она доступна только со стороны Азии, которая при всех своих перево-

---

²⁰ Гемские горы позже стали называться Балканскими горами; в настоящее время – это массив Стара-Планина в Болгарии. (Ред.)

²¹ Геллеспонт – старое название пролива Дарданеллы. (Ред.)

²² Имеются в виду Филипп II и Филипп V Македонские. (Ред.)

²³ Так в Античности называлась река Кызылырмак. (Ред.)

ротах всегда влияла на ее судьбу почти во все периоды ее истории. Нил протекает по стране на протяжении более пятисот миль – от тропика Рака до Средиземного моря – и определяет высоту своего разлива степень ее плодородия. Кирена, лежавшая к западу вдоль морского берега, была сначала греческой колонией, потом египетской провинцией, а теперь затерялась в степях Барки.

Африка. От Килены до океана африканское побережье тянется более чем на тысячу пятисот миль, но оно так стиснуто между Средиземным морем и Сахарой или песчаной степью, что его ширина редко превышает восемьдесят или сто миль. Под именем Африканской провинции римляне разумели преимущественно его восточную часть (то есть Нумидию. – *Ред.*). До прибытия финикийских колоний эта плодородная страна была населена ливийцами, одним из самых диких народов земного шара; когда она находилась под управлением карфагенян, она сделалась центром деятельной торговли и обширной империи. Во времена Августа пределы Нумидии были сужены и по меньшей мере две трети страны были соединены под названием Мавритании с эпитетом Цезарской. Лежащие на берегу океана Салды²⁴ считались римлянами крайним пунктом их владений, далее которого едва ли и простирались их географические сведения.

Средиземное море и его острова. Окончив обзор всех провинций Римской империи, мы можем добавить, что Африка отделяется от Испании проливом шириною почти в двенадцать миль, через который воды Атлантического океана вливаются в Средиземное море. Это море на всем своем протяжении, вместе со своими берегами и островами, находилось в пределах римских владений.

Общий взгляд на Римскую империю. Это длинное перечисление провинций империи, из развалин которой образовалось столько могущественных государств, способно заставить нас быть снисходительными к тщеславию и невежеству древних. Так как они были ослеплены громадностью владений, непреодолимостью могущества и действительной или притворной умеренностью императоров, то они позволяли себе презирать, а иногда и совсем забывать отдаленные страны, которым было дозволено наслаждаться варварской независимостью, и мало-помалу дошли до того, что позволили себе принимать Римскую империю за весь земной шар. Но склад ума и познания новейшего историка требуют от него более сдержанности и точности в выражениях. Он даст более верное понятие о величии Рима, когда скажет, что империя простиралась в ширину более чем на две тысячи миль от стены Антонина и северных границ Дакии до Атласских гор и тропика Рака; что ее длина от Западного (то есть Атлантического. – *Ред.*) океана до Евфрата превышала три тысячи миль; что она обнимала лучшую часть умеренного пояса между двадцать четвертым и пятьдесят шестым градусами северной широты и что она, как полагают, вмещала в себя более миллиона шестисот тысяч квадратных миль, большей частью состоявших из плодородных и хорошо обработанных земель.

---

²⁴ Салды – древнее название алжирского порта Беджая; в Средние века – известное прибежище берберийских пиратов. (*Ред.*)

Глава II

О единстве и внутреннем благоденствии Римской империи в век Антонинов

Правительственные принципы. Не одной только быстротой или обширностью завоеваний должны мы измерять величие Рима. Прочное здание римского могущества и было воздвигнуто, и оберегалось мудростью многих веков. Покорные провинции Траяна и Адриана были тесно связаны между собою общими законами и наслаждались украшавшими их изящными искусствами. Им, может быть, иногда и приходилось выносить злоупотребления лиц, облеченных властью, но общие принципы управления были мудры, несложны и благотворны. Их жители могли спокойно исповедовать религию своих предков, а в том, что касается гражданских отличий и преимуществ, они мало-помалу приобретали одинаковые права со своими завоевателями.

I. Общий дух терпимости. Политика императоров и сената по отношению к религии находила для себя полезную поддержку в убеждениях самых просвещенных между их подданными и в привычках самых суеверных. Все многообразные виды богослужения, существовавшие в римском мире, были в глазах народа одинаково истинны, в глазах философов одинаково ложны, а в глазах правительства одинаково полезны. Таким образом, религиозная терпимость порождала не только взаимную снисходительность, но даже религиозное единомыслие.

Терпимость народа. Суеверие народа не разжигалось какой-либо примесью теологического озлобления и не стеснялось оковами какой-либо спекулятивной системы. Хотя благочестивый политеист и был страстно привязан к своим народным обрядам, это не мешало ему относиться с безотчетным доверием к различным религиям земного шара. Страх, признательность, любопытство, сон, предзнаменование, странная болезнь или дальнейшее путешествие – все служило для него поводом к тому, чтобы увеличивать число своих верований и расширять список своих богов-покровителей. Тонкая ткань языческой мифологии была сплетена из материалов хотя и разнородных, но вовсе не дурно подобранных один к другому. Коль скоро было признано, что мудрецы и герои, жившие или умершие для блага своей родины, удостоиваются высшего могущества и бессмертия, то нельзя было также не признать, что они достойны если не обоготворения, то по меньшей мере уважения всего человеческого рода. Божества тысячи рощ и тысячи источников мирно пользовались своим местным влиянием, и римлянин, старавшийся умиловить разгневавшийся Тибр, не мог подымать на смех египтянина, обращавшегося с приношениями к благодетельному гению Нила. Видимые силы природы, планеты и стихии, были одни и те же во всей вселенной. Невидимые руководители нравственного мира неизбежно принимали одни и те же формы, созданные вымыслом и аллегорией. Каждая добродетель и даже каждый порок получали особого божественного представителя, каждое искусство и каждая профессия получали особого покровителя, а атрибуты этих божеств – в самые отдаленные один от другого века и в самых отдаленных одна от другой странах – всегда соответствовали характеру их поклонников. Республика богов с такими противоположными характерами и интересами нуждалась при какой бы то ни было системе в руководстве верховного правителя, который благодаря успеху знаний и лести и был мало-помалу облечен высшими совершенствами Предвечного Отца и Всемогущего Властелина²⁵. Так кроток был дух древнего времени, что народы обращали внимание не столько на различия, сколько на сходство их религиозных обрядов. И греки, и римляне, и варвары, собираясь у своих алтарей, без труда приходили к убеждению, что, несмотря на различие названий и церемоний, они поклоняются одним

---

²⁵ Права, могущество и притязания повелителя Олимпа очень ясно описаны в пятнадцатой книге «Илиады» Гомера (Г.)

и тем же божествам, а изящная гомеровская мифология придала политеизму древнего мира красоту и даже некоторую правильность формы²⁶.

Терпимость философов. Греческие философы искали основы для своих понятий о нравственности скорее в природе человеческой, чем в природе Божеской. Однако свойства Божества были для них интересным и важным предметом размышлений, и в своих глубоких исследованиях этого предмета они обнаружили и силу, и слабость человеческого разума. Из числа четырех самых знаменитых философских школ стоики и платоники были те, которые старались примирить противоположные интересы разума и благочестия. Они оставили нам самые возвышенные доказательства существования и совершенств первопричины всех вещей; но так как для них было невозможно постичь создание материи, то в стоической философии творец недостаточно отличался от творения, тогда как, напротив того, бестелесный бог Платона и его последователей походил скорее на отвлеченную идею, чем на реальное существо. Мнения академиков и эпикурейцев по своему существу были менее религиозны; но в то время, как скромные познания первых довели их до сомнений, положительное невежество вторых заставило их отвергать Промысел Верховного Правителя. Дух исследований, возбужденный соревнованием и поддержанный свободой, разделил публичных преподавателей философии на множество состязавшихся одна с другою сект, но благородное юношество, стекавшееся со всех сторон в Афины и в другие центры просвещения, научалось во всякой школе отвергать и презирать религию толпы. И действительно, мог ли философ принимать за Божественные истины досужие выдумки поэтов и бессвязные предания древности? Мог ли он поклоняться как богам тем несовершенным существам, которых он презирал бы как людей?

Против таких недостойных противников Цицерон употреблял оружие разума и красноречия, но сатиры Лукиана оказались более подходящим и более действенным средством. Нам нетрудно поверить, что писатель, обращающийся к целому миру, никогда бы не решился выставить богов своей родины на публичное осмеяние, если бы они уже не сделались предметом тайного презрения в глазах просвещенных классов общества.

Несмотря на то что неверие вошло в моду в век Антонинов, и интересы жрецов, и суеверие народа пользовались достаточным уважением. И в своих сочинениях, и в устных беседах древние философы поддерживали самостоятельные достоинства разума, но свои действия они подчиняли велениям законов и обычаев. Взирая с улыбкой сожаления и снисходительности на различные заблуждения простого народа, они все-таки усердно исполняли религиозные обряды своих предков, с благоговением посещали храмы богов и даже иногда снисходили до деятельной роли на театре суеверий, скрывая под священническим облачением чувства атеиста. При таком настроении ума философы, натурально, не были склонны вступать в споры касательно догматов веры или форм богослужения. Им было все равно, в какую бы форму ни облекалось безрассудство толпы, и они приближались с одинаковым чувством тайного презрения и к алтарю Юпитера Ливийского, и к алтарю Юпитера Олимпийского, и к алтарю того Юпитера, которому поклонялись в Капитолии²⁷.

Терпимость должностных лиц... Трудно себе представить, каким путем мог бы дух преследований проникнуть в систему римского управления. Высшие должностные лица не могли впасть в слепое, хотя бы и искреннее, ханжество, так как они сами были философами, а сенат руководствовался тем, чему поучали в афинских школах; они не могли подчиняться голосу честолюбия или корыстолюбия, так как светская и духовная власть соединялась в одних руках. В первосвященники избирались самые знаменитые сенаторы, а обязанности верховного первосвященника постоянно исполнялись самими императорами. Они понимали

²⁶ В течение одного или двух столетий даже галлы дали своим богам имена Меркурия, Марса, Аполлона и др. (Г.)

²⁷ И Сократ, и Эпикур, и Цицерон, и Плутарх всегда старались внушать другим уважение и к религии их собственной страны, и к религиям всего человеческого рода. (Г.)

и ценили пользу религии в ее связи с гражданским управлением. Они поощряли устройство публичных празднеств, смягчающих народные нравы. Они пользовались искусством авгуров предсказывать будущее как очень пригодным политическим орудием и поддерживали как самую прочную основу общества то полезное убеждение, что и в этой, и в будущей жизни клятвopеступление не избегает мщения богов.

...в провинциях. Признавая общую пользу религии, они вместе с тем были убеждены, что различные виды богослужения одинаково ведут к одним и тем же полезным целям и что та форма суеверия, которая освящена временем и опытом, есть самая пригодная для климата страны и для ее жителей. Корыстолюбие и любовь к изящным искусствам нередко отнимали у побежденных народов изящные статуи их богов и богатые украшения их храмов²⁸, но в отправлении религиозных обрядов, унаследованных ими от предков, эти народы всегда пользовались снисходительностью и даже покровительством римских завоевателей. Галлия была, по-видимому, – и действительно только по-видимому – исключением из общего правила повсеместной религиозной терпимости. Под предлогом уничтожения человеческих жертвоприношений императоры Тиберий и Клавдий уничтожили опасное могущество друидов, но и сами жрецы, и их боги, и их алтари продолжали в неизвестности свое мирное существование до окончательного уничтожения язычества.

...в Риме. В Рим, как в столицу обширной монархии, постоянно стекались со всех концов мира римские подданные и иноземцы, которые приносили туда вместе с собою и публично исповедовали там суеверия своей родины. Каждый город имел право поддерживать свои древние религиозные церемонии во всей их чистоте, и римский сенат, пользуясь этим общим для всех правом, иногда пытался приостановить наплыв стольких чужеземных культов. Египетские религиозные обряды, как самые низкие и отвратительные, нередко воспрещались; храмы Сераписа и Исиды подвергались разрушению, а их священнослужителей изгоняли из Рима и из Италии. Но усердие фанатизма одержало верх над хладнокровными и слабыми усилиями политики. Изгнанники вернулись назад, число их приверженцев увеличилось, храмы были восстановлены в большем против прежнего великолепии, а Исида и Серапис в конце концов заняли места между римскими божествами. Впрочем, такая снисходительность не была отклонением от старых правительственных принципов. В те времена республики, когда нравы были самые чистые, к Кибеле и Эскулапу было отправлено торжественное посольство, чтобы пригласить их пожаловать в Капитолий, а когда предпринималась осада какого-нибудь города, римляне имели обыкновение заманивать к себе богов-покровителей этого города обещанием более высоких почестей, чем те, которые им воздавались в их отечестве. Таким образом, Рим мало-помалу обратился в общий храм своих подданных и права гражданства были дарованы всем богам человеческого рода²⁹.

II. Римское гражданство. Близорукая политика, основанная на желании сохранить без всякой иноземной примеси чистоту крови своих первых граждан, остановила развитие и ускорила падение Афин и Спарты. Но властолюбивый римский гений принес тщеславие в жертву честолюбию: он нашел, что более благоразумно и более почетно усваивать добродетели и достоинства отовсюду, где бы они ни нашлись, – от рабов, от иноземцев, от врагов и от варваров. В самую цветущую эпоху Афинской республики число граждан мало-помалу уменьшилось с почти тридцати тысяч до двадцати одной тысячи. Напротив того, изучая развитие Римской республики, мы находим, что, несмотря на войны и выселение колонистов, число граждан, доходившее при первой народной переписи Сервия Туллия только до вось-

²⁸ См. у Цицерона [в речах против Верреса], какая судьба была у Сиракуз, Тарента, Амбракии, Коринфа и пр. и каково было поведение Верреса; касательно обыкновенного образа действия губернаторов см. восьмую сатиру Ювенала. (Г.)

²⁹ Однако поклонение иноземным божествам в Риме совершалось только уроженцами тех стран, откуда оно было занесено. Сами римляне поклонялись только богам своих предков. (Примеч. немецкого историка Вильгельма Венка, выпустившего в 1779 г. немецкий перевод книги Гиббона; далее – В.)

мидесяти трех тысяч, возросло перед началом войны с италийскими союзниками³⁰ до четырехсот шестидесяти трех тысяч человек, способных носить оружие. Правда, когда союзники Рима потребовали для себя равной доли участия в почестях и привилегиях, сенат предпочел случайности войны постыдной уступчивости. Самниты и луканы тяжело заплатились за свою опрометчивость, но другие италийские народы, по мере того как они возвращались к своему долгу, принимались в лоно республики и вскоре вслед за тем содействовали уничтожению общественной свободы. При демократической форме правления граждане исполняют функции верховной власти, а когда эта власть попадает в руки громадной народной массы, не способной держаться одного определенного направления, ее сначала злоупотребляют, а затем ее утрачивают. Но когда народные собрания были уничтожены императорами, победители были отличены от побежденных народов только тем, что образовали из себя высший и самый почетный класс подданных, и, хотя число их увеличивалось довольно быстро, оно уже не подвергалось таким же опасностям. Впрочем, самые благоразумные императоры, придерживавшиеся принципов Августа, с величайшим старанием охраняли достоинство римского имени и раздавали права гражданства с большой разборчивостью.

Италия. До того времени, когда привилегии римлян успели мало-помалу распространиться на всех жителей империи, между Италией и провинциями существовало важное различие. Италия считалась центром государственного единства и твердой основой государственных учреждений. Она гордилась тем, что была местом рождения или по меньшей мере местом пребывания императоров и сенаторов³¹. Земли италийцев были свободны от налогов, а их личность – от самоуправства магистратов. Их муниципальным корпорациям, организованным по превосходному образцу столицы, было вверено исполнение законов под непосредственным наблюдением верховной власти. От подножий Альп до крайних пределов Калабрии все италийские уроженцы были римскими гражданами по праву рождения. Их местные отличия сгладились, и они незаметным образом слились в один великий народ, связанный единством языка, нравов и гражданских учреждений и способный выдерживать на своих плечах всю тяжесть могущественной империи. Республика гордилась такой великодушной политикой и нередко была вознаграждаема за нее достоинствами и заслугами усыновленных ею детей. Если бы почетное имя римлянина оставалось принадлежностью древних родов внутри городских стен, это бессмертное имя лишилось бы некоторых из своих лучших украшений. Вергилий был родом из Мантуи; Гораций не был уверен в том, должен ли он считать себя уроженцем Апулии или уроженцем Лукании; в Падуе нашелся такой историк, который был достоин описывать величественный ряд римских побед³². Патриотический род Катонов вышел из Тускула, а маленькому городку Арпинуму принадлежит двойная честь быть родиной Марии и Цецерона, из которых первый удостоился, после Ромула и Камилла, названия третьего основателя Рима, а второй спас свою отчизну от замыслов Катилины и дал ей возможность оспаривать у Афин пальму первенства в красноречии.

Провинции империи (описанные нами в предшествующей главе) не имели никакой политической силы, никакой конституционной свободы. И в Этрурии, и в Греции, и в Галлии первой заботой сената было уничтожение тех опасных конфедераций, которые были способны поведать всему миру, что своими военными успехами римляне были обязаны внутренним раздорам врагов и что побороть их можно только соединенными силами. Случалось, что римское правительство, прикрываясь личиной признательности или великодушия, на время оставляло тень верховной власти в руках побежденных государей, но оно свергало их с престолов,

³⁰ То есть с середины VI в. до н. э. до 91 г. до н. э. (Ред.)

³¹ Сенаторы были обязаны иметь одну треть их поземельной собственности непременно в Италии. Марк Аврелий уменьшил этот размер до одной четверти. Со времен царствования Траяна Италия низошла почти до одного уровня с провинциями. (Г.)

³² Имеется в виду древнеримский историк Тит Ливий. (Ред.)

лишь только была исполнена возложенная на них задача – приучить покоренный народ к наложенному на него ярму. Свободные государства и города, принявшие сторону Рима, награждались за это номинальным титулом союзников, но потом незаметным образом впадали в настоящее рабство. Правительственная власть повсюду находилась в руках высших должностных лиц, назначавшихся сенатом и императорами, и эта власть была абсолютна и бесконтрольна. Но те же самые благотворные принципы управления, которые упрочили спокойствие и покорность Италии, были распространены на самые отдаленные из завоеванных стран. В провинциях мало-помалу образовалась римская национальность двояким путем: путем поселения римских колоний и путем допущения самых преданных и достойных жителей провинций к пользованию правами римского гражданства.

Колонии и муниципальные города. «Римлянин поселяется повсюду, где он совершил завоевание» – верность этого замечания Сенеки³³ подтверждается историей и опытом. Итальянский уроженец, увлекаясь приманкой удовольствия или интереса, спешил воспользоваться выгодами победы, и здесь не лишним будет припомнить, что почти через сорок лет после покорения Азии восемьдесят тысяч римлян были безжалостно умерщвлены в один день по приказанию Митридата³⁴. Эти добровольные изгнанники занимались большей частью торговлей и земледелием или брали на откуп государственные доходы. Но после того, как императоры назначили легионам постоянные места пребывания, провинции стали заселяться семействами солдат: ветеран, получивший в награду за свою службу денежную сумму или земельный участок, обыкновенно поселялся со своим семейством в той стране, в которой он с честью провел свою молодость. Во всей империи, но преимущественно в ее западных частях, самые плодородные земли и самые выгодные местности отводились для колоний, из которых одни имели гражданский характер, а другие военный. По своим нравам и по своему внутреннему управлению эти колонии были верным изображением своей метрополии; они скоро успевали привязать к себе местное население узами дружбы и родства и, распространяя между туземцами уважение к римскому имени, внушали им желание добиться связанных с этим именем отличий и выгод, – желание, которое редко оставалось неудовлетворенным. Муниципальные города незаметно сравнивались с колониями положением и богатством, так что в царствование Адриана существовали различные мнения насчет того, какое положение лучше – положение ли обществ, вышедших из недр Рима, или же положение обществ, принятых в его недра³⁵. Так называемое *jus Latii* (право латинян) доставляло городам, которым оно было даровано, особые преимущества. Одни только высшие должностные лица по истечении срока своих служебных обязанностей получали звание римских граждан, но так как они назначались только на один год, то это звание очень скоро сделалось достоянием главных родов. Те жители провинций, которым было дозволено служить в легионах, те из них, которые исполняли какую-нибудь гражданскую должность, одним словом, все те, которые несли какую-нибудь общественную службу или отличались какими-нибудь личными достоинствами, получали в награду подарки, ценность которых постоянно уменьшалась по причине чрезмерной щедрости императоров. Однако даже в век Антонинов, когда значительная часть их подданных получила права гражданства, эти права все еще были связаны с очень значительными выгодами. Это название давало право пользоваться римским законодательством, что было особенно выгодно в делах о браках, завещаниях и наследствах; вместе с тем оно открывало блестящую карьеру для честолюбия, опиравшегося на протекцию или на личные достоинства. Внуки тех самых галлов, которые осаждали Юлия Цезаря в Алезии³⁶, командовали легионами, управляли провинциями и могли заседать в рим-

³³ Сенека. Утешение к матери Гельвии, гл. VII. (Ред.)

³⁴ Этот акт террора произошел в 88 г. до н. э.; известен как Эфесская вечерня. (Ред.)

³⁵ Император Адриан был удивлен тем, что города Утика, Кадис и Италика, уже пользовавшиеся правами *муниципий*, просили названия *колоний*; однако их пример нашел подражателей, и в империи развелось множество почетных колоний. (Г.)

³⁶ *Алезия* находилась неподалеку от Семюра, в местности, называемой Осуа, в Бургундии. Победа Цезаря при Алезии

ском сенате. Их честолюбие не только не нарушало в государстве спокойствия, но и было тесно связано с его безопасностью и величием.

Различия между провинциями латинскими и греческими. Римляне очень хорошо понимали, какое сильное влияние имеет язык на народные нравы; поэтому они очень серьезно заботились о том, чтобы вслед за успехами их оружия распространялось и употребление латинского языка. Древние италийские наречия – сабинское, этрусское и венецкое – вышли из употребления, но что касается провинций, то восток был менее запада послушен голосу своих победоносных наставников. Это резкое различие обозначало две противоположные части империи с такой яркостью красок, которая хотя отчасти и прикрывалась блеском благоденствия, но мало-помалу становилась более поразительной, по мере того как мрак ночи стал окутывать римский мир. Западные страны получили цивилизацию из тех самых рук, которые их поработили. Лишь только умы варваров примирились с мыслью о покорности, они стали охотно воспринимать всякие новые для них впечатления знаний и образованности. Язык Вергилия и Цицерона – хотя и с некоторой неизбежной примесью испорченности – вошел в столь всеобщее употребление в Африке, Испании, Галлии, Британии и Паннонии³⁷, что слабые остатки пунических или кельтских наречий сохранились только в горах или между крестьянами³⁸. Воспитание и образование незаметным образом приучили уроженцев тех стран думать так же, как думали римляне, и провинции стали заимствовать у Италии моды, точно так же как они заимствовали у нее свои законы. Они стали с большей настойчивостью просить и с большей легкостью получать гражданские права и отличия, поддерживали национальное достоинство на поприщах литературном и военном и, наконец, дали в лице Траяна такого императора, которого даже Сципионы не отказались бы признать за своего соотечественника³⁹. Положение греков было совершенно иное, чем положение варваров. Они давно уже были цивилизованны и нравственно испорчены. У них было так много изящного вкуса, что они не могли отказаться от своего родного языка, и так много тщеславия, что они не могли принять какие-либо иноземные учреждения. Сохраняя предрассудки своих предков, после того как они утратили их добродетели, они делали вид, будто презирают грубые нравы римских завоевателей, а между тем поневоле должны были преклоняться перед их высокой мудростью и перед их могуществом⁴⁰. Впрочем, влияние греческого языка и греческих нравов не ограничивалось узкими пределами этой когда-то знаменитой страны. Путем развития колоний и путем завоеваний оно распространилось от Адриатики до Евфрата и Нила. Азия была усеяна греческими городами, а продолжительное господство македонских царей произвело без всяких потрясений переворот в нравах Сирии и Египта. В роскошной обстановке своего двора эти государи соединяли афинское изящество с восточной роскошью, а высшие классы их подданных следо-

---

обозначает эпоху подпадения Галлии под римское владычество. (Примеч. французского историка Франсуа Гизо к французскому переводу книги Гиббона 1828 г.; далее – Гизо.)

³⁷ Систематическое распространение и общее употребление латинского языка в этих провинциях весьма сомнительны. В тех странах, где римляне держали постоянные гарнизоны и где они были в большом числе, они, без сомнения, вводили свой язык в общее употребление, но не заботились серьезно о его распространении. Таким путем он и в Галлии, и в Испании приобрел такое преобладание, что послужил основой для новейших языков. Но не так было в Британии. В английском языке мало слов, непосредственно происходящих от латинских. Многие слова попали в него из этого источника через посредство французского языка, занесенного норманнскими завоевателями и позднейшими международными отношениями. (Примеч. редактора английского подлинника 1877 г. (издатель: Джордж Белл и сыновья), с которого был сделан настоящий перевод; далее – Изд.)

³⁸ Нельзя согласиться с Гиббоном, что кельтский язык только случайно сохранился в горах и между крестьянами. Он был гораздо более распространен после эпохи римского владычества. Не римская политика, а вторжение готов вытеснило самую раннюю европейскую форму речи и заставило ее искать убежища в горах. (Изд.)

³⁹ Гиббон оставляет без внимания тот факт, что большая часть провинциальных жителей, прославившихся своими заслугами и сочинениями, или воспитывалась в Риме, или жила там с ранней молодости и писала свои сочинения под влиянием тамошнего общества. (Изд.)

⁴⁰ Сколько мне известно, начиная с Дионисия и кончая Либанием, ни один греческий критик не упомянул о Вергилии или Горации. Они будто не знали, что у римлян были хорошие писатели. (Г.)

вали их примеру в более скромных размерах. Таково было общее разделение Римской империи относительно языков латинского и греческого. К этим двум разрядам следует прибавить третий, к которому принадлежали жители Сирии и в особенности Египта. Привязанность этих народов к их старинным диалектам, препятствовавшая их сближению с другими народами, была причиной того, что они оставались в прежнем невежестве. Праздная изнеженность первых из них внушала их победителям презрение, а мрачная свирепость вторых – отвращение. Эти народы подчинились римскому господству, но редко искали и редко удостоивались прав гражданства; и не прежде как по прошествии более двухсот тридцати лет после падения Птолемея одному египтянину удалось попасть в римский сенат⁴¹.

Общее употребление как греческого, так и латинского языка. Всем известна избитая истина, что сам победоносный Рим должен был преклониться перед искусствами Греции. Те бессмертные писатели, которыми до сих пор восхищается новейшая Европа, скоро сделались любимым предметом изучения и подражания и в Италии, и в западных провинциях. Но то, что служило для римлян приятным развлечением, не могло иметь влияния на здоровые принципы их политики. Сознывая всю привлекательность греческих образцовых произведений, они все-таки поддерживали достоинство латинского языка, который неизменно оставался исключительным языком и гражданского, и военного управления. Каждый из этих двух языков имел по всей империи свою особую сферу: греческий язык был естественным языком науки, а римский – легальным языком для всех общественных дел. Тот, кто соединял литературные занятия с деловыми, был знаком с ними обоими, и между жившими в провинциях образованными римскими подданными едва ли можно было найти хоть одного, который был бы не знаком ни с греческим, ни с латинским языком.

Рабы. Благодаря таким-то порядкам покоренные народы и слились незаметным образом под общим именем римлян в один народ. Но в центре каждой провинции и в недрах каждого семейства все еще существовал тот несчастный класс людей, который нес на себе всю тяжесть общественных уз, не имея никакой доли в их выгодах.

Обхождение с ними. В свободных государствах древности домашние работы не были ничем ограждены от капризных жестокостей деспотизма. Окончательному упрочению Римской империи предшествовали века насилий и хищничества. Класс рабов состоял большей частью из тех взятых в плен варваров, которых захватывали на полях битв целыми тысячами, которых продавали потом по дешевой цене и которые, привыкшие к независимости, горели нетерпением разорвать свои узы и отомстить за них. Против таких внутренних врагов, не раз своими отчаянными восстаниями ставивших республику на край гибели, самые строгие постановления и самое жестокое обращение, по-видимому, оправдывались верховным законом самосохранения. Но когда главные народы Европы, Азии и Африки соединились под одной верховной властью, внешний источник, из которого в изобилии добывались рабы, стал сякнуть, и римляне были вынуждены прибегать к более мягкому и более медленному способу их размножения. В своих многочисленных семьях и в особенности в своих загородных поместьях они стали поощрять браки между своими рабами. Природные чувства, привычки, порождаемые образованием, и обладание такого рода собственностью, которая находилась в некоторой зависимости от других, – вот что содействовало облегчению тягостей рабства. Жизнь раба сделалась более ценной, и, хотя его благополучие все еще зависело от характера и денежных средств господина, человеколюбие последнего уже не сдерживалось страхом, а, напротив того, находило для себя поощрение в его личных интересах. Улучшению нравов содействовали добродетели или политические расчеты императоров, и покровительство законов было распространено эдиктами Адриана и Антонинов на самую презренную часть человеческого рода. Право распоряжаться жизнью и смертью рабов было отнято у частных лиц, которые так часто зло-

⁴¹ Первый подобный случай был в царствование Септимия Севера. (Г.)

употребляли, и передано исключительно в руки судей. Подземные тюрьмы были уничтожены, и если жалоба раба на невыносимое с ним обхождение была признана основательной, то обиженный раб или получал свободу, или переходил к другому, менее жестокому господину.

Их отпуск на волю. Римский раб не был лишен лучшего утешения в бедственном положении – надежды, и, если ему представлялся случай принести пользу или удовольствие, он мог надеяться, что усердие и преданность нескольких лет будут вознаграждены неоценимым даром свободы. Милосердие господина так часто имело своим источником низкие побуждения тщеславия и корыстолюбия, что законодатели находили нужным не поощрять, а сдерживать широкую и неразборчивую щедрость, которая могла превратиться в очень опасное злоупотребление. В древней юриспруденции существовало правило, что у раба нет отечества, поэтому вместе со свободой он получал право вступать в то политическое общество, в котором его патрон состоял членом. В силу этого правила привилегии римского гражданства сделались бы достоянием низкой и смешанной толпы. Поэтому из него были сделаны своевременно некоторые исключения и это почетное отличие стали раздавать только тем рабам, которые получали торжественную и легальную вольную на основании уважительных причин и с одобрением судьи. Даже эти избранные вольноотпущенники получали не более как личные права гражданства и были лишены гражданских или военных отличий. Как бы ни были достойны или богаты их сыновья, они также считались недостойными занимать места в сенате, и следы рабского происхождения считались совершенно сглаженными не прежде как в третьем или четвертом поколении. Таким образом, без нарушения различий рангов открывалась в отдаленном будущем перспектива свободы и почестей даже для тех, кого спесь и предрассудок неохотно причисляли к разряду человеческих существ.

Их число. Однажды сделано было предложение дать рабам особую одежду для отличия их от остального населения, но оно вызвало основательное возражение, ибо было бы опасно познакомить их с их собственной многочисленностью. Молодые рабы с много обещавшими дарованиями обучались искусствам и наукам, и цена их определялась степенью их искусства и способностей. В доме богатого сенатора можно было найти людей почти всяких профессий, как либеральных⁴², так и ремесленных. Число людей, которые содержались для удовлетворения требований блеска и сластолюбия, превышало все требования новейшей роскоши. Купцы и ремесленники находили более выгодным покупать рабов, чем нанимать рабочих, и в деревнях рабы употреблялись как самые дешевые и самые полезные орудия для земледельческих работ. В подтверждение наших замечаний о положении и числе рабов мы могли бы привести множество частных фактов. По случаю одного печального происшествия стало известно, что только в одном из римских дворцов было четыреста рабов⁴³. Такое же число рабов содержалось в имении, которое одна вовсе не знатная вдова какого-то африканца передала своему сыну, оставив за собою гораздо более значительное имение. В царствование Августа один вольноотпущенный, понесший большие потери от междоусобных войн, оставил после себя три тысячи шестьсот пар волов, двести пятьдесят тысяч голов мелкого скота и четыре тысячи сто шестнадцать рабов, которые были включены почти в одну опись со скотом.

Населенность Римской империи. Число живших под римскими законами граждан, провинциалов и рабов не может быть нами определено с той точностью, какой заслуживает важность этого предмета. Нам известно, что, по вычислению, сделанному императором Клавдием в то время, как он исполнял должность цензора, оказалось шесть миллионов девятьсот сорок пять тысяч римских граждан, а вместе с соответствующим числом женщин и детей эта цифра должна была доходить почти до двадцати миллионов душ. Число подданных низшего разряда не было в точности известно, и к тому же оно было изменчиво. Однако, если мы взве-

---

⁴² Многие римские врачи были рабами. (Г.)

⁴³ Они все были казнены за то, что не предохранили своего хозяина от убийцы. (Г.)

сим со вниманием все, что может входить в расчет, мы найдем, что во времена Клавдия жителей в провинциях было, по всей вероятности, вдвое больше, чем граждан обоого пола и всякого возраста, и что число рабов по меньшей мере равнялось числу свободных обитателей Римской империи. Стало быть, в общем итоге этих приблизительных вычислений будет около ста двадцати миллионов людей.

Повиновение и единодушие. Внутреннее спокойствие и согласие были естественными результатами умеренной и благоразумной политики Рима. Если мы обратим наши взоры на азиатские монархии, мы увидим там деспотизм в центре и слабость на окраинах; собиране государственных доходов и отправление правосудия нуждаются там в присутствии вооруженной силы, непокорные варвары утвердились в самом центре страны, наследственные сатрапы захватили в свои руки верховную власть над провинциями, а подданные хотя и не способны к свободе, однако склонны к мятежу. Но в римских владениях повиновение было повсеместное, добровольное и постоянное. Покоренные народы, слившись в один великий народ, отказались от надежды и даже утратили желание возвратиться себе независимость и едва ли считали свое собственное существование отдельным от существования Рима. Власть императоров без всяких усилий проникала во все части их обширных владений и действовала на берегах Темзы и Нила с такой же легкостью, как и на берегах Тибра. Назначение легионов заключалось в обороне от внешних врагов, и гражданские власти редко прибегали к содействию военной силы. При такой всеобщей безопасности и государь, и его народ употребляли свой досуг и свое богатство на украшение и возвеличение Римской империи.

Римские общественные сооружения. Между бесчисленными памятниками архитектуры, которые были воздвигнуты римлянами, как много таких, которые ускользнули от исторических исследований, и как мало таких, которые устояли и против разрушительного влияния времени, и против опустошений варваров! А все-таки достаточно разбросанных по Италии и провинциям величественных развалин, чтобы доказать нам, что эти страны когда-то входили в состав цивилизованной и могущественной империи. Уже по своему величию и по своей красоте они достойны нашего внимания, но они делаются еще более интересными для нас благодаря двум обстоятельствам, устанавливающим тесную связь между историей искусств и более поучительной историей человеческих нравов, – благодаря тому, что многие из этих сооружений были воздвигнуты на частные средства, и благодаря тому, что почти все они воздвигались для общественной пользы.

Многие из них построены на средства частных лиц. Не трудно поверить, что большая часть этих сооружений, и самые значительные из них, были воздвигнуты императорами, которые имели в своем распоряжении такое громадное число работников и такие громадные денежные средства. Август часто хвастался тем, что он нашел свою столицу кирпичной, а оставляет ее мраморной⁴⁴. Строгая бережливость Веспасиана была источником его великолепия. Сооружения Траяна носят на себе печать гения. Общественные здания, которыми Адриан украсил каждую провинцию своей империи, были возведены не только по его собственному приказанию, но и под его непосредственным надзором. Он сам был артист и любил искусства, потому что они покрывают монарха славой. Им покровительствовали Антонины, полагая, что они способствуют благосостоянию народа. Но императоры были только главными, а не единственными предпринимателями построек в своих владениях. Их примеру следовали самые богатые из их подданных, не боявшиеся заявлять перед целым миром, что у них достаточно ума, чтобы задумать самое грандиозное предприятие, и достаточно сокровищ, чтобы исполнить задуманное. Лишь только было воздвигнуто в Риме громадное здание Колизея, Капуя и Верона построили для себя и на свой счет такие же здания, хотя и в меньших размерах, но по тому же плану и из таких же материалов. Надпись на громадном мосту близ Алькэн-

---

⁴⁴ См.: Светоний. Жизнь двенадцати цезарей, кн. 2. Божественный Август, гл. 28. (Ред.)

тары свидетельствует о том, что он был перекинут через Тахо на денежные средства нескольких лузитанских общин. Когда Плиний был назначен губернатором Вифинии и Понта, вовсе не принадлежавших к числу самых богатых или самых значительных провинций империи, он нашел, что подведомственные ему города соперничают между собою в сооружении разных полезных и служащих украшением построек, которые могли бы внушить любопытство чужестранцам или признательность местным гражданам. На обязанности проконсула лежало помогать им деньгами, руководить их вкусами, а иногда и сдерживать их соревнование. И в Риме, и в провинциях богатые сенаторы считали за честь и почти за обязанность содействовать блеску своего времени и своей страны, а влияние моды нередко восполняло недостаток вкуса или щедрости. Из множества таких частных благодетелей мы назовем афинского гражданина Герода Аттика, жившего в век Антонинов. Каковы бы ни были мотивы его действий, его щедрость была достойна самых могущественных монархов.

Пример Герода Аттика. Род Герода – по крайней мере после того, как ему улынулась фортуна, – вел свое происхождение по прямой линии от Кимона и Мильтиада, от Тесея и Кекропса, от Эака и Юпитера⁴⁵. Но потомство стольких богов и героев впало в самую крайнюю нищету. Дед Герода был подвергнут тяжелому наказанию по приговору суда, а его отец, Юлий Аттик, окончил бы свою жизнь в бедности и в презрении, если бы ему не удалось открыть огромное сокровище, которое было зарыто под старым домом, составлявшим все, что он сберег от отцовского наследства. По букве закона император мог бы предъявить свои права на эту находку, и предусмотрительный Аттик предупредил донос откровенным признанием. Но справедливый Нерва, занимавший в то время императорский престол, не захотел воспользоваться никакой долей сокровища и приказал объявить Аттику, что он может со спокойной совестью пользоваться этим даром фортуны. Осторожный афинянин все-таки настаивал, утверждая, что это сокровище слишком громадно для подданного и что он не знает, какое сделать из него употребление. «В таком случае злоупотребляйте им, – возразил монарх с нетерпением, в котором сказывалось его добродушие, – так как оно составляет вашу собственность»⁴⁶.

Его репутация. Можно бы было подумать, что Аттик буквально исполнил это последнее императорское наставление, так как он издержал для общественной пользы большую часть своего состояния, значительно увеличенного выгодным браком. Он выхлопотал своему сыну Героду место префекта над вольными городами Азии. Молодой сановник, заметив, что город Троя недостаточно снабжен водою, испросил у Адриана триста мириад⁴⁷ драхм (около ста тысяч фунтов стерлингов) на постройку нового водопровода. Но при производстве работ оказалось, что нужна сумма вдвое более крупная, и между чиновниками, ведавшими государственными доходами, поднялся ропот; тогда великодушный Аттик положил конец их неудовольствию, обратившись к ним с предложением взять на себя весь излишек расходов.

Привлекаемые щедростью денежных наград, лучшие преподаватели съехались из Греции и Азии, для того чтобы руководить образованием юного Герода. Их ученик скоро сделался знаменитым оратором согласно с правилами бесплодной риторики того века, запиравшейся внутри школьных стен и не старавшейся выказывать себя ни на площади, ни в сенате. Он был почтен званием римского консула, но большую часть своей жизни провел в Афинах или в окрестных виллах этого города; там он занимался изучением философии, будучи постоянно окружен софистами, которые охотно признавали над собой превосходство богатого и щедрого соперника. Памятники его гения погибли, но о его изящном вкусе и роскоши до сих пор свидетельствуют уцелевшие развалины. Новейшие путешественники измерили остатки

⁴⁵ От Юпитера – точнее, Зевса, так как Герод Аттик происходил из богатой греческой семьи. (Ред.)

⁴⁶ Впоследствии Адриан установил правило, по которому одна часть найденного сокровища отдавалась владельцу земли, а другая – тому, кто его нашел. (Г.)

⁴⁷ Мириада – от греч. *μυρία* – десять тысяч. (Ред.)

ристалища, которое он выстроил в Афинах. Оно имело шестьсот футов в длину, было выстроено все из белого мрамора, могло вмещать в себя весь народ и было окончено в четыре года, в течение того времени, когда Герод был устройтелем афинских игр. Он выстроил в память своей жены Региллы театр, с которым едва ли мог равняться какой-либо из театров империи: для постройки этого здания не употребляли никакого другого дерева, кроме кедрового, покрытого очень изящной резьбой. Одеон, предназначенный Периклом для публичных представлений и для репетиций новых трагедий, был трофеем победы, одержанной искусствами над могуществом варваров, так как употребленный на его постройку лес состоял большей частью из мачт персидских кораблей. Несмотря на то что один из царей Каппадокии сделал починки в этом старом здании, оно снова грозило разрушением. Герод возвратил ему прежнюю красоту и великолепие. Впрочем, щедрость этого знаменитого гражданина не ограничивалась внутренностью афинских стен. Ни самые богатые украшения на храме Нептуна, находившемся на Коринфском перешейке, ни театр в Коринфе, ни ристалище в Дельфах, ни бани в Фермопилах, ни водопровод в Канузии, в Италии, не были в состоянии истощить его сокровищ. Жители Эпира, Фессалии, Эвбеи, Беотии и Пелопоннеса испытали на себе его щедрость, а некоторые надписи, уцелевшие в греческих и азиатских городах, свидетельствуют о том, что эти города из чувства признательности к Героду Аттику называли его своим покровителем и благодетелем.

Римские сооружения воздвигались большей частью для общего употребления; храмы, театры, водопроводы и т. д. В республиках Афинской и Римской скромная простота частных домов свидетельствовала о равенстве состояний, а народное верховенство выражалось в великолепии зданий, назначенных для общего пользования. Этот республиканский дух не вполне угас с развитием богатств и монархической формы правления. Самые добродетельные из императоров обнаруживали свою роскошь в возведении зданий, доставлявших народу и славу, и пользу. Золотой дворец Нерона возбуждал справедливое негодование, но обширные пространства, захваченные им для удовлетворения себялюбивой склонности к роскоши, были при его преемниках покрыты зданиями, воздвигнутыми с более благородными целями, – Колизеем, банями Тита, портиком Клавдия и храмами, посвященными богине Мира и гению Рима. Эти памятники архитектуры, составлявшие собственность римского народа, были украшены самыми лучшими произведениями греческой живописи и скульптуры, а в храме Мира была открыта для любознательных просвещенных людей очень интересная библиотека. Неподалеку отсюда находился форум Траяна. Он был обнесен высокой галереей, которая имела форму четырехугольника; четыре триумфальные арки служили для нее величественными и просторными входными дверями; в ее центре возвышалась мраморная колонна, которая своей высотой в сто десять футов обозначала высоту того холма, который пришлось скрыть. Эта колонна, существующая до сих пор в своей первобытной красоте, носит на себе точное изображение подвигов ее основателя в победоносной войне с даками. Здесь ветеран созерцал историю своих собственных походов, а мирный гражданин путем иллюзии, внушаемой национальным тщеславием, сам мог принимать участие в почестях триумфа. Благодаря этой благородной склонности к всенародной роскоши все другие части столицы и все провинции империи были украшены амфитеатрами, театрами, храмами, портиками, триумфальными арками, банями и водопроводами, то есть такими сооружениями, которые имели в виду или здоровье, или благочестие, или удовольствие даже самого последнего из граждан. Последние из упомянутых сооружений заслуживают с нашей стороны особенного внимания. Смелость предприятий этого рода, солидность их исполнения и цель, для которой они назначались, ставят водопроводы в ряд самых благородных памятников гения и могущества римлян. Первое место между ними по справедливости принадлежит столичным водопроводам, но, если бы какой-нибудь любознательный путешественник стал осматривать водопроводы в Сполето, в Меце или в Сеговии, он, естественно, подумал бы, что каждый из этих провинциаль-

ных городов когда-то был резиденцией какого-нибудь могущественного монарха. Азиатские и африканские пустыни когда-то были покрыты цветущими городами, которые были обязаны своею населенностью и даже своим существованием этим искусственным и никогда не истощавшимся запасам свежей воды.

Число и размеры городов в Италии... Полагают, что в древней Италии было тысяча сто девяносто семь городов; к какой бы эпохе древности ни относилась эта цифра, нет никакого основания думать, что в век Антонинов страна была менее населена, чем в век Ромула. Мелкие государства Лация, повинувшись притягательной силе метрополии империи, вошли в ее состав. Те части Италии, которые так долго томились под слабым и тиранским управлением жрецов и тиранов, испытывали в ту пору лишь более сносные бедствия войны, а обнаружившиеся в них первые признаки упадка были с избытком возмещены быстрым развитием благосостояния в Цизальпийской Галлии. Препеющее великолепие Вероны еще видно из ее руин; а между тем Верона была менее знаменита, нежели Аквилея или Падуя, нежели Милан или Равенна.

Дух усовершенствований перешел по ту сторону Альп и заявил о себе даже в лесах Британии, которые мало-помалу расчищались, чтобы дать место удобным и красивым жилищам. Йорк был местопребыванием правительства, Лондон уже обогащался торговлей, а Бат уже славился благотворным влиянием своих целебных вод.

...в Галлии и Испании. Галлия могла похвастаться своими тысячею двумястами городами, и хотя в северных ее частях эти города, не исключая и самого Парижа, были большей частью не чем иным, как самыми простыми и некрасивыми сборными пунктами зарождавшейся нации, южные провинции подражали итальянской роскоши и изяществу. В Галлии было немало таких городов, которые находились в ту пору не в худшем, а, может быть, даже в лучшем положении, чем теперь; таковы были Марсель, Арль, Ним, Нарбон, Тулуза, Бордо, Отён, Вьен, Лион, Лангр и Трир. Что касается Испании, то эта страна процветала в качестве провинции с ее тремястами шестьюдесятью городами, список которых был составлен Плинием в царствование Веспасиана.

...в Африке. Триста африканских городов когда-то признавали над собою верховенство Карфагена, и нет основания думать, чтобы число их уменьшилось под императорским управлением; сам Карфаген восстал из пепла в новом блеске и, подобно Капуе и Коринфу, скоро стал пользоваться всеми выгодами своего положения, какие только возможны при отсутствии политической самостоятельности.

...в Азии. Восточные страны представляют резкий контраст между великолепием римлян и варварством турок. Древние развалины, разбросанные по невозделанным полям и приписываемые невежеством действию волшебной силы, едва могут служить убежищем для какого-нибудь загнанного крестьянина или для блуждающего араба. Под управлением цезарей в одной собственно так называемой Азии было пятьсот многолюдных городов, на которые природа рассыпала все свои дары, а искусство – все свои украшения. Одиннадцать азиатских городов когда-то оспаривали друг у друга почетное право воздвигнуть храм в честь Тиберия, и римский сенат взвешивал их сравнительные достоинства⁴⁸. Четирем из них было немедленно отказано на том основании, что они не в силах взяться за такое предприятие, и в этом числе была Лаодикея, препеющее великолепие которой до сих пор еще видно из ее развалин. Лаодикея получала очень значительные доходы от своих стад баранов, славившихся нежностью своей шерсти, а незадолго до упомянутого состязания получила по завещанию одного щедрого гражданина более четырехсот тысяч фунтов стерлингов. Если такова была бедность Лаодикеи, то каково же было богатство тех городов, притязаниям которых было отдано предпочтение, и в особенности каково было богатство Пергама, Смирны и Эфеса, так долго тягав-

---

⁴⁸ Десять из них совершенно разрушились, а именно: Гипепы, Траллы, Лаодикея, Илион, Галикарнас, Милет, Эфес, Сарды, Пергам и Магнесия (на Меандре). Только Смирна сохранилась до XX в. Теперь на ее месте стоит турецкий Измир. (Ред.)

шихся между собою из-за права считаться первым городом Азии? Столицы Сирии и Египта занимали в империи еще более высокое положение; Антиохия и Александрия с презрением смотрели на массу зависевших от них городов и даже неохотно преклонялись перед величием самого Рима.

Римские большие дороги. Все эти города были соединены между собою и столицей общественными большими дорогами, которые шли от римского Форума, проходили через всю Италию, проникали вглубь провинций и оканчивались только у границ империи. Если мы высчитаем расстояние от стены Антонина до Рима и от Рима до Иерусалима, то найдем, что великая цепь путей сообщения была протянута в направлении от северо-запада к юго-восточной оконечности империи на расстояние четырех тысяч восьмидесяти римских миль. Общественные дороги были аккуратно разделены на мили, обозначавшиеся столбами, и шли в прямом направлении от одного города к другому, не обращая большого внимания ни на естественные препятствия, ни на права собственников. Горы пробурывались насквозь, а через самые широкие и самые быстрые потоки перекидывались смелые арки. Средняя часть дороги представляла собой возвышавшуюся над окружающей местностью насыпь, которая состояла из нескольких слоев песка, гравия и цемента и была вымощена большими камнями, а в некоторых местах вблизи от столицы – гранитом.

Такова была прочность постройки римских больших дорог, что их не могли совершенно разрушить усилия пятнадцати столетий. Они доставляли жителям самых отдаленных провинций удобный способ для взаимных сношений, но главная их цель заключалась в том, чтобы облегчить передвижение легионов, и ни одна страна не считалась окончательно покоренной, пока оружие и авторитету завоевателей не был открыт доступ во все ее части.

Почты. Желание получать без замедления известия и быстро передавать приказания побудило императоров ввести на всем пространстве их огромных владений правильно устроенные почты. На расстоянии только пяти или шести миль один от другого были выстроены дома; в каждом из них постоянно находилось по сорока лошадей, так что по римским дорогам нетрудно было проехать в один день сотню миль. Пользоваться почтовыми лошадьми мог только тот, кто имел на это особое разрешение от императора, но, хотя они первоначально назначались для общественных нужд, ими дозволялось иногда пользоваться частным лицам, путешествовавшим по своим делам или даже для своего удовольствия.

Мореходство. Сообщения морем были не менее удобны, чем сухим путем. Средиземное море было со всех сторон окружено римскими провинциями, а италийский материк врезался в середину этого огромного озера в форме громадного мыса. Берега Италии вообще не имеют безопасных пристаней, но человеческая предприимчивость исправила этот природный недостаток, в особенности искусственная пристань в Остии, находившаяся в устье Тибра и устроенная по приказанию императора Клавдия, была одним из самых полезных памятников римского величия. От этой пристани, находившейся только на расстоянии шестнадцати миль от столицы, можно было при попутном ветре достигнуть в семь дней Геркулесовых столбов и в девять или десять дней Александрии в Египте.

Улучшение земледелия в западных частях империи. Хотя чрезмерной обширности империй нередко приписывали много зол, частью с некоторым основанием, частью из склонности к декламации, однако нельзя не сознаться, что могущество Рима имело некоторые благотворные последствия для человечества, так как то же самое удобство взаимных международных сношений, которое способствовало распространению пороков, способствовало и распространению улучшений в общественной жизни. В более отдаленные века древности мир был разделен неравномерно. Восток с незапамятных времен был знаком с искусствами и с роскошью, тогда как Запад был населен грубыми и воинственными варварами, которые или пренебрегали земледелием, или не имели о нем никакого понятия.

Под охраной прочно установленного правительства как продукты более благоприятного климата, так и ремесленные произведения более цивилизованных народов мало-помалу проникали в западные страны Европы, а жители этих стран находили в удобствах и выгодах торговли повод, чтобы разводить первые из них и улучшать вторые. Было бы почти невозможно перечислить все продукты животного и растительного царства, которые были мало-помалу ввезены в Европу из Азии и Египта, но краткое указание главных из них едва ли можно считать несовместимым с достоинством и еще менее с пользой исторического сочинения.

Разведение фруктов и прочего. Почти все цветы, травы и фрукты, растущие в наших европейских садах, иностранного происхождения, которое нередко видно из их названий; яблоки были природным итальянским продуктом, и когда римляне познакомились с более деликатным ароматом абрикосов, персиков, гранатов, лимонов и апельсинов, они дали всем этим новым фруктам общее название яблок, отличая их друг от друга дополнительным эпитетом, обозначавшим их родину.

Вино. Во времена Гомера виноград рос в диком виде на острове Сицилия и, вероятно, на соседнем континенте, но он не был улучшен искусным возделыванием, и из него не умели делать напитка, приятного для вкуса диких туземцев. Лет через тысячу после того Италия могла похвастаться, что из восьмидесяти сортов самых лучших и самых знаменитых вин более нежели две трети были продуктами ее почвы. Умение приготавливать этот благотворный напиток скоро перешло в Нарбонскую провинцию Галлии, но холод был так силен к северу от Севеннских гор, что во времена Страбона существовала уверенность, что в этой части Галлии виноград не может созревать, однако это затруднение удалось мало-помалу преодолеть, и мы имеем некоторое основание полагать, что бургундские виноградники так же древни, как век Антонинов.

Оливки. Разведение оливкового дерева на Западе развивалось по мере того, как водворялся мир, для которого это дерево служило символом. Через двести лет после основания Рима ни Италия, ни Африка не были знакомы с этим полезным растением; оно было натурализовано в этих странах и впоследствии проникло внутрь Испании и Галлии. Древние воображали, что оно может расти только при известной степени тепла и не иначе как вблизи от моря, но это заблуждение было мало-помалу уничтожено предприимчивостью и опытом.

Лен. Возделывание льна было перенесено из Египта в Галлию и обогатило всю страну, хотя и могло служить причиной обеднения тех местностей, где сеялся этот продукт.

Искусственное разведение травы вошло в обыкновение как у итальянских, так и у провинциальных земледельцев, и в особенности разведение люцерны, которая получила свое название и вела происхождение из Мидии. Обеспеченный запас здоровой и обильной пищи для скота во время зимы увеличивал число стад и табунов, которые в свою очередь способствовали плодородию почвы. Ко всем этим улучшениям можно присовокупить деятельную разработку копей и рыбную ловлю, которые, доставляя занятие множеству рабочих, вместе с тем увеличивали наслаждения богачей и средства существования бедняков.

Общий избыток. Бесхлебица, которой так часто страдала республика в своем детстве, почти вовсе не была знакома обширной Римской империи. Неурожаю в одной из провинций немедленно помогал достаток более счастливых соседей.

Искусства и роскошь. Земледелие есть основа ремесленного производства, так как натуральные продукты служат материалами для произведений искусства. В Римской империи труд деятельного и искусного работника непрестанно употреблялся в разнообразных видах на удовлетворение нужд богачей. Любимцы фортуны соединяли в своей одежде, пище, жилищах и мебелировке самые изысканные удобства, изящество и пышность, какие только могли льстить их чванству или удовлетворять их чувственность. Моралисты всех веков давали этой изысканности отвратительное название роскоши и подвергали ее самому строгому осуждению. Но хотя роскошь и возникает от порока или от безрассудства, она все-таки едва ли не един-

ственное средство, с помощью которого можно исправлять неравномерное распределение собственности. Деятельный работник и искусный художник, не получившие никакой доли в пользовании землей, собирают добровольную дань с владельцев этой земли, которые, со своей стороны, стараются из личных интересов лучше возделывать свои владения, способные доставлять им средства для приобретения новых наслаждений. Это обоюдное влияние сказывается в том или другом виде в каждой стране, но в римском мире оно действовало с особенной силой. Средства провинций истощились бы очень скоро, если бы производство и продажа предметов роскоши не возвращали предприимчивым жителям провинций тех сумм, которые вымогались у них оружием и могуществом Рима. Пока такая торговля не выходила за пределы империи, она придавала политическому механизму усиленную деятельность, и ее результаты, нередко благотворные, никогда не могли сделаться вредными.

Внешняя торговля. Но сдерживать роскошь в пределах какого-либо государства – дело вовсе не легкое. Самые отдаленные страны Древнего мира принимали участие в удовлетворении пышности и прихотей Рима. Леса Скифии доставляли дорогие меха. Янтарь доставлялся сухим путем с берегов Балтийского моря к берегам Дуная, и варвары были удивлены, что им платили так дорого за такой бесполезный предмет. Значительно было требование на вавилонские ковры и другие мануфактурные изделия Востока, но самая важная и самая популярная торговля велась с Аравией и Индией. Каждый год, около времени летнего солнцестояния, флот из ста двадцати судов выходил в море из Миос-Гормоса – египетского порта на Красном море. Благодаря периодическому содействию муссонов он переплывал океан почти в сорок дней. Малабарский берег и остров Цейлон⁴⁹ были обычной целью его плавания; на тамошних рынках ожидали его прибытия купцы из самых отдаленных стран Азии. Возвращение египетского флота назначалось в декабре или январе, и лишь только его богатый груз был перевезен на верблюдах от берегов Красного моря до Нила и спущен по этой реке до Александрии, его немедленно отправляли в столицу империи. Предметы восточной торговли, блестящие с виду, но в сущности бесполезные, заключались в шелке, один фунт которого считался равным по цене фунту золота⁵⁰, драгоценных камнях, между которыми жемчуг занимал первое место после бриллиантов, и в различных благовонных веществах, употреблявшихся при богослужении и при погребальных церемониях. Трудности и опасности морского переезда вознаграждались почти невероятными барышами, но эти барыши извлекались из кармана римских подданных, и немногие частные люди обогащались за счет публики.

Золото и серебро. Так как жители Аравии и Индии довольствовались продуктами и мануфактурными произведениями своей собственной страны, то со стороны римлян серебро было если не единственным, то главным орудием обмена⁵¹. Даже важность сената не помешала ему выразить свое неудовольствие по поводу того, что при покупке женских украшений государственное богатство безвозвратно переходит в руки чужеземных и враждебных народов. А между тем если мы рассмотрим, какое было отношение между количеством золота и количеством серебра во времена Плиния и какое в царствование Константина, то мы найдем, что в эту последнюю эпоху разница значительно увеличилась⁵². Так как нет ни малейшего основания предполагать, чтобы золото сделалось более редким, то для нас очевидно, что менее редким сделалось серебро, что, как бы ни было велико количество товаров, доставлявшихся

⁴⁹ Римляне называли его Тапробаной, а арабы – Серендибом. Он был открыт в царствование Клавдия и мало-помалу сделался главным центром торговли с Востоком. (Г.)

⁵⁰ Шелковую одежду считали украшением для женщины, но позором для мужчины. (Г.)

⁵¹ Серебро, без сомнения, не было единственным орудием мены. Индийцы не были равнодушны к произведениям Европы: они получали итальянские вина, медь, свинец, олово, кораллы, хризолит, стиракс, стекло, разные принадлежности одежды и прочее. Также немалую выгоду доставлял обмен римских динариев на индийскую монету. (В.)

⁵² Отношение одного к десяти и двенадцати с половиной возросло, по введенной Константином норме, до отношения одного к четырнадцати и двум пятым. (Г.)

из Индии и Аравии, оно вовсе не истощало богатств империи и что рудники с избытком удовлетворяли требования торговли.

Общее благосостояние. Несмотря на свойственную всем людям склонность восхвалять прошлое и хулить настоящее, как жители провинций, так и сами римляне живо чувствовали и откровенно признавали спокойное и цветущее положение империи. «Они признавали, что правильные принципы общественной жизни, законодательство, земледелие и науки, впервые выработанные мудростью афинян, теперь распространялись повсюду благодаря могуществу Рима, под благотворным влиянием которого самые лютые варвары соединены узами одного для всех правительства и одного для всех языка. Они утверждают, что вместе с распространением искусств стал заметным образом умножаться человеческий род. Они прославляют возрастающее величие городов, улыбающийся вид полей, возделанных и украшенных, как громадный сад, и продолжительный праздник мира, которым наслаждаются столикие народы, позабывшие о своей прежней вражде и избавившиеся от страха будущих опасностей»⁵³. Как бы ни казался подозрительным риторический и напыщенный тон приведенных выражений, их содержание вполне согласно с исторической истиной.

Упадок мужества... Глаз современника едва ли был способен заметить, что в этом всеобщем благосостоянии кроются зачатки упадка и разложения. А между тем продолжительный мир и однообразие системы римского управления вносили во все части империи медленный и тайный яд. Умы людей мало-помалу были доведены до одного общего уровня, пыл гения угас, и даже воинственный дух испарился. Европейцы были храбры и сильны. Испания, Галлия, Британия и Иллирия снабжали легионы превосходными солдатами и составляли настоящую силу монархии. Жители этих стран по-прежнему отличались личным мужеством, но у них уже не было того общественного мужества, которое питается любовью к независимости, чувством национальной чести, присутствием опасности и привычкой командовать. Они получали законы и правителей от своего государя, а их защита была вверена армии, состоявшей из наемников. Потомки их самых отважных вождей довольствовались положением граждан или подданных. Самые честолюбивые между ними поступали ко двору или под знамена императоров; провинции стали пустеть и, утратив политическое могущество и единство, мало-помалу погрузились в вялую безжизненность домашних интересов.

...и гениальности. Любовь к литературе, почти всегда неразлучная со спокойствием и роскошью, была в моде у подданных Адриана и Антонинов, которые сами были образованны и любознательны. Она распространилась по всей империи; племена, жившие на самом севере Британии, приобрели вкус к риторике; и Гомера, и Вергилия переписывали и изучали на берегах Рейна и Дуная, и самые слабые проблески литературного таланта осыпались самыми щедрыми наградами. Греки с успехом занимались медициной и астрономией; наблюдения Птолемея и сочинения Галена до сих пор изучаются даже теми, кто усовершенствовал их открытия и исправил их ошибки, но, за исключением неподражаемого Лукиана, этот век бесстрастия не произвел ни одного гениального писателя и даже ни одного талантливого автора легких литературных произведений. Влияние Платона и Аристотеля, Зенона и Эпикура все еще господствовало в школах, но их учения передавались одним поколением учащимся другому со слепым уважением и тем препятствовали всякой благородной попытке возбудить деятельность или расширить пределы человеческого ума. Красоты произведений поэзии и ораторского искусства, вместо того чтобы возбуждать в душе читателя такой же пыл, каким они сами были одушевлены, вызывали лишь холодные и рабские подражания; если же кто-нибудь дерзал уклониться от этих образцов, то непременно вместе с тем уклонялся от здравого смысла и приличий. В эпоху возрождения литературы гений Европы был вызван из своего усыпления

---

⁵³ Точный источник цитаты Гиббон не приводит, а дает только следующее указание: «Кроме многих других, см. Плиний. Естественная история, III, 5; Элий Аристид. Похвала Риму; Тертуллиан. О душе, гл. XXX». (Ред.)

юношеской энергией долго отдыхавшего воображения, национальным соревнованием, новой религией, новыми языками и новыми формами общественной жизни. Но жители римских провинций, выросшие под влиянием однообразной системы искусственного чужеземного воспитания, не были способны соперничать с теми бодрыми народами древности, которые, выражая свои искренние чувства на своем родном языке, уже заняли все почетные места в литературе. Название поэта было почти позабыто, а название оратора несправедливо присвоили себе софисты. Масса критиков, компиляторов и комментаторов затемнила сферу знаний, а за упадком гения скоро последовала и испорченность вкуса.

Вырождение. Появившийся несколько позднее при дворе одной сирийской царицы знаменитый Лонгин, в котором будто ожил дух древних афинян, скорбел об этой испорченности, унижавшей чувства его современников, ослаблявшей их мужество и заглушавшей их дарования. «Подобно тому, – говорит он, – как дети навсегда остаются пигмеями, если их ноги были всегда крепко связаны, и восприимчивые умы, вскормленные предрассудками и привычкой к рабскому подчинению, не способны развернуться или достигнуть того настоящего величия, которое так поражает нас в древних народах, живших под национальным правительством и писавших с такой же свободой, с какой они действовали»⁵⁴.

Развивая далее эту метафору, мы можем сказать, что уменьшившийся рост человеческого рода беспрестанно спускался все ниже и ниже прежнего уровня и что римский мир действительно был населен пигмеями, когда свирепые северные гиганты ворвались в него и влили новую кровь в эту испортившуюся породу. Они воскресили мужественный дух свободы, а после переворота, длившегося десять столетий, эта свобода породила изящный вкус и науку.

---

⁵⁴ Лонгин. О возвышенном, гл. 44. (Г.)

Глава III

О государственном устройстве Римской империи в век Антонинов

Понятие монархии. По общепринятым понятиям, монархия есть такое государство, в котором одному лицу – все равно, какое бы ни давали ему название, – вверены и исполнение законов, и распоряжение государственными доходами, и командование армией. Но если общественная свобода не охраняется неустрашимыми и бдительными покровителями, власть столь могущественного должностного лица скоро превращается в деспотизм. В века суеверий человечество для обеспечения своих прав могло бы пользоваться влиянием духовенства, но связь между тронем и алтарем так тесна, что весьма редко приходилось видеть знамя церкви развевающимся на стороне народа. Военственное дворянство и непреклонные общины, привязанные к земле, способные защищаться с оружием в руках и собирающиеся на правильно организованные заседания, – вот что составляет единственный противовес, способный оградить свободные учреждения от захватов честолюбивого государя.

Положение Августа. Все преграды, охранявшие римскую конституцию, были ниспровергнуты громадным честолюбием диктатора, все окопы были скрыты до основания безжалостной рукой триумвиров. После победы при Акциуме судьба римского мира зависела от воли Октавиана, прозванного Цезарем вследствие его усыновления дядей и впоследствии Августом вследствие угодливости сената. Победитель находился во главе сорока четырех легионов⁵⁵, которые состояли из ветеранов, сознававших свою собственную силу и слабость конституции, привыкших во время двадцатилетней междоусобной войны ко всякого рода кровопролитиям и насилиям и страстно преданных семейству Цезаря, от которого они получали и надеялись впредь получать самые щедрые награды. Провинции, долго томившиеся под гнетом уполномоченных республики, вздыхали о единоличном правителе, который был бы повелителем, а не сообщником этих мелких тиранов. Римский народ, смотревший с тайным удовольствием на унижение аристократии, просил только «хлеба и зрелищ» и получал то и другое от щедрот Августа. Богатые и образованные италийцы, почти все без исключения придерживавшиеся философии Эпикура, наслаждались благами удобной и спокойной жизни и вовсе не желали, чтобы их сладкое усыпление было прервано воспоминаниями об их прежней шумной свободе. Вместе со своей властью сенат утратил свое достоинство; многие из самых благородных родов пресеклись; самые отважные и самые способные республиканцы погибли на полях битв или в изгнании. Двери сената были с намерением открыты для смешанной толпы более чем в тысячу человек, которые бесчестили свое сенаторское звание, вместо того чтобы пользоваться связанным с ним почетом⁵⁶.

Реформа сената была одним из тех первоначальных преобразований, в которых Август старался выказать себя не тираном, а отцом своего отечества. Он был избран цензором и при содействии своего верного друга Агриппы пересмотрел список сенаторов; он исключил некоторых из них, отличавшихся такими пороками или таким упорством, что было необходимо показать на них пример строгости; около двухсот из них он убедил добровольно отказаться от своего звания во избежание срама быть исключенными; он установил, что впредь

---

⁵⁵ Орозий. История, кн. VI, 18. (Г.) Дион Кассий (Римская история, кн. LV, гл. 20) говорит, что у Августа было только двадцать пять легионов. По словам Аппиана (Гражданские войны, кн. IV, гл. 3), триумвиры располагали не более как сорока тремя легионами, после того как они соединили вместе все свои силы. (В.) Но все легионы, без сомнения, подчинились Августу после битвы при Акциуме. (М.)

⁵⁶ Юлий Цезарь ввел в сенат солдат, иностранцев и полуварваров. Этого рода злоупотребления сделались еще более позорными после его смерти. (Г.)

сенатором может быть только тот, у кого не менее десяти тысяч фунтов стерлингов состояния, возвел значительное число родов в звание патрициев и сам принял почетный титул принцепса сената, который обыкновенно давался цензорами тому гражданину, который всех более отличался своими личными достоинствами и заслугами. Но, восстанавливая таким способом достоинство сената, он вместе с тем уничтожал его самостоятельность. Принцип свободных учреждений безвозвратно утрачивается, если представителей законодательной власти назначает тот, в чьих руках находится власть исполнительная⁵⁷.

Он отказывается от незаконно захваченной власти. Перед собранием Август произнес тщательно обдуманную речь, в которой старался выказать свой патриотизм и скрыть свое честолюбие. «Он скорбел о своем прежнем поведении, но старался оправдать его. Сыновняя привязанность требовала, чтобы он отомстил убийцам отца; человеколюбие его собственного характера иногда должно было умолкать перед суровыми законами необходимости и перед вынужденным союзом с двумя недостойными товарищами: пока Антоний был жив, интересы республики не позволяли ему отдавать ее во власть развращенного римлянина и варварской царицы. Теперь ничто не мешает ему исполнять свой долг и поступить согласно со своими наклонностями. Он торжественно возвращал сенату и народу все их прежние права и желал только одного – смешаться с толпой своих сограждан и разделить с ними те блага, которые он доставил своему отечеству»⁵⁸.

Его убеждают снова принять ее на себя с титулом императора. Верить в искренность Августа было бы опасно, но выказать недоверие к ней было бы еще более опасно. Относительные выгоды монархии и республики нередко взвешивались мыслителями, а в настоящем случае и громадность Римского государства, и развращенность нравов, и распущенность солдат доставляли защитникам монархии новые аргументы; сверх того, к этим общим взглядам на систему управления примешались надежды одних сенаторов и опасения других. Среди этого общего смущения сенаторы дали единогласный и решительный ответ. Они отказались принять отречение Августа и умоляли его не покидать республику, которую он спас. После приличного сопротивления искусный тиран подчинился воле сената и согласился принять на себя управление провинциями и главное начальство над римскими армиями под хорошо известными именами *проконсула* и *императора*⁵⁹. Но он согласился принять на себя эту власть только на десять лет. Он надеялся, что даже прежде истечения этого периода раны, нанесенные внутренними раздорами, совершенно залечатся и республика, восстановив свои прежние силы и энергию, более не будет нуждаться в опасном вмешательстве должностного лица, облеченного такими экстраординарными полномочиями. Воспоминание об этой комедии, несколько раз повторявшейся в течение жизни Августа, сохранилось до последних времен империи в той чрезвычайной торжественности, с которой несменяемые римские монархи постоянно праздновали десятый год своего царствования.

Власть римских военачальников. Начальник римских армий мог без малейшего нарушения принципов конституции пользоваться почти деспотической властью над солдатами, над врагами и над подданными республики. Что касается солдат, то в них преданность свободе, еще с первых веков Рима, уступила место жажде завоеваний и строгому подчинению военной дисциплине. Диктатор или консул имел право требовать от римских юношей военной службы;

⁵⁷ Август [т. е. Октавий] был назначен цензором, а это звание, в силу республиканской конституции, давало ему право реформировать сенат, изгонять из него недостойных членов, назначать принцепса сената и прочее. Во времена республики случалось, что цензор возводил сам себя в звание «начальника сената». Но не следует забывать, что сенаторы не были «законодательной властью». (В.)

⁵⁸ Я заимствовал от Светония и Тацита общий смысл слов Августа. (Г.)

⁵⁹ Название *император* обозначало во времена республики не более как военачальника и давалось солдатами, когда на поле битвы они провозглашали своего победоносного вождя достойным этого титула. Когда римские императоры принимали его в этом значении слова, они ставили его после своего собственного имени и обозначали, сколько раз они принимали его. (Г.)

он имел право за упорство или неповиновение из трусости налагать самые строгие и позорные наказания, мог исключить виновного из списка граждан, конфисковать его имущество и продать его в рабство. Самые священные права свободы, обеспеченные законами Порция и Семпрония, прекращались с поступлением в военную службу. В своем лагере военачальник имел неограниченное право присуждать к смертной казни; в своей расправе он не стеснялся никакими формами суда или правилами судопроизводства, а его приговор исполнялся немедленно и был безапелляционным.

Законодательной власти принадлежало право решать, с какими врагами должен сражаться Рим. Самые важные решения касательно мира и войны обсуждались сенатом и торжественно утверждались народом. Но когда легионы находились на большом расстоянии от Италии, легаты присваивали себе право объявлять войну по своему усмотрению какому бы то ни было народу и вести ее так, как, по их мнению, было более сообразно с общественной пользой. Почестей триумфа они ожидали не от основательности предприятия, а от его успеха. В пользовании победой они поступали с самым безграничным деспотизмом, в особенности с тех пор, как их перестали стеснять надзором сенатских комиссаров. Когда Помпей начальствовал на Востоке, он раздавал награды солдатам и союзникам, свергал государей с престолов, делил царства на части, основывал колонии и распределял сокровища Митридата. После его возвращения в Рим все, что он сделал, было одобрено единственным сенатским и народным постановлением. Такова была частью законная, частью самопроизвольно захваченная власть командиров над солдатами и над врагами Рима. Они были губернаторами или, скорее, монархами завоеванных провинций и в то же самое время пользовались как гражданской, так и военной властью, отправляли правосудие, заведовали финансами, были представителями как исполнительной, так и законодательной государственной власти⁶⁰.

Заместители императора. Из того, что уже было изложено в первой главе этого сочинения, можно составить себе довольно ясное понятие об армиях и провинциях, вверенных управлению Августа. Но так как он не мог лично командовать над легионами, рассеянными по различным пограничным провинциям, то сенат дал ему такое же право, какое было даровано Помпею, – право поручать исполнение его высоких обязанностей достаточному числу заместителей. По своему рангу и авторитету эти лица военного звания, по-видимому, были не ниже прежних проконсулов, но их положение было зависимое и непрочное. Они назначались по выбору высшего начальника, *благодарному* влиянию которого приписывались все их достохвальные подвиги. Одним словом, они были только представителями императора, который был единственным военачальником и власть которого, как гражданская, так и военная, простиралась на все римские завоевания. Впрочем, сенат находил для себя некоторое удовлетворение в том, что только между его членами император избирал тех, кому передавал свою власть. Императорские заместители были по своему званию или консулы, или преторы; легионами командовали сенаторы, а должность египетского префекта была единственная важная должность, вверенная римскому всаднику.

Разделение провинций между императором и сенатом. Через шесть дней после того, как Август был вынужден принять такой щедрый дар, он решился удовлетворить гордость сената неотяготительным самопожертвованием. Он обратил внимание сенаторов на то, что они расширили его полномочия в большей мере, чем этого требовали печальные условия времени. Они не позволили ему отказаться от обременительного командования армиями и от охраны границ, но он настоятельно просил позволить ему восстановить в самых мирных и безопасных провинциях мягкое управление гражданских должностных лиц. При разделении провин-

⁶⁰ Гиббон преувеличил размеры императорской власти во времена республики. Император не мог по своему собственному желанию ни предпринять войну, ни заключить мирный договор; он также не мог, без согласия десяти сенаторских делегатов, учредить управление над завоеванными странами. То, что было сделано Помпеем и Цезарем, не может считаться за правило. (В.)

ций Август имел в виду и обеспечение своей собственной власти, и достоинство республики⁶¹. Назначавшиеся сенатом проконсулы, в особенности те, которые находились в Азии, Греции и Африке, пользовались более почетными отличиями, нежели заместители императора, командовавшие в Галлии или в Сирии. Первых сопровождали ликторы, а последних – простые солдаты⁶². Поэтому был издан закон, в силу которого, где бы ни находился император, его чрезвычайные полномочия отменяют обыкновенные полномочия проконсула; было также введено обыкновение, что новые завоевания принадлежат ведению императора; затем всем скоро стало ясно, что власть принцепса (это был любимый эпитет Августа) одна и та же во всех частях империи.

Первый из них сохраняет за собой военное командование и гвардию в самом Риме. Взамен этой воображаемой уступки Август получил важное право, сделавшее его хозяином Рима и Италии. Для него сделано было опасное исключение из установленных истари правил: ему было дозволено удержать за собою военное командование и содержать при себе многочисленный отряд гвардии даже в мирное время и в самом центре столицы. Эта власть, в сущности, простиралась только на тех граждан, которые были привязаны к службе воинской присягой; но такова была склонность римлян к раболепию, что эту присягу добровольно принимали должностные лица, сенаторы и сословие всадников, пока эта дань лести не превратилась мало-помалу в ежегодное и торжественное заявление преданности.

Власть консулов и трибунов. Хотя Август считал военную силу за самую прочную основу правительства, однако он имел достаточно благоразумия, чтобы видеть в ней отвратительное орудие управления. И для его характера, и для его политики было гораздо приятнее царствовать под почтенными титулами древней магистратуры и искусственным образом сосредоточить на своей собственной особе все разбросанные лучи гражданской юрисдикции. В этих видах он дозволил сенату возложить на него на всю его жизнь консульские права и трибунские обязанности, которые точно таким же способом передавались всем его преемникам. Консулы заменили римских царей и были представителями государственного достоинства. Они смотрели за религиозными церемониями, набирали легионы и командовали ими, давали аудиенции иностранным послам и председательствовали как на собраниях сената, так и на собраниях народа. Им был вверен общий контроль над финансами, и, хотя они редко имели время, чтобы лично отправлять правосудие, они считались верховными охранителями законов, справедливости и общественного спокойствия. Такова была обыкновенная сфера их деятельности; но когда сенат возлагал на этих высших сановников заботу о безопасности республики, они вследствие такого декрета становились выше законов и для защиты свободы временно превращались в диктаторов⁶³.

Характер трибунов был во всех отношениях отличен от характера консулов. Внешность первых была скромная и смиренная, но их личность была священна и неприкосновенна. Их сила была годна не столько для действия, сколько для противодействия. Их назначением было – защищать угнетенных, прощать обиды, призывать к ответу врагов республики и, когда найдут нужным, приостанавливать одним словом всю правительственную машину. Пока существовала республика, некоторые важные ограничения ослабляли опасность того влияния, которое могло быть приобретено консулами и трибунами при исполнении их важных обязанностей. Их власть прекращалась вместе с истечением того года, в котором они были выбраны; консульские

---

⁶¹ Речь шла о том, чтобы внутренние «мирные» провинции, в которых не стояли легионы, были переданы под управление сената. (Ред.)

⁶² Это различие неверно. Подробное описание организации провинций см. у Диона Кассия (Римская история, кн. LIII, гл. 12–16) и у Страбона (География, кн. XVII, раздел I: 12–13). (В.)

⁶³ Август исполнял девять лет к ряду консульские обязанности. Потом он из лукавства отказался как от этого звания, так и от диктатуры, удалился из Рима и выждал, пока пагубные последствия неурядиц и духа партий не принудили сенат возложить на него пожизненное консульство. (Г.)

обязанности делились между двумя лицами, трибунские – между десятью, а так как и на свои личные, и на общественные интересы те и другие смотрели с противоположных точек зрения, то их взаимные столкновения большей частью скорее поддерживали, нежели нарушали конституционное равновесие. Но когда консульские и трибунские права были соединены вместе, когда ими было облечено одно лицо, когда верховный военачальник сделался в одно и то же время уполномоченным от сената и представителем римского народа, тогда оказалось невозможным ни противиться императорской власти, ни даже определить ее границы.

Императорские прерогативы. Ко всем этим отличиям политика Августа скоро присоветовала блестящие и важные звания первосвященника и цензора. Благодаря первому из этих званий он получал в свое заведование все, что касалось религии, а благодаря второму – законное право надзирать за нравами и состоянием римского народа. Если же оказывалось, что трудно соединять в одном лице столь различные и столь самостоятельные полномочия, то угодливость сената была готова исправлять все неудобства путем самых широких и самых чрезвычайных уступок. Императоры в качестве первых сановников республики были освобождены от ответственности за неисполнение многих стеснительных законов; они имели право созывать сенат, предлагать на обсуждение по несколько вопросов в один день, рекомендовать кандидатов на высшие государственные должности, расширять пределы города, распоряжаться по своему усмотрению государственными доходами, заключать мир, объявлять войну, утверждать мирные договоры, и, наконец, в силу еще более обширных полномочий, им было предоставлено право делать все, что они найдут полезным для империи и согласным с интересами частными или общественными, с законами человеческими или божескими.

Должностные лица. Когда все разнообразные функции исполнительной власти были вверены одному лицу, остальным должностным лицам пришлось влачить свое существование в неизвестности, в бессилии и почти без всяких деловых занятий. Названия и формы прежней администрации Август оберегал с самым заботливым старанием. Консулы, преторы и трибуны ежегодно возводились в эти звания в установленном числе и по-прежнему исполняли некоторые из своих самых неважных обязанностей⁶⁴. Однако эти почетные места все еще казались привлекательными для тщеславного честолюбия римлян; даже сами императоры, будучи облечены пожизненными консульскими полномочиями, все-таки нередко добивались звания консула, избираемого на один год, и не считали для себя унижительным разделять его с самыми знаменитыми из своих сограждан. При избрании этих сановников в царствование Августа народу не мешали выставлять напоказ все неудобства, происходящие от необузданной демократии. Этот хитрый государь не только не обнаруживал в подобных случаях ни малейших признаков неудовольствия, но смиренно ходатайствовал о подаче голосов в его пользу или в пользу его друзей и с точностью исполнял все обязанности обыкновенного кандидата. Но мы имеем основание приписать влиянию его советов первое мероприятие следующего царствования, заключавшееся в том, что эти выборы были перенесены в сенат. Народные собрания были навсегда уничтожены, и императоры таким образом избавились от опасности иметь дело с народной массой, которая не была способна восстановить свободу, а могла лишь расстроить или, может быть, даже разрушить установившуюся систему управления.

Сенат. Объявив себя покровителями народа, Марий и Цезарь ниспровергли конституцию своей страны. Но лишь только сенат был унижен и обезоружен, оказалось, что это собрание, состоявшее из пятисот или шестисот членов, может быть весьма удобным и полезным орудием деспотизма. Опираясь именно на влияние сената, Август и его преемники основали свое новое господство; при всяком удобном случае они делали вид, будто придерживаются

⁶⁴ Двух консулов избирали в первый день января, но в течение года их заменяли новыми до тех пор, пока их ежегодное число не доходило по меньшей мере до двенадцати. Преторы обыкновенно избирались в числе шестнадцати или восемнадцати. (Г.)

и языка, и принципов патрициев. Управляя на основании своих собственных полномочий, они нередко обращались за советом к великому традиционному собранию и, по-видимому, представляли его решению самые важные вопросы о мире и войне. И Рим, и Италия, и внутренние провинции империи состояли в непосредственном ведении сената. Для гражданских дел он был высшей апелляционной инстанцией, а в сфере уголовной он ведал преступлениями должностных лиц и теми, которые нарушали спокойствие или затрагивали величие римского народа. Пользование своими судейскими правами сделалось самым обыкновенным и самым серьезным занятием сената, а разбиравшиеся в нем важные тяжбы были последним убежищем для старой склонности к ораторскому красноречию. В качестве высшего государственного совета и высшей судебной инстанции сенат пользовался весьма значительными прерогативами, но в сфере законодательной, в которой он считался представителем народа, за ним признавались права верховной власти. Всякая власть считалась исходящей из его авторитета, и всякий закон нуждался в его санкции. Он собирался регулярно три раза в месяц – в календы, ноны и иды. Прения велись с достаточной свободой, и сами императоры, гордившиеся своим званием сенаторов, присутствовали на заседаниях и подавали голос, присоединяясь к какой-нибудь группе своих сотоварищей.

Общая идея императорской системы. Если мы захотим обрисовать в немногих словах систему императорского управления в том виде, как она была установлена Августом и как она поддерживалась теми из его преемников, которые хорошо понимали и свои собственные интересы, и интересы народа, то мы скажем, что это была абсолютная монархия, прикрывавшаяся республиканскими формами. Властелины римского мира окружали свой трон полумраком; они старались скрыть от своих подданных свое непреодолимое могущество и смиренно выдавали себя за ответственных уполномоченных сената, верховные декреты которого они сами и диктовали, и исполняли.

Императорский двор. Внешний вид двора соответствовал формам управления. За исключением тех тиранов, которые, предаваясь своим безумным страстям, попирали все законы природы и приличий, императоры избегали пышных церемоний, которые могли оскорбить их соотечественников, но не могли ничего прибавить к их могуществу. Во всех житейских делах они смешивались со своими подданными и обходились как с равными, обмениваясь с ними визитами и проводя время в их обществе. Их одежда, жилище, стол были такие же, как у любого из богатых сенаторов. Их домашняя прислуга была многочисленна и даже блестяща, но она состояла исключительно из рабов и вольноотпущенных.

Обоготворение императоров представляет единственный случай, в котором они уклонились от своей обычной осторожности и скромности. Азиатские греки были первыми изобретателями, а преемники Александра – первыми предметами этого раболепного и нечестивого вида лести. Он был без труда перенесен с азиатских монархов на тамошних губернаторов, и римским сановникам стали очень часто поклоняться как местным божествам, с такою же пышностью алтарей и храмов, с такими же празднествами и жертвоприношениями. Понятно, что императоры не могли отказываться от того, что принимали проконсулы, а божеские почести, которые воздавались тем и другим в провинциях, свидетельствовали скорее о деспотизме Рима, нежели о его рабстве. Но завоеватели скоро начали подражать побежденным народам в искусстве льстить, и первый из Цезарей благодаря своему высокомерию без труда согласился занять еще при жизни место среди богов – покровителей Рима. Умеренность Августа заставила его уклониться от такой опасной почести, и от нее впоследствии отказывались все императоры, за исключением Калигулы и Домициана. Правда, Август позволил некоторым провинциальным городам воздвигать в его честь храмы с тем условием, чтобы поклонение Риму соединялось с поклонением государю, и допускал частные суеверия, предметом которых была его особа, но сам он довольствовался преклонением сената и народа пред его человеческим величием и благоразумно предоставил своему преемнику позаботиться о его обоготворении.

Отсюда возник постоянный обычай, что по смерти каждого императора, который жил и умер не так, как живут и умирают тираны, сенат возводил его торжественным декретом в число богов, а церемония его апофеоза соединялась с церемонией его похорон. Это легальное богохульство при невзыскательности политеизма вызывало лишь очень слабый ропот, впрочем, в нем видели не религиозное, а политическое установление.

Титулы августа и цезаря. Говоря о введении императорской системы управления, мы не раз упоминали о ее искусном основателе, называя его хорошо известным именем Августа; но это имя было дано ему только тогда, когда заложенное им здание было почти вполне окончено. Он носил имя Октавиана и происходил из незнатной семьи, жившей в маленьком городке Ариции⁶⁵. Это имя было запятнано кровью, пролитой во время политических казней; и он очень желал – если бы только это было возможно – изгладить воспоминания о своей прежней жизни. Благодаря тому что он был усыновлен диктатором, он принял знаменитое имя Цезаря, но он имел достаточно здравого смысла, чтобы не надеяться, что его будут смешивать с этим необыкновенным человеком, и чтобы не желать никаких с ним сравнений. Сенату было предложено почтить главу государства новым наименованием, и после серьезных прений выбор остановился на имени Август, потому что оно всего лучше выражало миролюбие и благочестие, которые он постоянно старался выказывать. Таким образом имя *Август* сделалось личным наименованием, а имя *Цезарь* – фамильным отличием. Первое, естественно, должно было умереть со смертью государя, которому оно было дано, а хотя последнее и поддерживалось путем усыновлений и брачных союзов, все-таки Нерон был последним императором, который мог заявлять притязания на честь происхождения от рода Юлиев. Тем не менее, когда он умер, столетняя привычка неразрывно связала эти два наименования с императорским достоинством, и эта связь поддерживалась длинным рядом монархов римских, греческих, французских и германских со времен падения республики до настоящего времени. Впрочем, вскоре возникло различие между этими двумя титулами: священный титул августа сделался исключительной принадлежностью царствующих государей, а названием цезарей стали обозначать его родственников; по крайней мере со времен Адриана это звание было присвоено второй особе в государстве, считавшейся наследником императора.

Характер и политика Августа. Почтительное отношение Августа к свободным учреждениям, которые он сам уничтожил, будет для нас понятно только тогда, когда мы внимательно изучим характер этого хитрого тирана. Холодный ум, бесчувственное сердце и трусливый характер заставили его, когда ему было девятнадцать лет, надеть на себя маску лицемерия, которую он впоследствии никогда не снимал. Одной и той же рукой и, вероятно, с одним и тем же хладнокровием он подписывал и смертный приговор Цицерону, и помилование Цинны. Его добродетели, даже его пороки были поддельные, и, сообразуясь с тем, чего требовали его личные интересы, он сначала был врагом римского мира, а в конце концов сделался его отцом. Когда он создавал хитрую систему императорского управления, его сдержанность была внушена опасениями. Он хотел обмануть народ призраком гражданской свободы и обмануть армию призраком гражданской системы управления.

Подобие свободы для народа. У него постоянно была перед глазами смерть Цезаря. Своих приверженцев он осыпал богатствами и почестями, но ведь самые близкие друзья его дяди были в числе заговорщиков. Преданность легионов могла бы охранить его власть против открытого восстания, но их бдительность не могла уберечь его особу от меча какого-нибудь

---

⁶⁵ Его отец К. Октавий имел хорошее состояние, был претором, наместником Македонии, был приветствован титулом императора и ожидал своего назначения консулом, когда его настигла смерть. Мать Октавия была дочь Аттия Бальба, который также исполнял должность претора. (В.) Под словами «из незнатной семьи» Гиббон разумел родство с отцовской стороны, так как в этом родстве не было никого более знатного, чем отец Октавия. Вся его знатность происходила от его матери, которая была дочерью сестры Юлия Цезаря, Юлии. (Изд.)

энергичного республиканца, а римляне, чтившие память Брута⁶⁶, отнеслись бы с одобрением к подражателю его доблести. Цезарь сам вызвал свой печальный конец столько же тщеславным выставлением своего могущества, сколько его беспредельностью. Под именем консула или трибуна он мог бы властвовать спокойно, но титул царя заставил римлян желать его смерти. Август хорошо понимал, что человечество управляется громкими словами, и он не ошибался в своем ожидании, что сенат и народ подчинятся рабской зависимости, если только их будут почтительно уверять, что они все еще пользуются прежней свободой. Бессильный сенат и расслабленный народ охотно предавались этой приятной иллюзии, пока она поддерживалась добродетелями или даже одним благоразумием преемников Августа. Не принцип свободы, а чувство самосохранения воодушевило убийц Калигулы, Нерона и Домициана. Они направляли свои удары против личности тирана, а не против императорской власти.

Попытки сената после смерти Калигулы. *Один* только раз сенат, после семидесятилетнего терпения, сделал безуспешную попытку восстановить свои давно забытые права. Когда вследствие умерщвления Калигулы престол сделался вакантным, консулы созвали сенат в Капитолии, осудили память Цезарей, назначили слово *свобода* паролем для немногих когорт, нерешительно ставших под их знамя, и в течение двух суток действовали как самостоятельные начальники свободной республики. Но в то время, как они совещались, преторианская гвардия все решила. Брат Германика, безумный Клавдий, уже находился в их лагере и, облекшись в императорскую мантию, был готов поддерживать свое избрание силой оружия. Мечта о свободе исчезла, и сенат понял, что его ожидают все ужасы неизбежного рабства; народ покинул его, а войска грозили ему насилием; тогда это бессильное собрание было вынуждено утвердить выбор преторианцев и воспользоваться амнистией, которую Клавдий имел благоразумие предложить ему и достаточно великодушия, чтоб не нарушить.

Подобие правительства для армий. Еще более тревожные опасения внушала Августу дерзость армии. Отчаяние граждан могло только покушаться на то, что физическая сила солдат была способна привести в исполнение во всякое время. Могла ли быть надежной его собственная власть над людьми, которых он сам научил нарушать все общественные обязанности? Он уже слышал их мятежные возгласы; теперь он боялся спокойных моментов их размышления. Одна революция была куплена громадными денежными наградами, но другая революция могла доставить награды еще более крупные. Войска выказывали самую искреннюю привязанность к роду Цезаря, но привязанности народной толпы прихотливы и непостоянны. Август постарался извлечь для себя пользу из старых предрассудков, сохранившихся в этих непокорных умах; он усилил строгость дисциплины, наложив на них санкцию закона, и, опираясь на сенат как на посредника между императором и армией, стал смело требовать покорности в качестве первого сановника республики.

Их покорность. В течение длинного, двухсотдвадцатилетнего периода, со времени введения этой искусной системы до смерти Коммода, опасности, присущие военному управлению, были в значительной степени устранены. Солдаты редко доходили до того пагубного сознания своей собственной силы и слабости гражданской власти, которое и прежде, и впоследствии было источником столь страшных бедствий. Калигула и Домициан были умерщвлены в своем дворце своей собственной прислугой⁶⁷. Волнения, потрясавшие Рим после смерти первого из этих императоров, не переходили за черту города. Но гибель Нерона отозвалась на всей империи. В течение восемнадцати месяцев четыре государя пали под ударами меча, и весь римский мир был потрясен ожесточенной борьбой враждующих армий. За исключением этого

⁶⁶ Через двести лет после установления монархии Марк Антоний указывал на характер Брута как на лучший образец римских добродетелей. (Г.)

⁶⁷ Калигула погиб вследствие заговора военачальников преторианской гвардии, но его прислуга не принимала в этом заговоре никакого участия, а Домициан, вероятно, не был бы умерщвлен, если бы на это не было дано одобрения двумя начальниками преторианцев. (В.)

буйного, но непродолжительного взрыва солдатского своеволия, двести лет – со смерти Августа до царствования Коммода – протекли без пролития крови в междоусобицах и без революционных потрясений. Императоры избирались *по воле сената и с одобрения солдат*. Легионы соблюдали данную ими клятву в верности, и самое тщательное изучение римских летописей указывает нам только три незначительных восстания, которые правительство успело подавить в несколько месяцев, даже не подвергаясь риску решительного сражения⁶⁸.

Назначение преемника. Когда в избирательных монархиях престол делается вакантным, наступает момент раздоров и опасностей. Для того чтобы легионы не могли воспользоваться этой минутой и сделать неправильный выбор, римские императоры уделяли своему преемнику такую значительную долю верховной власти, что после их смерти он спокойно вступал в обладание и всеми остальными императорскими прерогативами, а империя даже не замечала, что у нее новый властелин. Таким образом Август возложил свои последние надежды на Тиберия, после того как преждевременная смерть похитила более дорогих для него людей; он предоставил своему преемнику звания цензора и трибуна и настоял на издании закона, в силу которого будущий государь был облечен одинаково с ним самим властью как над провинциями, так и над армиями. Таким же способом Веспасиан подчинил своему влиянию благородный ум своего старшего сына. Тита обожали восточные легионы, только что завершившие под его командованием завоевание Иудеи. Его влияние внушало опасения, а так как его добродетели были запятнаны увлечениями его молодости, то его заподозрили в честолюбивых замыслах. Вместо того чтобы разделять эти низкие подозрения, благоразумный монарх разделил с Титом полномочия императорского достоинства, и признательный сын всегда вел себя как почтительный и верный исполнитель воли столь снисходительного отца.

Род Цезарей и семейство Флавиев. Действительно, здравый смысл Веспасиана заставлял его принимать всякие меры, чтобы упрочить свое недавнее и случайное возведение на престол. Столетняя привычка заставляла смотреть и на воинскую присягу, и на верность армии как на принадлежность имени и дома Цезарей, и, хотя этот дом не прекращался только благодаря фиктивным усыновлениям, все-таки в лице Нерона римляне чтили внука Германика и преемника Августа по прямой нисходящей линии. Вот почему преторианская гвардия неохотно и с угрызениями совести склонилась на убеждения не вступаться за этого тирана. Быстрое падение Гальбы, Отона и Вителлия научило войска смотреть на императоров как на создания *их* воли и как на орудия *их* своеволий. Веспасиан был незнатного происхождения: его дед был простой солдат, его отец занимал незначительную должность в финансовом управлении⁶⁹, и его личные заслуги были скорее солидны, нежели блестящи, а его добродетели омрачались строгою и даже скряжническою бережливостью. Такой государь поступал согласно со своими истинными интересами, когда брал в товарищи сына, который благодаря своим более блестящим и более привлекательным качествам мог отвлечь общественное внимание от незнатности происхождения Флавиев и направить его на будущий блеск этого дома. Под мягким управлением Тита римский мир наслаждался временным счастьем, а память о нем

⁶⁸ Первым из этих бунтовщиков был Камилл Скрибониан, который восстал в Далмации против Клавдия и через пять дней был покинут своими войсками; вторым был Л. Антоний, восставший в Германии против Домициана, а третьим – Авидий Кассий, поднявший знамя бунта в царствование М. Антонина. Двое последних продержались по несколько месяцев и были умерщвлены своими собственными приверженцами. (Г.) Восстания в отдаленных частях случались более часто, чем полагает Гиббон. При Тиберии германские легионы попытались возвести на престол Германика. Когда при Веспасиане взбунтовался Клавдий Цивилис, галльские легионы убили своего командующего и предложили свою помощь восставшим туземным жителям. Юлий Сабин был провозглашен императором и прочее. Субординация в значительной мере была восстановлена на некоторое время благодаря войнам, доставлявшим занятие войскам при Траяне, Адриане и Антонинах, благодаря строгой дисциплине, введенной этими императорами, и благодаря их личным достоинствам. (В.)

⁶⁹ Его отец был центурион, то есть капитан. Он занимал выгодную должность по сбору государственных налогов в Азии, и жители тех провинций, которые были ему подведомственны, воздвигли статую в память его мягкого управления. После того он занимался в широких размерах ремеслом менялы, как это делали всадники. Его мать была дочь военного трибуна и сестра сенатора. (В.)

была так дорога, что в течение более пятнадцати лет заставляла прощать пороки его брата Домициана.

Усыновление Траяна и его характер. 96 год. Лишь только Нерва принял императорское достоинство, предложенное ему убийцами Домициана, он тотчас понял, что при своих преклонных летах он не будет в состоянии приостановить поток общественных беспорядков, беспрестанно возобновлявшихся во время продолжительной тирании его предшественника. Его кроткий нрав внушал уважение честным людям, но выродившимся римлянам был нужен человек с более энергичным характером, способный наводить страх на виновных. Хотя у него было немало родных, он остановил свой выбор на постороннем человеке. Он усыновил Траяна, которому было тогда около сорока лет и который командовал огромной армией в Нижней Германии, и немедленно объявил его, путем сенатского декрета, своим товарищем и преемником.

Усыновление Адриана. 117 год. Нам нетрудно поверить, что государь, столь сильно любивший свое отечество, колебался, вверить ли верховную власть своему родственнику Адриану, характер которого был изменчив и сомнителен. Но в последние минуты жизни Траяна хитрая императрица Плотина или сумела рассеять его сомнения, или имела смелость сослаться на мнимое усыновление, достоверность которого было бы небезопасно проверять, и Адриан был мирно признан его законным преемником. В его царствование империя процветала в мире и благоденствии. Он поощрял искусства, исправил законы, усилил военную дисциплину и лично объезжал все провинции. Его обширный и деятельный ум был одинаково способен и проникаться самыми широкими идеями, и входить в самые мелкие подробности гражданского управления. Но его господствующими наклонностями были любознательность и тщеславие. Смотря по тому, какая из этих наклонностей брала верх или находила для себя возбуждение в окружающих условиях жизни, Адриан был попеременно то отличным государем, то смелым софистом, то недоверчивым тираном. Общий характер его образа действий достоин похвалы вследствие его справедливости и умеренности. Однако в первые дни своего царствования он казнил четырех сенаторов-консуляров, потому что это были его личные враги и потому что это были люди, считавшиеся достойными императорского звания, а утомление от мучительной болезни сделало его под конец жизни раздражительным и жестоким. Сенат колебался, причислить ли его к богам или отнести к разряду тиранов; только благодаря настояниям благочестивого Антонина было решено почтить его память приличными почестями.

Усыновление старшего и младшего Вера. Каприз руководил Адрианом при выборе преемника. Перебрав в своем уме несколько выдающихся людей, которых он в одно и то же время и уважал, и ненавидел, он усыновил Элия Вера, веселого и сластолюбивого аристократа, обратившего на себя внимание любовника Антиноя⁷⁰ своей необыкновенной красотой. Но в то время, как Адриан восхищался своим собственным выбором и радостными возгласами солдат, согласие которых он купил громадными подарками, преждевременная смерть вырвала нового цезаря из его объятий. У Элия Вера остался только один сын. Адриан рекомендовал этого мальчика Антонином, полагаясь на их признательность. Он был усыновлен Антонином Благочестивым и при вступлении на престол Марка Антонина был облечен равной с ним долей верховной власти. При множестве пороков этого юного Вера у него была одна добродетель – слепая покорность перед его более опытным товарищем, которому он охотно предоставил тяжелые заботы управления. Император-философ скрывал его безрассудства, сожалел о его ранней смерти и набросил покров приличия на его память.

Усыновление обоих Антонинов. 138–180 годы. Лишь только Адриан, удовлетворив свою страсть, должен был отказаться от своих надежд, он решился заслужить признательность потомства выбором себе преемника с самыми возвышенными достоинствами. Его проница-

---

⁷⁰ Обогащение Антиноя, его медали, статуи, храмы, город, оракул и созвездие всем хорошо известны. Следует заметить, что из первых пятнадцати императоров только один Клавдий не нарушал в любовных делах законов природы. (Г.)

тельный ум остановился на одном сенаторе, которому было около пятидесяти лет и который в течение всей своей жизни безупречно исполнял все свои служебные обязанности, и на одном юноше, которому было около семнадцати лет и который обещал сделаться в зрелом возрасте образцом всех добродетелей; старший из них был объявлен сыном и преемником Адриана с тем условием, что он немедленно усыновит младшего. Оба Антонина (так как здесь о них идет речь) управляли империей в течение сорока двух лет постоянно с одинаковой мудростью и доблестью. Хотя у Антонина Пия было два сына, он предпочел благоденствие Рима интересам своего семейства⁷¹, выдал свою дочь Фаустину за молодого Марка, испросил для него у сената трибунские и проконсульские полномочия и с благородным отвращением к чувству зависти или, скорее, с благородным непониманием такого чувства разделил с ним все труды управления. Марк, со своей стороны, уважал своего благодетеля, любил его, как отца, повиновался ему как своему государю, а после его смерти руководствовался в делах управления примером и правилами своего предшественника. Эти два царствования представляют едва ли не единственный период истории, в котором счастье громадного народа было единственной целью правительства.

Характер и царствование Пия. Тит Антонин Пий был справедливо прозван вторым Нумой. Одна и та же любовь к религии, к справедливости и к миру была отличительной чертой обоих государей. Но положение императора открывало более широкое поле деятельности для его добродетелей. Нума мог только удерживать жителей нескольких деревень от взаимного грабежа земных продуктов, тогда как Антонин поддерживал порядок и спокойствие в большей части земного шара. Его царствование отличается тем редким достоинством, что доставляет очень мало материалов для истории, которая, в сущности, не многим отличается от списка преступлений, безрассудств и бедствий человеческого рода. В частной жизни он был приветлив и добр. Его врожденное простодушие было чуждо чванства или притворства. Он с умеренностью пользовался выгодами своего положения и невинными общественными удовольствиями⁷², а его сердечное простодушие отражалось в приятном спокойствии его характера.

Характер и царствование Марка. Достоинства Марка Аврелия Антонина казались более суровыми и более выработанными. Они были плодом бесед с учеными, усидчивого труда и ночей, проведенных в занятиях. Когда ему было двенадцать лет, он принял суровую систему стоиков и научился у них подчинять тело уму, а страсти рассудку; он научился у них считать добродетель за единственное благо, порок за единственное зло, а все внешние предметы за нечто совершенно безразличное. Его «Размышления», написанные среди шумной лагерной жизни, дошли до нас; он даже снисходил до того, что давал уроки философии с такой публичностью, которая едва ли совместима со скромностью мудреца и с достоинством императора. Но вся его жизнь была самым благородным комментарием принципов Зенона. Он был строг к самому себе, снисходителен к чужим недостаткам, справедлив и благосклонен ко всем. Он сожалел о том, что Авидий Кассий, возбудивший восстание в Сирии, окончил свою жизнь самоубийством⁷³ и тем лишил его удовольствия превратить недруга в друга, а искренность этого сожаления он доказал тем, что старался смягчить строгие меры сената касательно приверженцев бунтовщика. Он ненавидел войну, считая ее бедствием для человечества, но, когда необходимость справедливой обороны заставила его взяться за оружие, он без колебаний подверг себя опасностям восьми зимних кампаний на холодных берегах Дуная, которые в конце концов оказались губительными для его слабого сложения. Признательное потомство

⁷¹ Антонин Благочестивый не совершал того великодушного поступка, который приписывает ему Гиббон. Он был усыновлен с непременным условием, что он должен усыновить М. Аврелия и Л. Вера; к тому же оба его сына умерли в детстве. (В.)

⁷² Он очень любил театр и не был равнодушен к прелестям женского пола. (Г.)

⁷³ См. примеч. к с. 62.

всегда чтит его память, и более чем через сто лет после его смерти еще многие хранили его изображение вместе с изображениями своих домашних богов.

Благосостояние римлян. Если бы у кого-нибудь спросили, в течение какого периода всемирной истории положение человеческого рода было самое счастливое и самое цветущее, он должен был бы без всяких колебаний назвать тот период, который протек от смерти Домициана до восшествия на престол Коммода. Римская империя на всем своем громадном пространстве управлялась абсолютной властью, руководительницами которой были добродетель и мудрость. Армии сдерживались твердо и вместе с тем мягкой рукой четырех следовавших один за другим императоров, которые внушали невольное уважение и своим характером, и своим авторитетом. Формы гражданского управления тщательно охранялись и Нервой, и Траяном, и Адрианом, и Антонинами, которые наслаждались внешним видом свободы и находили удовольствие в том, что выдавали себя за ответственных представителей закона. Такие государи были бы достойны чести сделаться восстановителями республики, если бы римляне того времени были способны пользоваться разумной свободой.

Его непрочность. За свои труды, постоянно сопровождавшиеся успехом, эти монархи были с избытком вознаграждены и тем, что могли честно гордиться своими заслугами, и тем, что могли с наслаждением созерцать то общее благоденствие, которое было делом их собственных рук. Однако одно основательное и грустное размышление отравляло для них самые благородные из человеческих наслаждений. Им не раз приходилось задумываться над непрочностью того благополучия, которое зависит от характера только одного человека. Может быть, уже приближался тот гибельный момент, когда какой-нибудь распутный юноша или какой-нибудь завистливый тиран употребит на дело разрушения ту абсолютную власть, которой они пользовались для блага народа. Узда, которую налагали сенат и законы, была воображаемая: она могла выставить в более ярком свете добродетели императоров, но не могла сдерживать их порочных наклонностей. Военная сила была слепым и непреодолимым орудием угнетения, а испорченность римских нравов всегда доставила бы льстецов, готовых одобрять, и приближенных, готовых удовлетворять жадность, сластолюбие или жестокосердие властелина.

Воспоминания о Тиберии, Калигуле, Нероне и Домициане. Эти мрачные опасения находили для себя оправдание в прошлом опыте римлян. Золотому веку Траяна и Антонинов предшествовал железный век. Едва ли стоит труда перечислять недостойных преемников Августа. Они спаслись от забвения только благодаря своим неслыханным порокам и благодаря великолепию той арены, на которой они действовали. Мрачный и неумолимый Тиберий, свирепый Калигула, слабоумный Клавдий, развратный и жестокосердный Нерон, зверский Вителлий и бесчеловечный трус Домициан – все они покрыты вечным позором. В течение восьмидесяти лет (за исключением только короткого и нерешительного перерыва в царствование Веспасиана⁷⁴) Рим томился под непрерывной тиранией, истреблявшей древние республиканские фамилии и преследовавшей почти все добродетели и все таланты, какие только проявлялись в этот несчастный период.

Чрезвычайные страдания римлян под управлением их тиранов. Под управлением этих чудовищ к рабской зависимости римлян присоединялись два особых обстоятельства, благодаря которым их положение было более ужасно, чем положение жертв тирании в каком-либо другом веке или в какой-либо другой стране, а именно: воспоминания о прежней свободе и обширность завоеваний. Отсюда проистекали: 1) чрезвычайная чувствительность угнетенных и 2) невозможность спастись от преследований угнетателя.

Их не чувствуют восточные жители. Когда Персия управлялась потомками Сефи, отличавшимися безрассудной жадностью и нередко обгагрившими свой диван, свой стол и свою постель кровью своих фаворитов, один молодой аристократ сказал, что, выходя от султана,

---

⁷⁴ Казнь Гельвидия Приска и добродетельной Эпонины запятнала царствование Веспасиана. (Г.)

он всегда ощупывал, осталась ли цела голова на его плечах. Ежедневный опыт оправдывал недоверие Рустана⁷⁵. Однако висевшая над его головой гибель, как кажется, не тревожила его сна и не нарушала его душевного спокойствия. Он знал, что один гневный взгляд монарха мог обратить его в прах; но удар молнии или паралич могли бы быть одинаково губительны, а потому благоразумие предписывало не думать о бедствиях, неизбежных в человеческой жизни, и наслаждаться скоротечным счастьем. Он был почтен названием царского раба, и, вероятно, будучи куплен у родителей низкого звания в такой стране, которая осталась навсегда ему неизвестной, он был воспитан с детства в строгой дисциплине серала. И его имя, и его богатства, и его отличия были подарком господина, который мог, без нарушения справедливости, отобрать все, что дал, назад. И Коран, и истолкователи этой Божественной книги внушали ему, что султан – потомок пророка и получил свою власть свыше, что терпение – главная добродетель мусульманина, а беспредельное повиновение – главная обязанность подданного.

Познания и вольный дух римлян. Но умы римлян были подготовлены к рабству совершенно иным путем. Под гнетом своей собственной испорченности и военных насилий они в течение долгого времени сохраняли если не чувства, то по меньшей мере воспоминания своих свободнорожденных предков. Гельвидий и Тразея, Тацит и Плиний получили такое же образование, как Катон и Цицерон. Из греческой философии они впитали в себя самые основательные и самые благородные понятия о человеческом достоинстве и о происхождении гражданского общества. История их собственной страны внушала им глубокое уважение к свободной, добродетельной и победоносной республике, отвращение к удачным преступным предприятиям Цезаря и Августа и тайное презрение к тем тиранам, которым они были вынуждены поклоняться с самыми гнусными выражениями лести. В качестве сановников и сенаторов они были членами того верховного собрания, которое когда-то предписывало законы всему миру, имя которого еще служило санкцией для императорских декретов и авторитетом которого так часто злоупотребляли для низких целей тирании. И Тиберий, и те императоры, которые придерживались его принципов, старались прикрывать свои злодеяния формами правосудия и, может быть, втайне радовались тому, что делали из сената соучастника и жертву своих жестокостей. Последние из республиканцев были осуждены этим собранием за мнимые преступления и за действительные добродетели. Их гнусные обвинители выражались языком независимых патриотов, преследующих опасного гражданина перед судом его родины, и за такую общественную службу были награждены богатствами и почестями. Работоподобные судьи делали вид, будто вступаются за достоинство республики, оскорбленное в лице ее высшего сановника, милосердие которого они превозносили в то время, как всего более страшались его неумолимого жестокосердия. Тираны смотрели на их низость со справедливым презрением и оплачивали за их скрытное отвращение искреннюю и явную ненавистью ко всему сенату во всем его составе.

Объем их империи лишал их возможности найти себе убежище. Римская империя обнимала целый мир, и, когда она подпадала под власть одного человека, весь мир обращался в надежную и страшную тюрьму для его врагов. Жертва императорского деспотизма – все равно, влачила ли она свои позлащенные цепи в Риме и в сенате или томилась в изгнании на бесплодном утесистом Серифосе⁷⁶ или на холодных берегах Дуная, – ожидала своей участи в безмолвном отчаянии. Соппротивление вело ее к гибели, а бегство было для нее невозможно. Ее со всех сторон окружали обширные моря и страны, через которые не было надежды перебраться, потому что беглец был бы непременно открыт, схвачен и отдан во власть своего разгневанного повелителя. За римскими границами его беспокойные взоры не открыли бы ничего,

⁷⁵ *Рустан-хан* – грузин, генерал персидской армии. См. Шарден Жан. Путешествие кавалера Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. (Ред.)

⁷⁶ *Серифос* – небольшой остров в Эгейском море; его население было презираемо за свое невежество и ничтожество. (Г.)

кроме океана, негостеприимных степей, враждебных варварских племен со свирепыми нравами и непонятным для него языком или зависимых от Рима королей, которые были бы рады приобрести покровительство императора принесением в жертву несчастного беглеца. «Где бы ты ни был, – сказал Цицерон изгнаннику Марцеллу, – помни, что ты везде одинаково находишься под властью победителя»⁷⁷.

---

⁷⁷ Цицерон. Письмо Марку Клавдию Марцеллу, в Митилену (Fam., IV, 7). (Ред.)

Глава IV

Жестокости, безрассудства и умерщвление Коммода. – Избрание Пертинакса. – Его попытка произвести реформы в государстве. – Его умерщвление преторианской гвардией

Снисходительность Марка... Кротость Марка Аврелия, которую не могла искоренить суровая дисциплина стоиков, составляла в одно и то же время и самую привлекательную, и самую слабую сторону его характера. Его ясный ум был нередко вовлекаем в заблуждения доверчивой добротой его сердца. Люди, изучившие слабые стороны государя и умевшие ловко скрывать свои собственные, вкрались в его доверие под личиной философской святости и приобрели богатства и почести, делая вид, будто презирают их. Его чрезмерная снисходительность к брату⁷⁸, жене и сыну вышла из пределов домашних добродетелей и превратилась в оскорбление общественной нравственности вследствие заразительности их примера и пагубных последствий их пороков.

...к его жене. Дочь Антонина Пия и жена Марка Аврелия, Фаустина прославилась столько же своими любовными интригами, сколько своей красотой. Серьезная простота философа не могла нравиться живой и ветреной женщине, не могла удовлетворить той безграничной страсти к разнообразию, которая нередко заставляла ее находить личные достоинства в самых низких представителях человеческого рода. Марк был единственный человек в империи, по видимому ничего не знавший о поведении Фаустины или не обращавший на него никакого внимания, а в силу существовавшего во все века предрассудка поведение жены пятнало честь мужа. Он назначил некоторых из ее любовников на почетные и выгодные должности и в течение тридцатилетней супружеской связи постоянно относился к ней с самым нежным доверием и с уважением, которое не прекратилось даже с ее смертью. По его настоятельному требованию услужливый сенат признал ее богиней. В воздвигнутых в честь ее храмах ее изображали с атрибутами Юноны, Венеры и Цереры, и было объявлено декретом, что молодые люди обоого пола в день своей свадьбы должны произносить супружеский обет перед алтарем этой целомудренной богини.

...к его сыну Коммоду. Чудовищные пороки сына набросили тень на чистоту добродетелей отца. Марка Аврелия упрекали в том, что он пожертвовал счастьем миллионов людей для нежной привязанности к недостойному мальчику и что он избрал себе преемника в своем собственном семействе, а не в республике. Впрочем, ни заботливый отец, ни призванные им на помощь добродетельные и ученые люди не пренебрегали ничем, что могло бы развить ограниченный ум молодого Коммода, заглушить зарождавшиеся в нем порочные склонности и сделать его достойным престола, для которого он был назначен. Но нашептывания развратного фаворита тотчас изглаживали из памяти юноши неприятные для него наставления серьезного философа, и сам Марк Аврелий уничтожил плоды этого тщательного образования, разделив со своим сыном императорскую власть, когда ему было только четырнадцать или пятнадцать лет. После этого он прожил только четыре года, но этого промежутка времени было достаточно, чтобы заставить его раскаиваться в неблагоразумной мере, давшей запальчивому юноше возможность сбросить с себя узы рассудка и авторитета⁷⁹.

---

⁷⁸ Здесь идет речь о Л. Вере, который был его братом вследствие усыновления и товарищем по управлению. (В.)

⁷⁹ Нет никаких доказательств того, чтобы М. Аврелий когда-либо раскаивался в такой мере, которую он принял, без сомнения, обдуманно. (В.)

Восшествие на престол императора Коммода. 180 год. Большая часть преступлений, нарушающих внутреннее спокойствие общества, происходит оттого, что необходимое, но неравномерное распределение собственности налагает стеснения на вожеления человеческого рода, предоставляя лишь очень немногим пользование тем, к чему стремятся все. Из всех наших страстей и склонностей жажда власти есть самая высокомерная и самая вредная для общества, так как она внушает человеческой гордости желание подчинять других своей воле. Среди сумятицы внутренних раздоров законы общества утрачивают свою силу, и редко случается, чтобы их заменяли законы человеколюбия. Горячность борьбы, гордость победы, отчаяние в успехе, воспоминание о прошлых унижениях и страх предстоящих опасностей – все это разгорячает умы и заглушает голос сострадания. Вот те причины, по которым почти каждая страница истории запятнана кровью междоусобицы; но ни одною из этих причин нельзя объяснить ничем не вызванных жестокостей Коммода, который мог наслаждаться всем и которому уже нечего было желать. Возлюбленный сын Марка Аврелия наследовал своему отцу при радостных приветствиях сената и армии, а при своем восшествии на престол этот счастливый юноша не видел вокруг себя ни соперников, которых нужно бы было устранить, ни врагов, которых нужно бы было побороть. На таком спокойном и высоком посту он, естественно, должен бы был предпочитать любовь человеческого рода его ненависти и добрую славу своих предшественников позорной участи Нерона и Домициана.

Характер Коммода. Впрочем, Коммод не был таким тигром, каким его описывали, – он не чувствовал от рождения ненасытной жажды крови и не был с самого детства способен на бесчеловечные поступки. От природы он был скорее слабодушен, нежели зол. Его простодушие и застенчивость делали его рабом окружающих, которые мало-помалу развратили его. Его жестокость, вначале бывшая результатом посторонних наущений, превратилась в привычку и в конце концов сделалась его господствующей страстью.

Его возвращение в Рим. Со смертью отца на Коммода легла стеснительная обязанность командовать огромной армией и вести трудную войну с квадами и маркоманнами⁸⁰. Рабелепные и развратные юноши, которые были удалены от двора Марком Аврелием, скоро вновь приобрели и прежнее положение, и прежнее влияние на нового императора. Они преувеличивали трудности и опасности кампании в диких странах по ту сторону Дуная и уверяли беспечного монарха, что достаточно страха, внушаемого его именем, и военных доблестей его полководцев, чтобы довершить победу над упавшими духом варварами или чтобы вынудить у них такие мирные условия, которые более выгодны, чем всякое завоевание. Зная его склонность к чувственным наслаждениям, они сравнивали спокойствие, блеск и утонченные удовольствия Рима с тревожной лагерной жизнью в Паннонии, где он не имел бы ни досуга, ни удобств роскоши. Коммод с удовольствием выслушивал столь приятные для него советы, но, в то время как он колебался, поступить ли согласно со своими собственными влечениями или же сообразоваться с указаниями отцовских советников, к которым он еще не перестал питать уважение, лето незаметно прошло, и его торжественный въезд в столицу был отложен до осени. Его привлекательная наружность, приветливое обхождение и воображаемые добродетели внушали общее к нему сочувствие; почетный мир, который он только что даровал варварам, распространял всеобщую радость; его нетерпеливое желание возвратиться в Рим приписывали его любви к родине, а его безнравственные забавы не казались достойными порицания в девятнадцатилетнем государе.

В течение первых трех лет его царствования и формы, и дух прежней администрации поддерживались теми преданными советниками, которым Марк поручил своего сына и к муд-

---

⁸⁰ *Квады* занимали страну, называемую теперь Моравией; *маркоманны* сначала жили на берегах Рейна и Майна; они удалились отсюда в царствование Августа и выгнали бойев из Богемии; тогда эти последние переселились в Бойоарию, нынешнюю Баварию. Маркоманны были в свою очередь выгнаны из Богемии сарматами или славянами, которые занимают ее и до сих пор. (Гизо)

рости и бескорыстию которых Коммод все еще чувствовал невольное уважение. Молодой государь предавался вместе со своими распутными любимцами дикому разгулу неограниченной власти, но его руки еще не были запятнаны кровью. Но одна несчастная случайность дала его неустановившемуся характеру определенное направление.

Он ранен убийцей. 183 год. Однажды вечером, когда император возвращался во дворец через темный и узкий портик амфитеатра, поджидавший его на дороге убийца бросился на него с обнаженным мечом и громко воскликнул: «Вот что присылает вам сенат!» Угроза и предотвратила успех попытки; убийца был схвачен гвардейцами и тотчас назвал виновников заговора, который был составлен не в государстве, а внутри дворца. Сестра императора и вдова Луция Вера Луцилла тяготилась своим второстепенным положением и из зависти к царствующей императрице вложила оружие в руки убийцы. Она не осмелилась сообщить о своем преступном намерении своему второму мужу, Клавдию Помпеяну, принадлежавшему к числу самых достойных сенаторов и самых преданных императору людей; но в толпе своих любовников (так как она во всем подражала Фаустине) она нашла разорившихся людей с необузданным честолюбием, которые готовы были удовлетворять как самые дикие, так и самые нежные ее страсти. Заговорщики понесли заслуженное наказание, а покинутая всеми матрона была наказана сначала ссылкой, а потом лишением жизни.

Ненависть и жестокость Коммода к сенату. Но слова убийцы глубоко запали в душу Коммода и оставили в ней неизгладимые впечатления страха и ненависти к сенату во всем его составе⁸¹. Тех, кого он до тех пор боялся как надоедливых приближенных, он стал подозревать как тайных врагов. Доносчики, не находившие поощрения при прежних царствованиях и почти совершенно исчезнувшие, снова ожили, лишь только они заметили, что император будет доволен, если они откроют недоброжелателей и изменников в сенате. Это собрание, считавшееся при Марке Аврелии верховным государственным советом, состояло из самых выдающихся римлян, но отличия какого бы то ни было рода скоро сделались преступными. Обладание богатством усиливало усердие сыщиков; строгая добродетель считалась за молчаливое порицание распутств Коммода; важные заслуги свидетельствовали об опасном превосходстве личных достоинств, а дружба отца всегда была ручательством ненависти сына. Подозрение было равносильно доказательствам виновности, а предание суду было то же, что произнесение обвинительного приговора. Казнь влиятельного сенатора сопровождалась лишением жизни всех тех, кто мог бы оплакивать ее или отомстить за нее, а после того, как Коммод отведал человеческой крови, его сердце сделалось недоступным ни для сострадания, ни для угрызений совести.

Братья Квинтилианы. Между этими невинными жертвами тирании ничья смерть не возбудила таких сожалений, как смерть двух братьев из дома Квинтилиана – Максима и Кондиана. Их познания, их занятия, их служебные обязанности и их удовольствия были одни и те же. Они были богаты, но им никогда не приходила мысль разбогачить свои денежные интересы; все, что они делали, могло заставить думать, что в их двух телах жила только одна душа. Антонины, ценившие их добродетели и с удовольствием смотревшие на их дружбу, возвели их в один и тот же год в звание консулов, а Марк впоследствии поручил им гражданское управление Грецией и начальство над большой армией, во главе которой они одержали значительную победу над германцами. Жестокосердие Коммода в конце концов соединило их и в одновременной смерти.

Министр Перенн. 186 год. В то время как Коммод утопал в крови и в распутстве, он поручил дела управления Перенну – раболепному и честолюбивому министру, который умертвил своего предшественника, чтобы занять его место, но который обладал большой энергией и недюжинными дарованиями. Он нажил громадное состояние путем вымогательств

⁸¹ Заговорщики были сенаторы, и сам Квинтилиан, который должен был нанести смертельный удар, был сенатор. (В.)

и благодаря тому, что присваивал себе конфискованные имения знатных людей, принесенных в жертву его алчности. Преторианская гвардия состояла под его непосредственным начальством, а его сын, уже успевший выказать блестящие военные дарования, находился во главе иллирийских легионов. Перенн добивался престола или – что в глазах Коммода было одинаково преступно – был способен добиваться его, если бы его не предупредили, не захватили врасплох и не предали смертной казни. Падение министра – неважное событие в общей истории империй, но оно было ускорено одним чрезвычайным событием, доказавшим, до какой степени уже успела ослабнуть дисциплина. Британские легионы, недовольные управлением Перенна, составили депутацию из тысячи пятисот избранных людей и отправили ее в Рим с поручением изложить их жалобы перед императором. Эти вооруженные просители выражались с такой энергией, сеяли между гвардейцами такие раздоры, преувеличивали силы британской армии в такой степени, что навели страх на Коммода и вынудили у него согласие на казнь министра как на единственное средство загладить причины их неудовольствия⁸². Эта смелость армии, находившейся так далеко от столицы, и познанное ею на опыте бессилие правительства были верным предзнаменованием самых страшных внутренних потрясений.

Восстание Матерна. Вскоре вслед за тем небрежность администрации обнаружилась в новых беспорядках, казавшихся вначале самыми незначительными. В войсках стала распространяться склонность к дезертирству, и, вместо того чтобы спастись бегством или укрываться, дезертиры стали грабить на больших дорогах. Один простой солдат, отличавшийся необыкновенной отвагой, по имени Матерн, собрал эти шайки грабителей в маленькую армию, растворил двери тюрем, объявил, что рабы должны воспользоваться этим случаем, чтобы приобрести свободу, и стал безнаказанно грабить богатые и беззащитные города Галлии и Испании. Правители этих провинций, долгое время бывшие безмолвными свидетелями, а может быть, и соучастниками его разбоев, наконец были выведены из своего нерадивого бездействия полученными от императора грозными притязаниями. Матерн, видя себя окруженным со всех сторон, понял, что ему невозможно спастись, если он не сделает последнего отчаянного усилия: он приказал своим приверженцам рассеяться в разные стороны, с помощью разных переодеваний перебраться через Альпы небольшими кучками и собраться в Риме ко времени празднования Кибелы, обыкновенно сопровождавшегося самой бесчинной сумятицей⁸³. Его намерение убить Коммода и вступить на вакантный престол разоблачало в нем честолюбие, не свойственное простому разбойнику. Принятые им меры были так хорошо задуманы, что его переодетые воины уже наполняли улицы Рима. Один из его сообщников выдал его из зависти и разрушил эти странные замыслы в тот самый момент, когда все было готово для их исполнения.

Министр Клеандр. Недоверчивые монархи нередко возвышают людей самого низкого звания, будучи в ошибочном убеждении, что тот, кто не имеет другой опоры, кроме их милостивого расположения, не будет иметь никаких других привязанностей, кроме привязанности к своему благодетелю. Преемник Перенна Клеандр был родом из Фригии; он принадлежал к племени, отличавшемуся таким непреклонным и вместе с тем раболепным характером, что на него можно было влиять только путем физического насилия. Он был послан со своей родины в Рим в качестве раба. В этом же качестве он получил доступ в императорский дворец, сумел угодить Коммоду, потакая его страстям, и быстро достиг самого высокого положения, какого только может желать подданный. Его влияние на ум Коммода было еще более сильно, нежели влияние его предшественника. Алчность была его господствующей страстью и главным прин-

⁸² Дион Кассий (Римская история, кн. LXXIII) не находит характер Перенна таким отвратительным, каким его изображают другие историки. (Г.)

⁸³ Во время Второй Пунической войны римляне заимствовали из Азии поклонение Матери богов. Ее праздник Мегалесия начинался 4 апреля и продолжался шесть дней. Тогда на улицах становилось тесно от веселых процессий, театры наполнялись зрителями, а за общественными столами мог садиться всякий, кто хотел. Порядок и полицейский надзор прекращались, и забава делалась единственным серьезным занятием всего города. (Г.)

ципом его управления. Звания консула, патриция, сенатора продавались публично, и тот, кто отказался бы от приобретения этих пустых и унижительных почестей ценою большей части своего состояния, был бы причислен к разряду недовольных. Чиновники, занимавшие в провинциях доходные места, грабили народ и делили добычу с министром, а правосудие было продажно и руководилось произволом. Богатый преступник не только мог добиться отмены осуждавшего его справедливого приговора, но и мог подвергнуть любому наказанию и обвинителя, и свидетелей, и судью.

Его жадность и жестокосердие. Этими способами Клеандр накопил в течение трех лет такое состояние, какого никогда не имел ни один вольноотпущенный. Коммод был совершенно удовлетворен великолепными подарками, которые хитрый царедворец клал к его стопам в такие минуты, когда это было всего более кстати. Чтобы заставить молчать завистников, Клеандр стал воздвигать от имени императора бани, портики и здания для телесных упражнений, предназначавшиеся для народа. Он льстил себя надеждой, что ослепленные и удовлетворенные такой щедростью римляне будут более хладнокровно относиться к кровавым сценам, ежедневно разыгрывавшимся перед их глазами, что они позабудут о смерти сенатора Бирра, который благодаря своим высоким достоинствам получил от покойного императора в замужество одну из его дочерей, и что они простят ему казнь Ария Антонина, последнего представителя имени и добродетелей Антонинов. Бирр провинился тем, что, руководствуясь долгом чести, а не осторожностью, попытался раскрыть перед глазами своего зятя настоящий характер Клеандра, а Арий Антонин погубил себя тем, что, бывши проконсулом в Азии, произнес справедливый приговор над одним из негодных любимцев фаворита. После падения Перенна опасения Коммода приняли на короткое время такую форму, что можно было ожидать возврата к более благородным чувствам. Он отменил самые гнусные распоряжения этого министра, предал его память публичному проклятию и приписал его пагубным советам все ошибки своей неопытной юности. Но его раскаяние продолжалось только тридцать дней, и тирания Клеандра нередко заставляла с сожалением вспоминать об управлении Перенна.

Бунт и смерть Клеандра. 189 год. Моровая язва и голод переполнили чашу бедствий, испытанных римлянами. В течение довольно значительного времени в Риме ежедневно умирало по две тысячи человек. Первое бедствие можно было приписывать лишь справедливому негоднованию богов, но непосредственной причиной второго считали монополию хлебной торговли, захваченную богачами и поддержанную влиянием министра⁸⁴. Неудовольствие народа, выражавшееся сначала вполголоса, разразилось на собрании в цирке. Народ отказался от своих любимых развлечений, для того чтобы предаться более приятному удовольствию отмщения, и с гневными криками потребовал казни общественного врага. Клеандр, командовавший преторианской гвардией, приказал отряду кавалерии разогнать мятежную толпу. Народ бросился бежать к городу; многие были убиты, и многие были затоптаны до смерти; но когда кавалерия проникла на улицы, она была остановлена в своем преследовании градом камней и стрел, сыпавшихся на нее с крыш и из окон домов. Пешая стража⁸⁵, давно уже ненавидевшая преторианскую кавалерию за ее прерогативы и за ее наглость, перешла на сторону народа. Мятеж превратился в настоящее сражение и грозил общей резней. Преторианцы наконец отступили перед численным превосходством противника, и массы ожесточенного народа снова устремились с удвоенною яростью к воротам дворца, где Коммод утопал в наслаждениях, ничего не зная о вспыхнувшей междоусобице. Сообщить ему эту неприятную новость значило riskовать своею жизнью. Он мог погибнуть от своей беспечности, если бы его старшая сестра Фадилла и его любимая наложница Марция не отважились ворваться к нему. Коммод пробу-

⁸⁴ Это не более как догадка Гиббона. Есть сведения только о том, что некоторые злоупотребления по поставке хлеба возбудили неудовольствие в народе. (В.)

⁸⁵ Речь идет о городских когортах. (В.)

дился от своего сладкого усыпления и приказал бросить народу голову Клеандра. Это столь желанное зрелище тотчас прекратило волнение, и сын Марка Аврелия еще мог бы в ту пору вернуть себе привязанность и доверие своих подданных.

Развратные забавы Коммода. Но в душе Коммода угасли все чувства благородства и человеколюбия. В то время как он оставлял бразды правления в руках недостойных фаворитов, он ценил в верховной власти только возможность ничем не стесняться при удовлетворении своих чувственных склонностей. Он проводил свое время в серале, состоявшем из трехсот красивых женщин и стольких же мальчиков всякого звания и из всяких провинций; а когда все хитрости соблазна оказывались недейственными, грубый любовник прибегал к насилию. Древние историки подробно описывали эти сцены разврата, при которых нарушались в одинаковой мере и законы природы, и правила пристойности; но их слишком точные описания невозможно передать приличным языком нашего времени. Он был первый из римских императоров, которому были совершенно незнакомы умственные наслаждения. Даже Нерон был знатоком, или выдавал себя за знатока, изящных искусств, музыки и поэзии, и мы не ставили бы ему этого в упрек, если бы он не превратил приятное препровождение времени в предмет честолюбия и в главную цель своей жизни. Но Коммод с раннего детства выказывал отвращение ко всем умственным и благородным занятиям и находил удовольствие только в развлечениях черни – в играх цирка и амфитеатра, в боях гладиаторов и в травле диких зверей. Марк Аврелий окружил сына самыми опытными наставниками по всем отраслям знаний, но молодой наследник относился к их урокам без внимания и с отвращением, тогда как мавры и парфяне, учившие его метать дротик и стрелять из лука, нашли в нем прилежного ученика, скоро достигшего одинаковой со своими наставниками верности глаза и ловкости движений.

Охота на диких зверей. Раболепная толпа царедворцев, основывавшая свою фортуна на пороках своего повелителя, рукоплескала этим низким склонностям. Гнусный голос лести напоминал ему, что благодаря точно таким же подвигам, благодаря поражению Немейского льва и Эриманфского вепря греческий Геркулес занял место среди богов и приобрел бессмертную славу на земле. Но при этом умалчивалось о том, что, когда общественная жизнь была еще в зародыше и когда лютые звери оспаривали у людей обладание невозделанной землей, успешная борьба с этими жестокими врагами была одним из самых невинных и самых полезных для человечества упражнений героя. При цивилизованном положении Римской империи дикие звери давно уже удалились от людских глаз и от населенных городов. Ловить их в их уединенных убежищах и перевозить в Рим, для того чтобы они падали при пышной обстановке от руки императора, значило ставить в смешное положение государя и налагать новое бремя на народ⁸⁶. Не понимавший этой разницы Коммод жадно ухватился за блестящее сходство и прозвал себя *Римским Геркулесом* (как это видно из надписей на медалях). Палица и львиная шкура фигурировали подле трона в числе других символов верховной власти, и были воздвигаемы статуи, в которых Коммод изображался в позе и с атрибутами того бога, храбрости и ловкости которого он старался подражать в своих ежедневных свирепых забавах.

Коммод выказывает свою ловкость в амфитеатре. Возгордившись от похвал, мало-помалу заглушивших в нем врожденное чувство стыдливости, Коммод решился выставить римлянам напоказ те физические упражнения, которые до тех пор всегда совершались внутри дворцовых стен и в присутствии немногих любимцев. В назначенный день громадное число зрителей собралось в амфитеатре, и необыкновенная ловкость императора-актера вызвала заслуженные рукоплескания. Все равно, метил ли он в голову или в сердце животного, удар всегда был верен и смертелен. С помощью стрелы, заостренной с конца в форме полу-

⁸⁶ Африканские львы, когда их мучил голод, безнаказанно опустошали беззащитные селения и возделанные поля. Эти животные предназначались для забав императора и столицы, и несчастный крестьянин, убивший одного из них, хотя бы для своей личной защиты, подвергался очень тяжелому наказанию. Этот необычайный закон был смягчен Гонорием и окончательно отменен Юстинианом. (Г.)

месяца, Коммод останавливал быстрый бег страуса и рассекал надвое его длинную костлявую шею. На арену выпускают барса, и стрелок ждет, пока он бросится на одного из дрожащих от страха преступников; в этот самый момент стрела летит, зверь падает мертвым, а его жертва остается нетронутой. Из логовищ, устроенных при амфитеатре, выпускают сразу сто львов, но сто стрел, пущенных верной рукой Коммода, поражают их, в то время как они в ярости бегают по арене. Эфиопия и Индия доставляли ему своих самых редких животных. На всех этих представлениях принимались самые строгие меры предосторожности, чтобы охранить Римского Геркулеса от какого-нибудь отчаянного прыжка дикого зверя, способного пренебречь и его императорским достоинством, и его божеской святостью.

Выступает гладиатором. Но даже люди самого низкого звания краснели от стыда и негодования при виде монарха, выступающего на арене в качестве гладиатора и гордящегося такой профессией, которую и римские законы, и римские нравы заклеили самым заслуженным позором⁸⁷. Коммод избрал одеяние и оружие секутора, борьба которого с ретиарием представляла одну из самых оживленных сцен в кровавых забавах амфитеатра. Вооружение секутора состояло из шлема, меча и щита; у его нагого противника была только широкая сеть и трезубец; первой он старался опутать своего врага, а вторым – проколоть его. Если его первый взмах был неудачен, он был вынужден бежать от преследования секутора, пока не приготовится закинуть свою сеть вторично. Император выдержал бой этого рода семьсот тридцать пять раз. Описание этих славных подвигов было тщательно занесено в летописи империи, а в довершение своего гнусного поведения Коммод взял из общего фонда гладиаторов такое громадное денежное вознаграждение, что оно обратилось в новый налог, самый унижительный из всех, какие лежали на римском народе.

Его гнусность и сумасбродства. Коммод скоро стал пренебрегать прозвищем Геркулеса; его слуху стало приятно только имя Павла, которое носил один знаменитый секутор. Оно было вырезано на его колоссальных статуях и повторялось с восторженными рукоплесканиями впавшим в отчаяние сенатом, который был вынужден одобрять все безрассудства императора. Добродетельный супруг Луциллы Клавдий Помпеян был единственный сенатор, не уронивший достоинство своего звания. В качестве отца он позволил своим сыновьям иметь в виду их личную безопасность при посещении амфитеатра. В качестве римлянина он объявил, что его собственная жизнь находится во власти императора, но что он никогда не будет свидетелем того, как сын Марка Аврелия публично унижает и свою личность, и свое достоинство. Несмотря на такое мужество, Помпеян избежал мстительности тирана и вместе со своею честью имел счастье спасти свою жизнь.

Заговор между самыми близкими к нему людьми. Коммод достиг в эту пору самой высшей степени разврата и позора. Среди рукоплесканий придворных льстецов он не был в состоянии скрыть от самого себя, что он был достоин презрения и ненависти со стороны всех здравомыслящих и добродетельных людей. Его свирепость усиливалась и вследствие сознания, что его ненавидят, и вследствие зависти к каким бы то ни было личным достоинствам, и вследствие основательных опасений за свою жизнь, и вследствие привычки проливать кровь, развившейся в нем среди его обычных ежедневных забав. История сохранила длинный список сенаторов-консуляров, принесенных в жертву его легкомысленной недоверчивости, которая с особенной заботливостью разыскивала всех, хотя бы самых дальних, родственников семейства Антонинов, не щадя при этом даже тех, кто был орудием его преступлений и его забав.

Смерть Коммода. 31 декабря 192 года. В конце концов его жестокость оказалась губительной для него самого. Он погиб, лишь только его стали бояться его собственные прибли-

⁸⁷ Добродетельные и даже только благоразумные императоры запрещали сенаторам и всадникам вступать в эту постыдную профессию под страхом позора или – что было еще более страшно для этих распутных негодяев – под страхом ссылки. А тираны, напротив того, прибегали к угрозам и к наградам, чтобы вовлечь их в его унижение. (Г.)

женные. Его любимая наложница Марция, его приближенный Эклект и преторианский префект Лет, испуганные печальной участью своих товарищей и предшественников, решились предотвратить ежеминутно висевшую над их головами гибель или от безумной прихоти тирана, или от внезапного взрыва народного негодования. Марция, воспользовавшись удобным случаем, подала своему любовнику чашу с вином, после того как он возвратился усталым с охоты на каких-то диких зверей. Коммод лег спать; но в то время, как он метался от действия яда и от опьянения, один здоровый юноша, по профессии борец, вошел в его комнату и задушил его, не встретив никакого сопротивления⁸⁸. Труп был тайно вынесен из дворца прежде, нежели могло возникнуть в городе или даже при дворе малейшее подозрение в смерти императора.

Избрание Пертинакса императором. Заговорщики привели в исполнение свой план с такой хладнокровной обдуманностью и с такой быстротой, каких требовала важность задуманного дела. Они решили немедленно посадить на вакантный престол такого императора, который не стал бы их преследовать за совершенное преступление. Они остановили свой выбор на бывшем сенаторе-консуляре, городском префекте Пертинаксе, выдающиеся достоинства которого заставили забыть незнатность его происхождения и возвысили его до высших государственных должностей. Он попеременно управлял многими провинциями империи и на всех своих важных должностях, как военных, так и гражданских, отличался твердостью, благоразумием и бескорыстием. Он был почти единственный из друзей и приближенных Марка Аврелия оставшийся в живых, и, когда он был разбужен в поздний час ночи известием, что его желают видеть императорский камергер и префект, он встретил их с неустрашимым мужеством и пригласил исполнить приказания их повелителя. Но вместо смертного приговора они принесли ему приглашение вступить на римский престол. В течение нескольких минут он относился с недоверием к их предложениям и настояниям. Убедившись наконец в смерти Коммода, он принял императорское звание с непритворной неохотой, происходившей от сознания как обязанности, так и опасностей, сопряженных с верховной властью.

Он признан в этом звании императорской гвардией... Лет немедленно повез нового императора в лагерь преторианцев, распуская по городу слух, что Коммод внезапно умер от паралича и что добродетельный Пертинакс *уже* вступил на престол. Гвардейцы были скорее удивлены, нежели обрадованы подозрительной смертью государя, который только к ним одним был добр и щедр; но необходимость немедленно принять какое-нибудь решение, а также авторитет их префекта, репутация Пертинакса и народные возгласы заставили их заглушить свое тайное неудовольствие, принять обещанные новым императором подарки, принести ему присягу в верности и сопровождать его с радостными восклицаниями и лавровыми листьями в руках до здания сената, для того чтобы согласие армии было подтверждено гражданской властью.

...и сенатом 1 января 193 года. Большая часть этой тревожной ночи уже прошла. Перед рассветом сенаторы неожиданно получили приглашение собраться вместе с гвардией в храме Согласия, для того чтобы утвердить избрание нового императора. Они сидели несколько минут в безмолвной нерешительности, не веря в свое неожиданное спасение и подозревая какую-нибудь коварную проделку Коммода; но когда наконец они убедились, что тиран действительно умер, они предались радостным восторгам и вместе с тем выражениям своего негодования. Пертинакс скромно отговаривался незнатностью своего происхождения и указывал им на некоторых знатных сенаторов, более его достойных императорского звания, но они почтительно настояли на том, чтобы он вззошел на престол и принял все титулы императорской власти, сопровождая свои настояния самыми искренними выражениями преданности.

---

⁸⁸ Когда Коммод освободился от яда благодаря сильной рвоте, он заподозрил ее причину и стал грозить заговорщикам, которые тогда послали за борцом Нарциссом. (В.)

Память Коммода была заклеяна вечным позором. Слова «тиран, гладиатор, общественный враг» раздавались во всех углах храма. После шумной подачи голосов сенаторы решили, что все почетные звания Коммода будут отменены, что его титулы будут стерты с публичных зданий, что его статуи будут низвергнуты и его труп для удовлетворения народной ярости будет стащен крючьями в комнату, где раздеваются гладиаторы; вместе с тем они выразили свое негодование против тех усердных прислужников, которые хотели укрыть смертные останки своего господина от исполнения над ним сенатского приговора. Но Пертинакс приказал воздать умершему последние почести – частью из уважения к памяти Марка Аврелия, частью уступая слезам своего первого покровителя Клавдия Помпеяна, который горевал не столько о страшной участи своего зятя, сколько о том, что эта участь была заслуженной.

Легальная юрисдикция сената над императорами. Эти излияния бессильной ярости против умершего императора, бывшего в течение своей жизни предметом самой низкой лести со стороны сената, обнаруживали жажду мщения хотя и основательную, но лишенную благородства. Впрочем, легальность упомянутых декретов опиралась на принципы императорской конституции. Порицать, низвергать или наказывать смертью первого сановника республики, употребившего во зло вверенную ему власть, было древним и бесспорным правом римского сената; но это бессильное собрание было вынуждено довольствоваться тем, что налагало на павшего тирана кары правосудия, от которых он в течение своей жизни и своего царствования был огражден страшной силой военного деспотизма.

Добродетели Пертинакса. Пертинакс нашел более благородный способ осудить память своего предшественника: он выказал в ярком свете свои добродетели в противоположность порокам Коммода. В день своего восшествия на престол он передал своей жене и сыну все свое личное состояние, чтобы они не имели предлога просить милостей в ущерб государству. Он не захотел потакать тщеславию первой дарованием ей титула августы и не захотел развращать неопытную юность второго возведением его в звание цезаря. Тщательно отделяя обязанности отца от обязанностей государя, он воспитывал сына в суровой простоте, которая, не давая ему положительной надежды наследовать отцу, могла со временем сделать его достойным этой чести. На публике Пертинакс был серьезен и приветлив. Он проводил время в обществе самых достойных сенаторов (будучи частным человеком, он изучил настоящий характер каждого из них), не обнаруживая ни гордости, ни зависти, и смотрел на них как на друзей и товарищей, с которыми он разделял все опасности при жизни тирана и вместе с которыми он желал наслаждаться безопасностью настоящего времени. Он часто приглашал их на бесцеремонные вечерние развлечения, возбуждавшие своей простотой насмешки со стороны тех, кто еще не забыл и сожалел о пышной расточительности Коммода.

Он пытается произвести реформы в государстве. Пертинакс задал себе приятную, но грустную задачу – залечить, насколько это было возможно, раны, нанесенные рукой тирана. Еще находившиеся в живых невинные жертвы Коммода были возвращены из ссылки или освобождены из тюремного заключения; им возвратили и прежние отличия, и отобранное у них имущество. Лишенные погребения трупы убитых сенаторов были похоронены в их фамильных склепах: честь их имени была восстановлена, и было сделано все, что можно, чтобы утешить их разоренные и погруженные в скорбь семьи. Между этими утешениями самым приятным для всех было наказание доносчиков, этих опасных врагов и государя, и добродетели, и отечества. Но даже в преследовании этих опиравшихся на букву закона убийц Пертинакс выказал твердость своего характера, предоставив их судьбу правосудию и совершенно устранив влияние народных предрассудков и народной жажды мщения.

Его распоряжения. Государственные финансы требовали самых тщательных забот со стороны императора. Несмотря на всевозможные беззакония и вымогательства, совершавшиеся с целью наполнять императорскую казну имуществом подданных, хищничество Коммода не могло достигнуть одного уровня с безрассудством его трат, так что после его смерти

в казначействе оказалось только тысяч восемь фунтов стерлингов⁸⁹ как на текущие расходы управления, так и на щедрые подарки, обещанные новым императором преторианской гвардии. Но и при таком стеснительном положении Пертинакс имел достаточно великодушия и твердости, чтобы отменить все обременительные налоги, придуманные Коммодом, и прекратить все несправедливые взыскания в пользу казначейства. Дворцовые расходы были немедленно сокращены наполовину. Пертинакс приказал продать с публичного торга все предметы роскоши, как то: золотую и серебряную посуду, колесницы особой конструкции, излишние шелковые и вышитые одежды и множество красивых рабов и рабынь, сделав в этом последнем случае только одно исключение в пользу тех рабов, которые, родившись свободными, были отняты силой у своих родителей. Заставляя недостойных любимцев тирана возвращать часть незаконно приобретенных богатств, он в то же время удовлетворял справедливые требования государственных кредиторов и выплачивал за честные заслуги те суммы, которые долго оставались в долгу за казначейством. Он отменил стеснительные ограничения, наложенные на торговлю, и раздал все невозделанные земли в Италии и в провинциях тем, кто хотел их обрабатывать, освободив их на десять лет от всяких налогов.

Его популярность. Этот благоразумный образ действий доставит Пертинаксу самую благородную для государя награду – любовь и уважение его народа. Те, кто сохранил воспоминание о добродетелях Марка Аврелия, с удовольствием замечали в новом императоре черты этого блестящего образца и льстили себя надеждой, что еще долго будут наслаждаться благотворным влиянием его управления. Но излишняя торопливость, с которой Пертинакс старался уничтожить злоупотребления, и недостаток той осмотрительности, которой можно бы было ожидать и от его лет, и от его опытности, оказались гибельными и для него самого, и для его отечества. Его честная неосмотрительность восстановила против него ту раболепную толпу, которая находила в общественной неурядице свою личную выгоду и предпочитала неумолимой справедливости законов милости тирана.

Неудовольствие преторианцев. Среди всеобщей радости мрачный и гневный вид преторианской гвардии обнаруживал ее тайное неудовольствие. Она неохотно подчинилась Пертинаксу, так как она боялась строгостей прежней дисциплины, которую он хотел восстановить, и сожалела о своеволии, которому предавалась в предшествовавшее царствование. Ее неудовольствие втайне поддерживалось ее префектом Летом, слишком поздно заметившим, что новый император готов награждать за службу, но не позволит управлять собою фавориту. В третий день царствования Пертинакса солдаты захватили одного сенатора с целью отвезти его в свой лагерь и провозгласить императором. Вместо того чтобы прельститься такой опасной честью, испуганная жертва преторианцев спаслась от их насилий и нашла себе убежище у ног императора.

Предупрежденный заговор. Вскоре после того один из выбиравшихся на год консулов, Сосий Фалькон, – отважный юноша, принадлежавший к древнему и богатому роду, – увлеченный честолюбием, воспользовался отъездом Пертинакса на короткое время из Рима, чтобы составить заговор, который был подавлен благодаря поспешному возвращению императора в столицу и его энергичному образу действий. Фалькон был бы приговорен, как общественный враг, к смертной казни, если бы его не спасло настоятельное и чистосердечное заступничество оскорбленного императора, который упросил сенат не допустить, чтобы чистота его царствования была запятнана кровью даже виновного сенатора.

Умерщвление Пертинакса преторианцами 28 марта 193 года. Эти обманутые ожидания только усиливали раздражение преторианской гвардии. 28 марта – только через восемьдесят шесть дней после смерти Коммода – в ее лагере вспыхнуло общее восстание, которого

⁸⁹ Благодаря своей благоразумной бережливости Антонин Благочестивый оставил своему преемнику сокровище, состоявшее из *vicies septies millies*, то есть почти из двадцати двух миллионов фунтов стерлингов. (Г.)

не могли или не хотели подавить военачальники. От двухсот до трехсот самых отчаянных солдат направились около полудня к императорскому дворцу. Им отворили ворота товарищи, стоявшие на часах, и служители прежнего двора, вступившие в заговор против жизни не в меру добродетельного императора. Узнав об их приближении, Пертинакс не захотел искать спасения ни в бегстве, ни в укрывательстве, а выйдя к ним навстречу, стал доказывать им свою собственную невиновность и напоминать о святости недавно принесенной ими присяги. При виде почтенной наружности и величавой твердости своего государя они как будто устыдились своего преступного намерения и простояли несколько минут в безмолвной нерешительности, но отсутствие всякой надежды на помилование снова возбудило в них ярость, и один варвар, родом из Тонгерена⁹⁰, нанес первый удар Пертинаксу, который тотчас вслед за тем пал от множества смертельных ран. Его голова, отрезанная от туловища и воткнутая на пику, была с триумфом отнесена в лагерь преторианцев на глазах опечаленного и негодующего народа, оплакивавшего незаслуженную гибель отличного государя и скоропреходящие благодеяния такого царствования, воспоминания о котором могли только усилить горечь предстоявших бедствий.

---

⁹⁰ *Тонгерен* – город в Бельгии, в древности – центр германского племени тунгров, к которому принадлежал Таузий, убийца Пертинакса. (Ред.)

Глава V

Преторианская гвардия публично продает империю Дидию Юлиану. – Клавдий Альбин в Британии, Песценний Нигер в Сирии и Септимий Север в Паннонии восстают против убийц Пертинакса. – Междоусобная война и победа Севера над его тремя соперниками. – Распущенность дисциплины. – Новые принципы управления

Размер военных сил в сравнении с числом жителей. Влияние военной силы более ощутимо в обширных монархиях, нежели в мелких государственных единицах. По вычислениям самых компетентных политиков, всякое государство придет в конце концов в истощение, если оно будет держать более одной сотой части своих членов под ружьем и в праздности. Но если бы эта пропорция и была повсюду одинакова, все-таки влияние армии на остальную часть общества будет различно, смотря по тому, как велика ее действительная сила. Выгоды, доставляемые военной тактикой и дисциплиной, утрачиваются, если надлежащее число солдат не соединено в одно целое и если это целое не оживлено одним духом. В небольшой кучке людей такое единство не привело бы ни к каким серьезным результатам, а в неповоротливой громадной массе людей оно было бы практически неприменимо, так как сила этой машины одинаково уничтожается и от чрезмерной тонкости, и от чрезмерной тяжести ее пружин. Не существует такого превосходства природных сил, искусственных орудий или упражнением приобретенной ловкости, которое сделало бы одного человека способным держать в постоянном подчинении целую сотню его собратьев; тиран одного города или небольшого округа скоро поймет, что сотня вооруженных приверженцев будет плохой для него охраной от десяти тысяч крестьян или граждан; но сто тысяч хорошо дисциплинированных солдат будут деспотически повелевать десятью миллионами подданных, а отряд из десяти или пятнадцати тысяч гвардейцев будет способен наводить ужас на многочисленное население громадной столицы.

Преторианская гвардия. Ее устройство и лагерь. Численный состав преторианской гвардии, неистовства которой были первым симптомом и главной причиной упадка Римской империи, едва ли достигал последней из вышеупомянутой цифр⁹¹. Она вела свое начало от времен Августа. Этот хитрый тиран, понимавший, что законы могут только приукрасить незаконно захваченную им власть, но что одна только вооруженная сила может ее поддержать, мало-помалу организовал этот сильный отряд гвардейцев, всегда готовый охранять его особу, внушать страх сенату и предупреждать или подавлять всякую попытку восстания. Он отличил эти привилегированные войска от остальной армии двойным жалованьем и высшими правами, а так как их страшный вид мог встревожить и раздражить жителей Рима, то он оставил в столице только три когорты, а остальные разместил по соседним городам. Но по прошествии пятидесяти лет мира и рабства Тиберий отважился на решительную меру, навсегда заклепавшую кандалы его отечества. Под благовидным предлогом освобождения Италии от тяжелого бремени военного постоя и введения более строгой дисциплины между гвардейцами он собрал их

---

⁹¹ Первоначально она состояла из девяти или десяти тысяч человек (Тацит и Дион не сходятся между собою касательно этого предмета), разделенных на столько же когорт. Вителлий увеличил этот состав до шестнадцати тысяч человек. (Г.)

в Риме и поместил в постоянном лагере, который был укреплен с искусным старанием и по своему положению господствовал над городом⁹².

Ее сила и самоуверенность. Такие грозные слуги всегда необходимы, а нередко и губельны для деспотизма. Вводя преторианских гвардейцев во внутренность дворца и в сенат, императоры предоставляли им возможность узнать их собственную силу и слабость гражданского правительства, а также случай относиться к порокам своего повелителя с фамильярным презрением и откладывать в сторону тот почтительный страх, который тогда только внушается мнимым величием, когда это величие созерцается издали и когда оно покрыто таинственностью. Среди пышной праздности богатого города их гордость находила для себя пищу в сознании их непреодолимой силы; и от них невозможно было скрыть, что в их руках находились и особа государя, и авторитет сената, и государственная казна, и столица империи. Чтобы отвлечь преторианские шайки от таких опасных размышлений, самые твердые и самые влиятельные императоры были вынуждены примешивать ласки к приказаниям и награды к наказаниям; они были вынуждены льстить их гордости, доставлять им развлечения, смотреть сквозь пальцы на их безобразия и покупать их ненадежную преданность щедрыми подарками, которых они требовали со времен Клавдия как своего законного вознаграждения при восшествии на престол каждого нового императора.

Ее особые притязания. Заступники гвардейцев подыскивали аргументы для оправдания их влияния, опиравшегося до тех пор лишь на силу оружия, и старались доказать, что в силу основных принципов конституции *их* согласие необходимо при назначении императора. Они говорили, что, хотя выбор консулов, военачальников и высших должностных лиц и был незадолго перед тем незаконно присвоен сенатом, он составлял древнее и несомненное право римского народа. Но где же можно было отыскать этот народ? Конечно, не в смешанной толпе рабов и иноземцев, наполнявших улицы Рима, конечно, не среди черни, внушавшей презрение столько же своей нищетой, сколько низостью своих чувств. Защитники государства, выбранные из самой лучшей италийской молодежи⁹³ и воспитанные в военном ремесле и в уважении к добродетели, были настоящими представителями народа и больше, чем кто-либо другой, имели право выбирать военного главу республики. Хотя эти аргументы и не удовлетворили требованиям здравого смысла, они сделались неопровержимыми с того момента, как неистовые преторианцы перетянули на свою сторону весы, бросив на них, подобно варварскому завоевателю Рима, свой меч.

Она продает империю с торгов. Преторианцы нарушили святость престола зверским умерщвлением Пертинакса, а своим последующим поведением они унизили его величие. Их лагерь остался без начальника, так как даже префект Лет, возбудивший всю эту бурю, благодарно уклонился от взрывов общественного негодования. Тесть императора, римский губернатор Сульпиций, посланный в лагерь при первом известии о мятеже, старался среди общего беспорядка успокоить бушевавшую толпу, но его слова были заглушены шумными возгласами убийц, несших на пике голову Пертинакса. Сульпиций задумал достигнуть престола и уже поднял единственный вопрос, который в данном случае мог привести его к желаемой цели: он завел переговоры о покупке императорского достоинства. Но самые предусмотрительные из преторианцев опасались, что частная сделка не даст им настоящей цены за столь дорогой товар; поэтому они выбежали на вал и громогласно объявили, что Римская империя достанется тому, кто предложит на публичном аукционе высшую цену.

Империю покупает Юлиан 28 марта 193 года. Это гнусное предложение, доказывавшее, что наглое своеволие солдат достигло своих крайних пределов, вызвало в городе всеобщую скорбь, стыд и негодование. Наконец оно дошло до слуха богатого сенатора Дидия Юли-

⁹² Подле самых городских стен, на широкой вершине Квиринала и Виминального холма. (Г.)

⁹³ Первоначально они набирались в Лации, Этрурии и в старых колониях. (Г.)

ана, который, оставаясь равнодушным к общественному бедствию, предавался наслаждениям роскошной кухни. Его жена и дочь, его вольноотпущенные и блюдолизы без труда уверили его, что он достоин престола, и настоятельно упрасивали воспользоваться таким благоприятным случаем. Тщеславный старик поспешно отправился в лагерь преторианцев, с которыми Сульпиций еще вел переговоры, и, стоя у подножия вала, стал наддавать цену. Этот постыдный торг велся через посредство доверенных лиц, которые поочередно переходили от одного кандидата к другому и извещали каждого из них о цене, предложенной его соперником. Сульпиций уже наобещал каждому солдату по пять тысяч драхм (немного более ста шестидесяти фунтов стерлингов), но Юлиан, горевший нетерпением одержать верх, зараз возвысил сумму подарка до шести тысяч двухсот пятидесяти драхм, или более чем до двухсот фунтов стерлингов. Тогда лагерные ворота тотчас отворились перед покупателем; он был объявлен императором и принял присягу на подданство от солдат, которые обнаружили по этому случаю свое человеколюбие, поставив ему непременно условием, чтобы он простил и предал забвению соперничество Сульпиция.

Он признан сенатом. На преторианцах лежала теперь обязанность исполнить условия продажи. Своего нового государя, которого они презирали, хотя и сами выбрали, они поместили посреди своих рядов, со всех сторон прикрыли его своими щитами и, двинувшись вперед в боевом порядке, провели его по пустынным городским улицам. Сенат получил приказание собраться, и те сенаторы, которые были или личными друзьями Пертинакса, или личными врагами Юлиана, нашли нужным выказывать более нежели обыкновенную радость по поводу такого счастливого переворота. Раболопное собрание принесло ему присягу в верности и возложило на него все разнообразные полномочия, составлявшие принадлежность императорского достоинства.

Поселяется во дворце. В сопровождении того же военного конвоя Юлиан был отведен из сената во дворец. Первыми предметами, бросившимися ему в глаза, были: обезглавленный труп Пертинакса и приготовленный для него скромный ужин. На труп он посмотрел с равнодушием, а на ужин – с презрением. По его приказанию был приготовлен великолепный пир, и он забавлялся долго за полночь игрой в кости и пляской знаменитого танцора Пилада. Однако не остался незамеченным тот факт, что, когда толпа льстецов разошлась, оставив его во мраке и в одиночестве, он предался страшным размышлениям и провел всю ночь без сна; он, вероятно, размышлял о своем опрометчивом безрассудстве, о судьбе своего добродетельного предшественника и о непрочности и опасности высокого положения, которое не было приобретено личными заслугами, а было куплено за деньги.

Общее неудовольствие. И он имел основание трепетать от страха. Сидя на троне, с которого он господствовал над целым миром, он не имел ни одного друга и даже ни одного приверженца. Сами гвардейцы стыдились государя, которого они посадили на престол только из жадности к деньгам, и не было ни одного гражданина, который не считал бы его возвышение отвратительным и в высшей степени оскорбительным для римского имени. Высшие классы общества, вынужденные держать себя крайне осторожно по причине своего видного положения и ради своих огромных имений, скрывали свои чувства и на притворные любезности императора отвечали приветливыми улыбками и изъявлениями преданности. Но люди из простого народа, ничего не боявшиеся благодаря своей многочисленности и незнатности, давали полный простор своим чувствам негодования. На улицах и площадях Рима раздавались протесты и проклятия. Разъяренная толпа оскорбляла Юлиана, отвергала его щедрые дары и, сознавая бессилие своего собственного гнева, громко зывала к легионам, стоявшим на границах империи, приглашая их восстановить поруганное величие Римской империи.

Армии, находящиеся в Британии, Сирии и Паннонии, восстают против Юлиана. Общее неудовольствие скоро распространилось от центра империи до ее границ. Армии, стоявшие в Британии, Сирии и Иллирии, оплакивали смерть Пертинакса, вместе с которым

или под началом которого они так часто сражались и побеждали. Они с удивлением, негодованием и, может быть, с завистью узнали необычайную новость о продаже преторианцами империи с публичного торга и решительно отказались утвердить эту постыдную денежную сделку. Их немедленное и единодушное восстание оказалось гибельным для Юлиана, но оно в то же время оказалось гибельным и для общественного спокойствия, так как легаты названных армий, Клавдий Альбин, Песценний Нигер и Септимий Север, думали не столько о том, чтобы отмстить за умерщвление Пертинакса, сколько о том, чтобы достигнуть престола. Их силы были совершенно одинаковы. Каждый из них находился во главе трех легионов и многочисленного отряда союзников, и, хотя характеры их были различны, все они были опытные и способные военачальники.

Клавдий Альбин в Британии. Легат Британии Клавдий Альбин превосходил обоих своих соперников знатностью происхождения, так как в числе его предков было несколько самых знаменитых людей древней республики⁹⁴. Но та ветвь, от которой он вел свое происхождение, впала в бедность и переселилась в одну из отдаленных провинций. Трудно составить себе верное понятие о его характере. Его упрекали в том, что под суровой маской философа он скрывал многие из таких пороков, которые унижают человеческую натуру. Но его обвинителями были те писатели, которые преклонялись перед фортуной Севера и попирали ногами прах его несчастного противника. Если не сама добродетель, то ее внешний вид доставил Альбину доверие и уважение Марка Аврелия, а тот факт, что он внушал сыну такое же сочувствие, какое находил в отце, служит по меньшей мере доказательством большой гибкости его характера. Милостивое расположение тирана не всегда служит доказательством того, что предмет этого расположения лишен всяких личных достоинств; может случиться, что тиран бессознательно награждает человека достойного и знающего или находит полезной для себя служебную деятельность такого человека. Альбин, как кажется, никогда не был ни орудием жестокостей сына Марка Аврелия, ни даже товарищем в его забавах. Он занимал важный и почетный пост вдалеке от столицы, когда получил секретное письмо от императора, который извещал его об изменнических замыслах некоторых недовольных военачальников и уполномочивал его провозгласить себя охранителем и наследником престола, приняв титул и знаки отличия цезаря. Легат Британии благоразумно отклонил от себя эту опасную честь, которая сделала бы его предметом зависти и могла бы вовлечь его самого в ту гибель, которая неминуемо ожидала Коммода. Чтобы достигнуть верховной власти, он прибегнул к более благородным или по меньшей мере к более благовидным средствам. Получив преждевременное известие о смерти императора, он собрал свои войска, объяснил им в красноречивых выражениях неизбежный вред деспотизма, описал им счастье и славу, которыми наслаждались их предки под консульским управлением, и объявил о своей твердой решимости возвратить сенату и народу их законные права. Эта популярная речь вызвала радостные возгласы британских легионов и была принята в Риме с тайным ропотом одобрения. Считая себя самостоятельным хозяином вверенной ему провинции и находясь во главе армии, которая, правда, отличалась не столько своей дисциплиной, сколько своим численным составом и храбростью, Альбин не обращал никакого внимания на угрозы Коммода, относился к Пертинаксу с гордой и двусмысленной сдержанностью и тотчас восстал против узурпации Юлиана. Происшедшие в столице волнения придали еще более веса его патриотическим заявлениям. Чувство приличия побудило его отказаться от высоких титулов августа и императора; он, может быть, хотел следовать примеру Гальбы, который, находясь точно в таком же положении, назвал себя наместником сената и народа.

Песценний Нигер в Сирии. Благодаря только своим личным достоинствам Песценний Нигер, несмотря на незнатность своего происхождения, возвысился до прибыльного и важного командования в Сирии, которое при внутренних междоусобицах могло проложить ему

⁹⁴ Постумий и Цейоний; первый из них был возведен в консульское звание на пятом году после его учреждения. (Г.)

путь к престолу. Впрочем, по своим дарованиям он, как кажется, был годен скорее для второстепенного, нежели для высшего, поста в империи; он не мог равняться со своими соперниками, хотя и мог бы быть отличным помощником для Севера, который впоследствии выказал величие своего ума, приняв некоторые из полезных учреждений, введенных его побежденным врагом. Во время своего управления Нигер приобрел уважение солдат и любовь местного населения. Суровой строгостью дисциплины он поддержал в армии мужество и повиновение, а изнеженные жители Сирии восхищались не столько мягкой твердостью его управления, сколько его приветливым обхождением и тем, что он с удовольствием посещал их беспрестанные роскошные празднества. Лишь только известие о зверском умерщвлении Пертинакса достигло Антиохии, вся Азия пожелала, чтобы Нигер отомстил за его смерть и сам принял императорское достоинство. Легионы, стоявшие на восточной границе, приняли его сторону; все богатые, но безоружные провинции, лежащие между Эфиопией и Адриатическим морем, охотно подчинились его власти, а цари по ту сторону Тигра и Евфрата поздравили его с избранием и предложили ему свои услуги. Но Нигер не имел достаточной твердости ума, чтобы уметь воспользоваться таким внезапным наплывом благоприятных обстоятельств; он льстил себя надеждой, что его восшествие на престол не встретит препятствий со стороны каких-либо соперников и что оно не будет запятнано пролитием крови в междоусобице, и в то время, как он наслаждался суетным блеском своего триумфа, он ничего не предпринимал, чтобы обеспечить победу. Вместо того, чтобы войти в переговоры с могущественными западными армиями, которые были в состоянии решить судьбу империи или по меньшей мере сильно повлиять на нее, и вместо того, чтобы немедленно двинуться в Рим и в Италию, где с нетерпением ожидали его прибытия, – Нигер тратил среди наслаждений Антиохии те невозвратимые минуты, которыми деятельно пользовался решительный и предприимчивый Север.

Паннония и Далмация, занимавшие все пространство между Дунаем и Адриатическим морем, принадлежали к числу самых поздних завоеваний римлян и стоили им всего более усилий. Двести тысяч тамошних варваров взяли за оружие для защиты своей национальной свободы, навели страх на престарелого Августа и заставили Тиберия быть крайне бдительным и осторожным, несмотря на то что он находился во главе всех военных сил империи. Паннония в конце концов подчинилась военной силе и учреждениям Рима. Но ее недавнее покорение, соседство и даже примесь непобеденных племен и, может быть, климат – все это содействовало тому, что ее жители сохранили некоторые остатки своей прежней свирепости и под смиренной личиной римских подданных нередко обнаруживали отвагу своих предков. Их воинственная молодежь была неистощимым запасом рекрутов для тех легионов, которые были расположены по берегам Дуная и которые вследствие беспрестанных войн с германцами и сарматами приобрели репутацию самых лучших войск империи.

Септимий Север. Паннонийская армия находилась в ту пору под командованием африканского уроженца Септимия Севера, который, мало-помалу возвышаясь по службе, умел скрывать свое отважное честолюбие, никогда не отвлекаясь от своей постоянной цели ни приманкой удовольствий, ни страхом опасностей, ни чувствами человеколюбия. При первом известии об умерщвлении Пертинакса он собрал свои войска, описал им самыми яркими красками преступления, дерзость и слабость преторианской гвардии и воодушевил легионы воззванием к восстанию и к отмщению. Он окончил свою речь тем, что обещал каждому солдату около четырехсот фунтов стерлингов, то есть вдвое больше той гнусной подачки, за которую Юлиан купил империю.

Паннонийские легионы провозглашают его императором 13 апреля 193 года. Армия тотчас приветствовала Севера именами августа, Пертинакса и императора, и он таким образом наконец достиг того высокого положения, на которое его призывало сознание своих достоинств, а также длинный ряд снов и предсказаний, бывших продуктом или его суеверий, или его политики.

Он идет на Италию... Новый кандидат на императорский престол понимал выгоды своего положения и умел ими пользоваться. Управляемая им страна простиралась до Юлийских Альп, через которые было нетрудно проникнуть в Италию. Действуя со скоростью, соответствовавшей важности предприятия, он мог основательно надеяться, что он успеет отомстить за смерть Пертинакса, наказать Юлиана и сделаться с согласия сената и народа законным императором прежде, нежели его соперники, отделенные от Италии огромными водными и сухопутными пространствами, узнают о его успехах или даже только о его избрании. Во время всего похода он позволял себе останавливаться лишь на самое короткое время для сна и для утоления голода; он шел во главе своих колонн пешком и в полном вооружении, старался внушать войскам доверие и привязанность, поощрял их усердие, внушал им бодрость, поддерживал их надежды и охотно разделял с простыми солдатами все лишения, помня, как велика ожидаемая им за то награда.

...доходит до Рима. Несчастный Юлиан ожидал, что ему придется оспаривать верховную власть у легата Сирии, и считал себя достаточно к этому подготовленным, но в непреодолимом и быстром приближении паннонийской армии он видел свою неизбежную гибель. Он получил одно за другим известия, что Север перешел через Альпы, что итальянские города, не желавшие или не бывшие в состоянии остановить его наступательное движение, встречали его с самыми горячими изъявлениями радости и преданности, что важный город Равенна сдался ему без сопротивления и что адриатический флот был в руках победителя. Неприятель уже находился в двухстах пятидесяти милях от Рима, и с каждой минутой суживалась сфера деятельности и власти Юлиана.

Бедственное положение Юлиана. Он стал искать опоры в продажной преданности преторианцев, наполнил город бесплодными военными приготовлениями, воздвиг укрепления вокруг предместий и даже укрепил дворец, как будто была какая-нибудь возможность защитить этот последний оплот против победоносного врага, когда не было никакой надежды на помощь извне. Страх и стыд не позволили гвардейцам покинуть его знамена, но они трепетали при одном имени паннонийских легионов, находившихся под командованием опытного легата и привыкших одерживать победы над варварскими обитателями холодных берегов Дуная. Они со вздохом отказались от приятного препровождения времени в банях и в театрах, для того чтобы взяться за оружие, владеть которым они почти совсем отучились и тяжесть которого казалась им обременительной. Они надеялись, что вид слонов наведет ужас на северную армию, но эти дурно выученные животные сбрасывали на землю своих седоков, а неуклюжие военные маневры моряков, вызванных из Мизена, служили для черни предметом насмешек; между тем сенаторы смотрели с тайным удовольствием на затруднительное положение и бессилие узурпатора.

Его нерешительный образ действий. Во всех своих действиях Юлиан обнаруживал страх и нерешительность. Он то настоятельно требовал, чтобы сенат признал Севера общественным врагом, то выражал желание разделить с командиром паннонийской армии императорскую власть⁹⁵. Он то отправлял к своему сопернику официальных послов консульского звания для ведения переговоров, то подсылал к нему тайных убийц. Он приказал, чтобы весталки и жрецы вышли в своих облачениях и в торжественной процессии навстречу паннонийским легионам, неся священные символы римской религии, но в то же самое время он старался узнать волю богов и умилостивить их путем магических церемоний и постыдных жертвоприношений.

Он покинут преторианцами... Север, не боявшийся ни его военных приготовлений, ни волшебных чар, старался ограждать себя только от одной опасности – от тайного заговора

---

⁹⁵ Эти действия не будут казаться противоречащими одно другому, если мы примем в соображение то, что он держался одной системы, когда надеялся удержать власть, и противоположной системы, когда утрачивал всякую надежду. (В.)

и с этой целью окружил себя отрядом из шестисот избранных людей, которые никогда не покидали его и не снимали своих лат ни днем ни ночью в течение всего похода. Постоянно продвигаясь быстрым шагом вперед, он перешел без затруднений ущелья Апеннин, склонив на свою сторону войска и послов, которые были отправлены к нему навстречу с целью задержать его движение, и остановился на короткое время в Интерамне⁹⁶, почти в семидесяти милях от Рима. Его торжество уже было несомненно, но оно могло бы стоить много крови, если бы преторианцы стали от отчаяния сопротивляться, а Север был одушевлен похвальным честолюбием вступить на престол, не обнажая меча. Его агенты, рассыпавшись по столице, уверяли гвардейцев, что, если только они предоставят на волю победителя судьбу своего недостойного государя и судьбу убийц Пертинакса, Север не будет возлагать на всю гвардию ответственность за это печальное событие⁹⁷. Вероломные преторианцы, сопротивление которых не имело иного основания, кроме злобного упорства, с радостью согласились на столь легкие для них условия, захватили почти всех убийц и объявили сенату, что они более не намерены служить Юлиану.

...осужден и казнен по приказанию сената 2 июня 193 года. Собравшись по приглашению консула на заседание, это собрание единогласно признало Севера законным императором, декретировало божеские почести Пертинаксу и произнесло над его несчастным преемником приговор, присуждавший его к низвержению с престола и к смертной казни. Юлиан был отведен в одну из дворцовых бань и обезглавлен как самый обыкновенный преступник. Таков был конец человека, купившего ценой огромных сокровищ шаткий и окруженный опасностями престол, на котором он продержался только шестьдесят шесть дней. А почти невероятный поход Севера, совершившего во главе многочисленной армии в столь короткое время переход от берегов Дуная до берегов Тибра, свидетельствует и об изобилии продуктов земледелия и торговли, и о хорошем состоянии дорог, и о дисциплине легионов, и, наконец, о бесстрастной покорности провинций.

Наказание преторианской гвардии. Север прежде всего позаботился об отмщении за смерть Пертинакса, а затем о воздании надлежащих почестей праху покойного императора; первую из этих мер ему внушила политика, вторую – чувство приличия. Перед своим вступлением в Рим он приказал преторианцам ожидать его прибытия на большой равнине близ города и при этом быть безоружными, но в парадных мундирах, в которых они обыкновенно сопровождали своего государя. Эти кичливые войска исполнили его приказание не столько из раскаяния, сколько вследствие овладевшего ими страха. Избранный отряд иллирийской армии окружил их со всех сторон с направленными против них копьями. Не будучи в состоянии ни спастись бегством, ни сопротивляться, они ожидали своей участи с безмолвной покорностью. Север взошел на свой трибунал, сделал им строгий выговор за их вероломство и подлость, с позором отставил их от службы, отнял у них роскошные украшения и сослал их, под страхом смертной казни, на расстояние ста миль от столицы. Во время этой экзекуции другой отряд войск был послан с приказанием отобрать их оружие, занять их лагерь и предупредить всякую отчаянную попытку с их стороны.

Похороны и апофеоз Пертинакса. Затем совершено было погребение и обоготворение Пертинакса со всем великолепием, какое возможно при столь печальной церемонии. С удовольствием, смешанным с грустью, отдал сенат этот последний долг превосходному государю, которого он любил и о потере которого еще сожалел. Печаль Севера была, по всей вероятности, менее искренна. Он уважал Пертинакса за его добродетели, но эти добродетели всегда служили бы преградой для его честолюбия и заграждали бы ему путь к престолу. Он произнес надгробное слово с выработанным красноречием, с чувством самодовольства и с притворным чувством скорби; этим почтительным преклонением перед добродетелями Пертинакса он

---

⁹⁶ *Интерамна* – город в Умбрии, современный Терни. (Ред.)

⁹⁷ С этой же целью он распространял прокламации. (В.)

внушил легковерной толпе убеждение, что *он один* достоин занять место покойного. Впрочем, хорошо понимая, что не пустыми церемониями, а только оружием можно поддержать свои притязания на верховную власть, он по прошествии тридцати дней покинул Рим и, не обольщаясь своим легким успехом, стал готовиться к борьбе с более опасными противниками.

Успешные военные действия Севера против Нигера и против Альбина. 193–197 годы. Менее чем в четыре года⁹⁸ Север подчинил себе и богатый Восток, и воинственный Запад. Он осилил двух славившихся своими дарованиями соперников и разбил многочисленные армии, так же хорошо вооруженные и так же хорошо дисциплинированные, как его собственная. В то время искусство фортификации и правила тактики были хорошо знакомы всем римским военачальникам, а потому постоянное превосходство Севера было превосходством артиста, пользовавшегося теми же орудиями, что и его соперники, но с большим искусством и с большей предприимчивостью.

Ведение двух междоусобных войн. Коварство Севера... Хотя вероломство и неискренность кажутся несовместимыми с достоинством государственного управления, однако в этой сфере они возмущают нас менее, нежели в частной жизни. В этой последней они свидетельствуют о недостатке мужества, а в государственных делах они служат лишь признаком бессилия; но так как даже самый даровитый государственный человек не имеет достаточной личной силы, чтобы держать в повиновении миллионы подчиненных ему существ и миллионы врагов, то ему, как будто с общего согласия, разрешается употреблять в дело лукавство и притворство под общим названием политики. Тем не менее хитрости Севера не могут быть оправданы даже самыми широкими привилегиями, обыкновенно предоставляемыми ведению государственных дел. Он давал обещания только для того, чтобы обманывать, он льстил только для того, чтобы погубить, и, хотя ему случалось связывать себя клятвами и договорами, его совесть, повиновавшаяся велениям его интересов, всегда освобождала его от бремени стеснительных обязательств.

...по отношению к Нигеру. Если бы два его соперника осознали общую для них обоих опасность и немедленно двинули против него все свои силы, Север, может быть, не устоял бы против их соединенных усилий. Если бы даже каждый из них напал на него по своим особым соображениям и только со своими собственными силами, но в одно и то же время, борьба могла бы быть продолжительной и исход ее был бы сомнителен. Но они поодиночке и один вслед за другим сделались легкой добычей как коварств, так и военных дарований хитрого врага, который усыпил их кажущейся умеренностью своих желаний и подавил быстротой своих движений. Сначала он двинулся против Нигера, который по своей репутации и по своему могуществу внушал ему всего более опасений, но он воздержался от всяких проявлений своей вражды, ни разу не произнес имени своего соперника и только заявил сенату и народу о своем намерении восстановить порядок в восточных провинциях. В частных разговорах он отзывался о своем старом приятеле и вероятном преемнике Нигере с самым сердечным уважением и чрезвычайно одобрял его за великодушное намерение отомстить за убийство Пертинакса. Сыновья Нигера попали в его руки вместе с детьми других наместников провинций, задержанными в Риме в качестве заложников за верность их родителей⁹⁹. Пока могущество Нигера внушало страх или только уважение, они воспитывались с самой нежной заботливостью вместе с детьми самого Севера, но они очень скоро были вовлечены в гибель их отца; сначала изгнание, а потом смерть удалили их от взоров сострадательной публики.

...по отношению к Альбину. Север имел основание опасаться, что, в то время как он будет занят войной на Востоке, легат Британии переправится через пролив, перейдет через

---

⁹⁸ Считаю со дня его избрания, состоявшегося 13 апреля 193 г., и до смерти Альбина, последовавшей 19 февраля 197 г. (Г.)

⁹⁹ Это обыкновение, введенное Коммодом, оказалось очень полезным для Севера. Он нашел в Риме детей многих главных приверженцев своих соперников и не раз пользовался ими для того, чтобы застрашать, или для того, чтобы склонить на свою сторону их родителей. (Г.)

Альпы, займет вакантный императорский престол и воспротивится его возвращению, опираясь на авторитет сената и на военные силы Запада. Двусмысленный образ действий Альбина, выразившийся в непринятии императорского титула, открывал полный простор для ведения переговоров. Забыв и свои патриотические заявления, и свое стремление к верховной власти, этот легат принял зависимое положение от цезаря как награду за свой пагубный нейтралитет. Пока борьба с Нигером не была доведена до конца, Север всячески выражал свое уважение и внимание к человеку, гибель которого была решена в его уме. Даже в письме, в котором он извещает Альбина о победе над Нигером, он называет Альбина своим братом по душе и товарищем по управлению, передает ему дружеские приветствия от своей жены Юлии и от своих детей и просит его поддерживать в войсках и в республике преданность их общим интересам. Лицам, отправленным с этим письмом, было приказано приблизиться к цезарю с уважением, испросить у него частную аудиенцию и воткнуть их мечи в его сердце. Заговор был открыт, и слишком доверчивый Альбин наконец переправился на континент и стал готовиться к неравной борьбе с противником, устремившимся на него во главе испытанной и победоносной армии.

Развязка междоусобных войн, оконченных несколькими сражениями. Трудности, с которыми пришлось бороться Северу, по-видимому, были незначительны в сравнении с важностью его военных успехов. Только два сражения – одно близ Геллеспонта, а другое в узких ущельях Киликии – решили судьбу его сирийского соперника, причем европейские войска выказали свое обычное превосходство над изнеженными уроженцами Азии¹⁰⁰. Битва при Лионе, в которой участвовали сто пятьдесят тысяч римлян, была одинаково губельна для Альбина. Мужество британской армии долго и упорно боролось со стойкой дисциплиной иллирийских легионов. Были такие минуты, когда казалось, что Север безвозвратно загубил и свою репутацию, и самого себя, но этот воинственный государь сумел ободрить свои упавшие духом войска и снова двинул их вперед к решительной победе. Этим достопамятным днем война была кончена.

Междоусобные войны, раздиравшие Европу в более близкие к нам времена, отличались не только свирепостью вражды между борющимися сторонами, но и упорной настойчивостью. Они обыкновенно велись из-за какого-нибудь принципа или по меньшей мере возникали из-за какого-нибудь предлога, основанного на религии, на привязанности к свободе или на чувстве долга. Вожаками их были люди из высшего сословия, обладавшие независимым состоянием и наследственным влиянием. Солдаты сражались как люди, заинтересованные исходом борьбы, а так как воинственное настроение и свойственное политическим партиям рвение одушевляли всех членов общества, то побежденный вождь был немедленно заменяем кем-нибудь из своих приверженцев, готовым пролить свою кровь за то же самое дело. Но римляне сражались после падения республики только из-за выбора своего повелителя. Под знамена какого-нибудь популярного кандидата на императорский престол иные, и очень немногие, стекались из личной преданности, иные из страха, иные из личных расчетов, но никто из-за принципа. Легионы вовлекались в междоусобицы не духом партий, а щедрыми подарками и еще более щедрыми обещаниями. Поражение, отнимавшее у вождя возможность исполнить свои обязательства, освобождало его последователей от продажной присяги в верности и заставляло их заблаговременно покидать погибающее дело ради своей личной безопасности. Для провинций было безразлично, от чьего имени их угнетали или ими управляли; они повиновались импульсу, исходившему от господствовавшей в данную минуту власти, и лишь только эта власть должна была преклониться перед превосходством чьих-либо сил, они спешили вымолить прощение у победителя, который был вынужден для уплаты своего громадного долга приносить самые виновные провинции в жертву алчности своих солдат. На обширном пространстве Римской импе-

¹⁰⁰ Было три сражения – одно близ Кизика, неподалеку от Геллеспонта, другое подле Никеи, в Вифинии, третье подле Исса, в Киликии, где Александр одержал победу над Дарием. (В.)

рии было очень мало укрепленных городов, способных служить оплотом для разбитой армии, и вовсе не было ни таких личностей, ни таких семейств, ни таких корпораций, которые были бы способны без поддержки со стороны правительства поправить дела ослабевшей партии.

Осада Византия. Впрочем, во время борьбы между Нигером и Севером один город представлял почтенное исключение из общего правила. Так как через Византий шел один из главных путей, соединявших Европу с Азией, то этот город был снабжен сильным гарнизоном, а в его гавани стоял на якоре флот из пятисот судов¹⁰¹. Но стремительность Севера разрушила этот хорошо задуманный план обороны; он предоставил своим генералам осаду Византия, завладел плохо оберегаемым переходом через Геллеспонт и, горя нетерпением помериться с менее недоступным врагом, устремился навстречу своему сопернику. Византий, атакованный многочисленной и постоянно увеличивавшейся армией, а впоследствии и всеми морскими силами империи, выдержал трехлетнюю осаду и остался верным имени и памяти Нигера. И граждане, и солдаты (нам неизвестно, по какой причине) сражались с одинаковым ожесточением; некоторые из главных военачальников Нигера, не надеявшиеся на милосердие победителя или не желавшие унижать себя просьбой о помиловании, укрылись в этом последнем убежище, укрепления которого считались неприступными и для обороны которого один знаменитый инженер воспользовался всеми усовершенствованиями по части механики, какие были известны древним¹⁰². В конце концов Византий был взят голодом. Должностные лица и солдаты были лишены жизни, стены были разрушены, привилегии были отменены, и будущая столица Востока превратилась в открытую со всех сторон деревню, поставленную в унижительную зависимость от Перинфа¹⁰³.

Историк Дион, восхищавшийся цветущим положением Византия и оплакивавший его разрушение, обвинял Севера в том, что он отнял у римского народа самый сильный оплот против варваров Понта и Азии. Основательность этого замечания вполне оправдалась в следующем столетии, когда готский флот переплыл Эвксинский Понт и проник через незащищенный Боспор в самый центр Средиземного моря.

Смерть Нигера и Альбина. Нигер и Альбин были захвачены во время бегства с поля битвы и преданы смерти. Их участь не возбудила ни удивления, ни сострадания. Они рисковали своей жизнью в надежде достигнуть верховной власти и поплатились тем же, чем заставили бы поплатиться своего соперника, а Север не имел никаких притязаний на то высокомерное душевное величие, которое позволяет побежденному противнику доживать свой век частным человеком.

Ужасные последствия междоусобных войн. Но его мстительность, подстрекаемая алчностью, вовлекла его в такие жестокости, которые не оправдывались никакими опасениями. Зажиточные жители провинций, не питавшие никакого личного нерасположения к счастливому кандидату на престол и лишь исполнявшие приказания поставленного над ними наместника, были наказаны или смертью, или ссылкой и непременно конфискацией их имений. Многие из азиатских городов были лишены своих старинных привилегий и должны были внести в казну Севера вчетверо больше, чем они платили на нужды Нигера.

Неприязнь Севера к сенату. Пока война не была доведена до решительной развязки, жестокосердие Севера сдерживалось в некоторой мере и неуверенностью в будущем, и его притворным уважением к сенату. Голова Альбина, присланная вместе с угрожающим письмом, дала знать римлянам, что он решил не щадить ни одного из приверженцев своих несчаст-

¹⁰¹ Следует полагать, что это были большей частью небольшие суда; впрочем, между ними были и галеры в два и в три ряда весел. (Г.)

¹⁰² Имя этого инженера – Приск. Его искусство спасло ему жизнь, и он поступил на службу к победителю. (Г.)

¹⁰³ *Перинф*, на берегу Пропонтиды, впоследствии носил название Гераклеи. Он был разрушен, но в новейшем названии возникшего на его развалинах Эрекли сохранилось воспоминание о Гераклее. Со своей стороны, и Византий, превратившись в Константинополь, сделался причиной упадка Гераклеи. (Гизо)

ных соперников. Он был раздражен не лишними основаниями подозрениями, что он никогда не пользовался искренней преданностью сената, и, обнаруживая свое нерасположение к этому собранию, ссылаясь на только что открытую изменническую переписку. Впрочем, он по собственному побуждению помиловал тридцать пять сенаторов, обвиненных в том, что они поддерживали партию Альбина, и своим последующим образом действий старался внушить им убеждение, что он не только простил, но и позабыл их предполагаемую вину. Но в то же самое время им был осужден на смертную казнь сорок один сенатор, имена которых сохранила история; и самых благородных жителей Испании и Галлии постигла такая же участь. Такая суровая справедливость, как называл ее сам Север, была, по его мнению, единственным средством для обеспечения общественного спокойствия и безопасности государя, и он снисходил до того, что слегка скорбел о положении монарха, который, чтобы быть человеколюбивым, вынужден сначала быть жестокосердным.

Мудрость и справедливость его управления. Север смотрел на Римскую империю как на свою собственность и, лишь только упрочил обладание ею, тотчас занялся разработкой и улучшением столь драгоценного приобретения. Полезные законы, исполнявшиеся с непоколебимой твердостью, скоро исправили большую часть злоупотреблений, заразивших после смерти Марка Аврелия все отрасли управления. В отправлении правосудия решения императора отличались вниманием, разборчивостью и беспристрастием; если же ему случалось уклониться от строгих правил справедливости, он делал это обыкновенно в интересах бедных и угнетенных, не столько из чувства человеколюбия, сколько из свойственной деспотам склонности унижать гордость знати и низводить всех подданных до общего им всем уровня абсолютной зависимости. Его дорогие постройки и траты на великолепные зрелища, а главным образом беспрестанные и щедрые раздачи хлеба и провизии служили для него самым верным средством для приобретения привязанности римского народа.

Общее спокойствие и благоденствие. Бедствия, причиненные внутренними раздорами, были забыты; провинции снова стали наслаждаться спокойствием и благоденствием, и многие города, обязанные своим возрождением щедротам Севера, приняли название его колоний и свидетельствовали публичными памятниками о своей признательности и о своем благосостоянии. Слава римского оружия была восстановлена этим воинственным и счастливым во всех предприятиях императором, и он имел полное основание похвастаться тем, что, когда он принял империю, она страдала под гнетом внешних и внутренних войн, но что он прочно установил в ней всеобщий, глубокий и согласный с ее достоинством мир.

Ослабление военной дисциплины. Из чувства ли признательности, или из ошибочных политических соображений, или вследствие кажущейся необходимости Север ослабил узы дисциплины. Он потворствовал тщеславию своих солдат, позволяя им носить в знак отличия золотые кольца, и заботился об их удобствах, позволяя им жить в лагере в праздности вместе с женами. Он увеличил их жалованье до небывалых размеров и приучил их ожидать, а вскоре вслед за тем и требовать подарков всякий раз, как государству угрожала какая-нибудь опасность или совершалось какое-нибудь публичное празднество. Возгордившись своими отличиями, изнежившись от роскоши и возвысившись над общим уровнем подданных благодаря своим опасным привилегиям, они скоро сделались неспособными выносить трудности военной службы, обратились в бремя для страны и перестали подчиняться справедливым требованиям субординации. Их военачальники заявляли о превосходстве своего звания еще более расточительной и изящной роскошью. До нас дошло письмо Севера, в котором он жалуется на распушенность армии и советует одному из своих легатов начать необходимые реформы с самих трибунов, потому что, как он основательно замечает, офицер, утративший уважение своих солдат, не может требовать от них повиновения¹⁰⁴. Если бы император продолжил нить

¹⁰⁴ В этом письме говорится об упадке дисциплины не во всей армии, а только в той ее части, которая находилась в Галлии.

этих размышлений, он пришел бы к тому заключению, что эту всеобщую испорченность нравов следует приписать если не примеру, то пагубной снисходительности верховного начальника.

Новая организация преторианской гвардии. Преторианцы, умертвившие своего императора и продавшие империю, понесли справедливое наказание за свою измену, но необходимое, хотя и опасное, учреждение гвардии было восстановлено Севером по новому образцу, а число гвардейцев было увеличено вчетверо против прежнего числа. Первоначально эти войска пополнялись италийскими уроженцами, а когда соседние провинции мало-помалу усвоили себе изнеженность столицы, их стали пополнять жителями Македонии, Норика и Испании. Взамен этих изящных войск, более способных придавать блеск двору, нежели годных для войны, Север решил, что во всех пограничных легионах будут выбирать солдат, отличающихся силой, мужеством и верностью, и будут переводить их в знак отличия и награды на более выгодную службу в гвардии. Вследствие этого нововведения италийская молодежь стала отвыкать от военных занятий, и множество варваров стало наводить ужас на столицу и своим внешним видом, и своими нравами. Но Север льстил себя надеждой, что легионы будут смотреть на этих отборных преторианцев как на представителей всего военного сословия и что, всегда имея наготове пятьдесят тысяч человек, более опытных в военном деле и более щедро оплачиваемых, нежели какие-либо другие войска, он навсегда оградит себя от восстаний и обеспечит престол за собой и за своим потомством.

Должность преторианского префекта. Командование этими привилегированными и страшными войсками скоро обратилось в самый высший пост в империи. Так как система управления извратилась в военный деспотизм, то преторианский префект, вначале бывший не более как простым командиром гвардии, был поставлен не только во главе армии, но и во главе финансов и даже юстиции. В каждом отделе администрации он являлся представителем императора и пользовался его властью. Любимый приближенный Севера Плавтиан был первый префект, облеченный и злоупотреблявший этой громадной властью. Его владычество продолжалось около десяти лет, пока брак его дочери со старшим сыном императора, по видимому долженствовавший упрочить его положение, не сделался причиной его гибели¹⁰⁵. После казни Плавтиана многосторонние обязанности преторианского префекта были возложены на знаменитого правоведа Папиниана.

Сенат угнетен военным деспотизмом. До Севера все добродетельные и даже просто здравомыслящие императоры отличались если не искренней преданностью, то наружным уважением к сенату и относились с почтительной деликатностью к нежной ткани политических учреждений, введенных Августом. Но Север провел свою молодость в лагерях, где привык к безусловному повиновению, а в более зрелом возрасте в качестве военачальника освоился лишь с деспотизмом военной власти. Его надменный и непреклонный ум не мог понять или не хотел сознаться, что для него было бы выгодно поддержать такую власть, которая могла бы быть посредницей между императором и армией, хотя бы она и была только воображаемая. Он не хотел унижаться до того, чтобы выдавать себя за покорного слугу такого собрания, которое ненавидело его и трепетало при малейшем выражении его неудовольствия; он отдавал приказания, когда простая просьба с его стороны имела бы точно такую же силу; он держал себя и выражался как властелин и победитель и открыто пользовался всеми правами как законодательной, так и исполнительной верховной власти.

Как деспот, полагавшийся только на своих солдат, он, без сомнения, смотрел на многое сквозь пальцы и нередко раздавал солдатам подарки, но он всегда старался держать их в известных границах. После его смерти они сбросили с себя всякие стеснения. (В.)

¹⁰⁵ Брак Плотиллы с Каракаллой был несчастлив, и неохотно согласившийся на него молодой наследник грозил, что, когда вступит на престол, погубит и отца, и дочь. После этого возникли опасения, что Плавтиан может употребить еще оставшуюся в его руках долю власти во вред императорскому семейству, и он был лишен жизни в присутствии Севера вследствие обвинения в заговоре. (В.)

Новые принципы императорской власти. Победа над сенатом была нетрудна и не доставляла никакой славы. Все внимание было устремлено на верховного сановника, который располагал военными силами государства и его казной и от которого зависели интересы каждого, тогда как сенат, не находивший для себя опоры ни в народном избрании, ни в военной охране, ни в общественном мнении, пользовался лишь тенью власти, основанной на непрочном и расшатанном фундаменте старых привычек. Прекрасная теория республиканского правления постепенно улечивалась, уступая место более естественным и более насущным влечениям, находящим для себя удовлетворение при монархической форме правления. Так как свобода и права римских граждан сделались мало-помалу достоянием жителей провинций, или вовсе незнакомых со старой системой управления, или вспоминаявших о ней с отвращением, то республиканские традиции постепенно предавались забвению. В царствование Севера сенат наполнился образованными и красноречивыми уроженцами восточных провинций, объяснявшими свою льстивую покорность теоретическими принципами рабства. Когда эти новые защитники императорских прерогатив проповедовали обязанность пассивного повиновения и объясняли неизбежность пагубных последствий свободы, при дворе их слушали с удовольствием, а среди народа с терпением. Юристы и историки также поучали, что верховная власть не была вверена сенатом на время, а была безвозвратно передана императору, что император не обязан стесняться законами, что жизнь и имущество его подданных находятся в его безотчетной власти и что он может располагать империей как своей частной собственностью. Самые знаменитые юристы, и в особенности Папиниан, Павл и Ульпиан, процветали при императорах из рода Севера, а римская юриспруденция, вступившая в тесную связь с монархической системой, как полагают, достигла в этот период времени своего полного развития и совершенства.

Современники Севера, наслаждавшиеся спокойствием и славой его царствования, простили ему те жестокости, путем которых он доставил им эти блага. Но потомство, познакомившееся на опыте с пагубными последствиями его принципов и указанного им примера, основательно считало его главным виновником упадка Римской империи¹⁰⁶.

---

¹⁰⁶ Та система управления, которую ввел Север, не имела бы пагубных последствий, если бы его непосредственные преемники были похожи на него. К несчастью, это были самые неспособные и самые недостойные представители человеческого рода. (В.) Инсубординация преторианской гвардии, пороки и тирания императоров, роскошь и изнеженность царедворцев, обеднение народа вследствие хищений со стороны войска и вымогательства со стороны императоров были лишь симптомами, а не причинами зла. Вся система управления была проникнута бессилием и дряхлостью, отнимавшими у населения способность к сопротивлению и всякую надежду на скорое выздоровление. (Изд.)

Глава VI

Смерть Севера. – Тирания Каракаллы. – Узурпация Макрина. – Безрассудства Элиогабала. – Добродетели Александра Севера. – Своеволие армии. – Положение римских финансов

Величие и недовольство Севера. Как бы ни был крут и опасен путь, который ведет к верховной власти, он имеет для деятельного ума ту привлекательность, что доставляет ему случай осознавать и упражнять свои собственные силы; но обладание престолом не может надолго удовлетворить честолюбца. Север ясно сознавал эту грустную истину. Счастье и личные достоинства вознесли его из скромного положения на самое высокое место среди человеческого рода. По его собственному выражению, он был все, но ничему не придавал большой цены. Среди постоянных забот не о приобретении, а о сохранении империи он страдал под гнетом старости и недугов, сделался равнодушным к славе и пресытился властью, а при таких условиях жизнь ничего не обещала ему в будущем. Желание упрочить величие своего семейства сделалось единственной мечтой его честолюбия и отцовской привязанности.

Его супруга императрица Юлия. Подобно большинству африканских уроженцев, Север со страстью предавался бесполезному изучению магии и ворожбы, был очень сведущ по части объяснения снов и предзнаменований и хорошо знал судебную астрологию. Он лишился своей первой жены в то время, когда был правителем Лионской Галлии¹⁰⁷. При выборе второй жены он руководствовался желанием породниться с какой-нибудь любимицей фортуны и лишь только узнал, что одна молодая женщина из Эмезы¹⁰⁸, в Сирии, родилась при таких предзнаменованиях, которые предвещали ей царский престол, он тотчас предложил ей свою руку. Юлия Домна (так называлась эта дама) была достойна всего, что ей предсказывали звезды. Она даже в зрелом возрасте отличалась привлекательной красотой и соединяла с пылкостью фантазии твердость духа и проницательность ума, редко составляющие удел ее пола. Ее привлекательные свойства никогда не производили глубокого впечатления на мрачный и недобрый характер ее мужа, но во время царствования ее сына она руководила самыми важными делами империи с таким благоразумием, которое укрепило авторитет молодого императора, и с такой сдержанностью, которая иногда заглаживала его необузданные выходки. Юлия сама занималась с некоторым успехом литературой и философией и составила себе блестящую репутацию. Она была покровительницей всех искусств и другом всех гениальных людей. Признательная лесть ученых превозносила ее добродетели, но, если верить злословию древних историков, целомудрие вовсе не принадлежало к числу самых выдающихся добродетелей императрицы Юлии.

Два сына – Каракалла¹⁰⁹ и Гета – были плодом этого брака и должны были наследовать престол. Но сладкие надежды Севера и всего римского мира были скоро уничтожены этими тщеславными юношами, проводившими время в праздной беспечности, столь свойственной

---

¹⁰⁷ Это случилось в 186 г. (Г.)

¹⁰⁸ Эмеза, или Эмеса, после завоевания арабами в VII в. получила название Хомс, сохранившееся до настоящего времени. (Ред.)

¹⁰⁹ Сначала он получил имя Бассиана в честь деда с материнской стороны. Во время своего царствования он принял имя Антонина, под которым его обозначали юристы и древние историки. После его смерти его подданные из чувства негодования прозвали его Тарантом и Каракаллой. Первое из этих прозвищ было заимствовано от одного знаменитого гладиатора, второе происходило от длинных галльских одеяний, которые он раздавал народу в Риме. (Г.)

наследникам престола, и воображавшими, что фортуна может заменить личные достоинства и трудолюбие.

Взаимное отвращение сыновей друг к другу. Хотя ни у одного из них не было ни таких добродетелей, ни таких талантов, которые могли бы возбуждать соревнование, они почувствовали с самого детства непреодолимое отвращение друг к другу. Это отвращение усиливалось с годами и поддерживалось интригами фаворитов, подстрекаемых своими личными расчетами; оно выражалось сначала в детских ссорах, потом мало-помалу стало вызывать более серьезные столкновения и, наконец, разделило театр, цирк и двор на два лагеря, воодушевлявшиеся надеждами и опасениями своих руководителей. Предусмотрительный император употреблял всевозможные меры, чтобы уничтожить эту постоянно усиливавшуюся вражду, и прибегал то к увещаниям, то к приказаниям. Пагубные раздоры его сыновей омрачили все его блестящие надежды на будущее и грозили ниспровержением престола, воздвигнутого с таким трудом, упроченного столь обильным пролитием крови и охранявшегося всеми способами, какие только возможны для начальника огромной армии и обладателя громадных сокровищ.

Три императора. Стараясь поддерживать между ними равновесие, он раздавал им свои милости с беспристрастным равенством и дал каждому из них звание августа вместе со священным именем Антонина; таким образом, Рим в первый раз имел трех императоров. Но даже это равномерное распределение милостей повело лишь к усилению вражды, так как надменный Каракалла заявлял о своих правах первородства, а более кроткий Гета старался приобрести расположение народа и армии. Обманутый в своих ожиданиях Север со скорбью в сердце предсказал, что более слабый из его сыновей падет под ударами более сильного, который, в свою очередь, погибнет от своих пороков.

Каледонская война. 208 год. При таком печальном положении дел Север с удовольствием узнал о новой войне в Британии и о вторжении в эту провинцию живших на севере от нее варваров. Хотя бдительности его военачальников, вероятно, было бы достаточно для того, чтобы отразить врага, он решился воспользоваться этим уважительным предлогом, чтобы отвлечь своих сыновей от роскошной жизни в Риме, расслаблявшей их ум и возбуждавшей их страсти, и чтобы приучить их с молодости к тяжелым военным и административным трудам. Несмотря на свои преклонные лета (ему было тогда почти шестьдесят лет) и на подагру, заставлявшую его пользоваться носилками, он сам отправился на этот отдаленный остров в сопровождении двух своих сыновей, всего двора и многочисленной армии. Он немедленно перешел стену Адриана и Антонина и вступил в неприятельскую страну с намерением довершить много раз не удававшееся завоевание Британии. Он достиг северной оконечности острова, нигде не встретив неприятеля. Но засады каледонцев, неожиданно нападавших на арьергард и фланги его армии, суровость климата и трудности переходов в зимнее время через горы и болота Шотландии, как уверяют, стоили римлянам более пятидесяти тысяч человек. Каледонцы не могли долее устоять против такого сильного и упорного нападения, стали просить мира, отдали часть своего оружия и уступили значительную часть своей территории. Но их притворная покорность прекратилась, лишь только исчез страх, который внушало им присутствие неприятеля. Немедленно вслед за отступлением римских легионов они свергли с себя иго зависимости и возобновили военные действия. Их неукротимое мужество побудило Севера послать в Каледонию новую армию с бесчеловечным приказанием не покорять туземцев, а истреблять их. Их спасла только смерть их заносчивого противника.

Честолюбие Каракаллы. Расстроенное здоровье и последняя болезнь Севера воспламенили в душе Каракаллы его необузданное честолюбие и дикие страсти. Горю нетерпением царствовать и будучи недоволен тем, что ему придется разделить власть с братом, он несколько раз пытался сократить жизнь своего престарелого отца и старался, но без успеха, возбудить бунт в армии. Север не раз осуждал неблагоприятную снисходительность Марка Аврелия, который мог бы одним актом правосудия избавить римлян от тирании своего недостойного сына.

Находясь точно в таком же положении, он узнал на опыте, как суровость судьи легко заглушается отцовской привязанностью. Он собирался с силами, он угрожал, но казнить он был не в состоянии, и этот последний и единственный случай, когда он выказал свое милосердие, был более пагубен для империи, нежели длинный ряд его жестокостей. Его душевная тревога усилила его физические страдания; он с нетерпением желал смерти и ускорил ее этим нетерпением.

Смерть Севера 4 февраля 211 года и восшествие на престол двух его сыновей. Он умер в Йорке на шестьдесят пятом году своей жизни и на восемнадцатом году славного и счастливого царствования. В свои последние минуты он советовал сыновьям жить в согласии и поручил их армии. Его спасительный совет не дошел не только до сердца, но даже до ума запальчивых юношей, но более послушные войска, не забывшие своей клятвы в верности, исполнили волю своего умершего повелителя: они не поддались настояниям Каракаллы и провозгласили обоих братьев римскими императорами. Вновь назначенные монархи скоро оставили каледонцев в покое, возвратились в столицу и отдали божеские почести праху своего отца; и сенат, и народ, и провинции с радостью признали их законными государями. Старшему брату, как кажется, были предоставлены некоторые преимущества ранга, но оба они управляли империей с равной и самостоятельной властью.

Зависть и ненависть между двумя императорами. Такое разделение верховной власти могло бы сделаться источником раздоров даже между двумя братьями, связанными самой нежной взаимной привязанностью. Оно не могло долго продолжаться между двумя непримиримыми врагами, которые и не желали примирения, и, если бы оно состоялось, не могли бы верить в его искренность. Очевидно, что только один из них мог царствовать и что другой должен был погибнуть; каждый из них приписывал своему сопернику такие же замыслы, какие питал в собственной душе, и каждый из них с самой недоверчивой бдительностью охранял свою жизнь от яда или меча. Их быстрый переезд через Галлию и Италию, во время которого они никогда не были за одним столом и не спали в одном доме, познакомил провинции с отвратительным зрелищем братской вражды. После своего прибытия в Рим они немедленно разделили между собою обширный императорский дворец¹¹⁰. Все сообщения между их апартаментами были закрыты, двери и проходы были тщательно укреплены, и часовые сменялись с такой же аккуратностью, как в осажденном городе. Императоры встречались только на публичных церемониях и в присутствии огорченной матери, и при этом каждый из них был окружен многочисленной вооруженной свитой. Даже в этих случаях придворный этикет не мог скрыть от глаз присутствующих кипевшей в их сердцах злобы.

Бесплодные переговоры о разделе между ними империи. Так как эта тайная вражда отзывалась на всех делах государственного управления, то враждующим братьям предложили проект соглашения, по-видимому одинаково выгодный для обоих. Им посоветовали разобщить свои интересы и разделить между собой империю. Условия такого соглашения уже были установлены с некоторой точностью. Было решено, что Каракалла, в качестве старшего брата, удержит за собой обладание Европой и Западной Африкой и предоставит господство над Азией и Египтом Гете, который мог избрать для своей резиденции Александрию или Антиохию, мало уступавшие самому Риму по своему богатству и значению; многочисленные армии, постоянно расположенные лагерем по обеим сторонам Фракийского Боспора, охраняли бы границы двух враждующих монархий; сенаторы европейского происхождения признали бы своим государем римского императора, а те из них, которые были родом из Азии, последовали бы за восточным императором. Слезы императрицы Юлии прекратили переговоры, одна мысль о которых наполняла сердце каждого римлянина удивлением и негодова-

---

¹¹⁰ Если Гета жил на Яникуле среди тех садов, которые носили его имя, а Каракалла жил в садах Мецената на Эсквилинском холме, то братья-соперники были отделены друг от друга расстоянием в несколько миль. (Г.)

нием. Римляне имели полное основание опасаться, что междоусобная война скоро соединит разрозненные члены под властью одного повелителя и что, если бы такое разделение провинций сделалось постоянным, оно привело бы к распадению империи, единство которой до тех пор постоянно было неприкосновенным.

Умерщвление Геты 27 февраля 212 года. Если бы это соглашение было приведено в исполнение, повелитель Европы скоро сделался бы завоевателем Азии, но Каракалла достиг путем преступления более легкой победы. Он притворился, будто не может устоять против настоятельных просьб матери, и согласился на свидание в ее апартаментах с братом под видом готовности к примирению. В то время как они разговаривали друг с другом, несколько центурионов, спрятавшихся в комнате, устремились из своей засады с обнаженными мечами на несчастного Гету. Растерявшаяся мать обвила его своими руками, чтобы предохранить от опасности, но во время бесполезной борьбы была ранена в руку, обрызгана кровью своего младшего сына и видела, как ее старший сын словами и собственным примером возбуждал ярость убийц. Лишь только преступление было совершено, Каракалла устремился скорыми шагами и с ужасом на лице в лагерь преторианцев, как в свое единственное убежище, и пал ниц перед статуями богов-покровителей. Солдаты подняли его и стали утешать. Дрожащим от волнения и нередко прерывавшимся голосом он сообщил им о своем спасении от угрожавшей ему опасности, постарался уверить их, что ему удалось предупредить замыслы своего врага, и объявил им, что решил жить и умереть вместе со своими верными войсками. Гета был любимцем солдат, но сожаления с их стороны были бы бесполезны, а отмщение было бы опасно; к тому же они все еще не утратили уважения к сыну Севера. Их неудовольствие выразилось лишь в бессильном ропоте и затихло, а Каракалла скоро убедил их в справедливости своего дела, раздав им сокровища, накопленные в царствование его отца. Для поддержания своего могущества и для своей безопасности он нуждался только в расположении солдат. Коль скоро они приняли его сторону, сенат был вынужден выражать ему свою преданность. Это рабски покорное собрание всегда было готово подчиниться приговору фортуны, но так как Каракалла старался смягчить первые взрывы народного негодования, то он отнесся к памяти Геты с приличным уважением и приказал похоронить его с почестями, подобающими римскому императору. Потомство предало забвению пороки Геты из сострадания к его несчастной участи, и мы, со своей стороны, смотрим на этого молодого государя как на невинную жертву честолюбия его брата, охотно забывая, что он не совершил точно такого же отмщения и убийства не потому, что не хотел, а потому, что не мог.

Угрызения совести и жестокость Каракаллы. Преступление Каракаллы не осталось безнаказанным. Ни деловые занятия, ни развлечения, ни лень не были в состоянии заглушить в нем угрызений совести; он сам признавался, что в минуты душевных страданий его расстроенному воображению представлялось, будто его отец и брат гневно встают из гроба и осыпают его угрозами и упреками. Но душевные страдания Каракаллы навели его лишь на то, что он стал истреблять все, что могло напоминать ему о его преступлении или о его убитом брате. Возвратившись из сената во дворец, он застал свою мать в обществе нескольких знатных дам, оплакивавших преждевременную смерть ее младшего сына. Разгневанный император пригрозил им немедленной смертной казнью; эта угроза была приведена в исполнение над последней дочерью Марка Аврелия Фадиллой, и даже сама Юлия была вынуждена прекратить свой плач, удерживать свои вздохи и обращаться к убийце с радостной и одобрительной улыбкой. Полагают, что более двадцати тысяч человек обоего пола были казнены смертью под тем пустым предлогом, что они были в дружбе с Гетой. Ни телохранители Геты, ни его вольноотпущенные, ни министры, занимавшиеся с ним делами управления, ни товарищи, с которыми он проводил часы досуга, ни те, которые получили от него какую-нибудь должность в армии или в провинциях, ни даже многочисленные подчиненные этих последних не избежали смертного приговора, под который старались подвести всякого, кто имел какие-либо сношения с Гетой, кто

оплакивал его смерть или даже только произносил его имя. Гельвий Пертинакс, сын носившего это имя государя, был лишен жизни за неуместную остроту¹¹¹. Наконец все личные поводы для клеветы и подозрения истошились, и, когда какого-нибудь сенатора обвиняли в том, что он принадлежит к числу тайных врагов правительства, император считал достаточным доказательством его виновности тот факт, что он человек богатый и добродетельный. Установив такой принцип, он нашел ему самое кровавое применение.

Смерть Папиниана. 213 год. Казнь стольких невинных граждан втайне оплакивали их друзья и родственники, но смерть преторианского префекта Папиниана оплакивали все как общественное бедствие. В последние семь лет царствования Севера он занимал самые важные государственные должности и своим благотворным влиянием направлял императора на путь справедливости и умеренности. Вполне полагаясь на его добродетели и знания, Север на смертном одре умолял его печься о благоденствии и внутреннем согласии императорского семейства. Честные старания Папиниана исполнить волю покойного императора только разожгли в сердце Каракаллы ненависть, которую он уже прежде того питал к министру своего отца. После умерщвления Геты префект получил приказание употребить всю силу своего таланта и своего красноречия на сочинение тщательно обработанной аполгии зверского преступления. Философ Сенека, будучи поставлен в такое же положение, согласился написать послание к сенату от имени сына и убийцы Агриппины. Но Папиниан, ни минуты не колебавшийся в выборе между потерей жизни и потерей чести, отвечал Каракалле, что легче совершить смертоубийство, нежели оправдать его. Эта непреклонная добродетель, остававшаяся чистой и незапятнанной среди придворных интриг, деловых занятий и трудностей его профессии, придает имени Папиниана более блеска, нежели все его высокие должности, многочисленные сочинения и громкая известность, которою он пользовался в качестве юриста во все века римской юриспруденции.

Его тирания распространялась на всю империю. К счастью для римлян, до той поры все добродетельные императоры были деятельны, а порочные ленивы; в тяжелые времена это могло служить хоть каким-нибудь утешением. Август, Траян, Адриан и Марк Аврелий сами объезжали свои обширные владения, повсюду оставляя следы своей мудрости и благотворительности. Тирания Тиберия, Нерона и Домициана, почти никогда не покидавших Рима или окрестных вилл, обрушивалась только на сенат и на сословие всадников. Но Каракалла был врагом всего человеческого рода. Почти через год после умерщвления Геты он покинул столицу и никогда более не возвращался в нее. Остальное время своего царствования он провел в различных провинциях империи, преимущественно на Востоке, и каждая из этих провинций была поочередно свидетельницей его хищничества и жестокосердия. Сенаторы, из страха сопровождавшие его в этих причудливых переездах, издерживали громадные суммы денег, чтобы доставлять ему ежедневно новые удовольствия, которые он с пренебрежением предоставлял своим телохранителям, и воздвигали в каждом городе великолепные дворцы и театры, которые он или не удостоивал своим посещением, или приказывал немедленно разрушить. Самые зажиточные семьи были разорены денежными штрафами и конфискациями, а большинство его подданных было обременено замысловатыми и усиленными налогами. Среди общего спокойствия и по поводу самого ничтожного оскорбления он приказал умертвить всех жителей Александрии. Заняв безопасное место в храме Сераписа, он руководил избиением нескольких тысяч граждан и иностранцев, не обращая никакого внимания ни на число жертв, ни на то, в чем заключалась их вина, потому что, как он сам хладнокровно выражался в послании к сенату, *все жители Александрии одинаково виновны, как те, которые погибли, так и те, которые спаслись.*

¹¹¹ Каракалла стал носить этнонимы некоторых побежденных народов, а так как он одержал несколько побед над готами, или гетами, то Пертинакс заметил, что к названиям Парфянского, Алеманнского и пр. было бы уместно прибавить название Гетического. (Г.)

Ослабление дисциплины. Сохранять привязанность армии и не обращать никакого внимания на остальных подданных – таков был опасный и достойный тирана принцип, которого придерживался Каракалла. Щедрость его отца сдерживалась благоразумием, а его снисходительность к солдатам умерялась его твердостью и личным влиянием; беспечная расточительность сына была политическим расчетом в течение всего его царствования и неизбежно вела к гибели и армию, и империю. Энергия солдат, вместо того чтобы крепнуть от строгой лагерной дисциплины, улетучивалась среди роскоши городской жизни. Чрезмерное увеличение жалования и подарков истощало население для обогащения военного сословия, тогда как честность и бедность – главные условия для того, чтобы солдат держал себя скромно в мирное время и был годен для дела во время войны. Каракалла со всеми обходился надменно и гордо, но среди своих войск он забывал даже о свойственном ему положении достоинстве, поощрял их дерзкие фамильярности и, пренебрегая существенными обязанностями военачальника, старался подражать простым солдатам в одежде и в привычках.

Умерщвление Каракаллы 8 марта 217 года. Ни характер, ни поведение Каракаллы не могли внушить ни любви к нему, ни уважения, но, пока его пороки были выгодны для армии, он был огражден от опасностей мятежа. Тайный заговор, вызванный его собственной недоверчивостью, оказался гибельным для тирана. Преторианская префектура была разделена между двумя приближенными. Военный департамент был поручен Адвенту, скорее опытному, нежели способному военачальнику, а заведование гражданскими делами находилось в руках Опилия Макрина, который возвысился до такого важного поста своей опытностью в делах и своими достоинствами. Но доверие, которым он пользовался, менялось вместе с причудами императора, и его жизнь зависела от малейшего подозрения и от самых непредвиденных случайностей. Один африканец, очень хорошо умевший предсказывать будущее, стал распускать – из злобы или из фанатизма – опасный слух, что Макрину и его сыну суждено стоять во главе империи. Этот слух распространился по провинциям, и, когда предсказателя доставили в Рим закованным в цепи, он не переставал утверждать в присутствии городского префекта, что его предсказание сбудется. Этот сановник, получивший самое настоятельное приказание собирать сведения о *преемниках* Каракаллы, немедленно сообщил о данных африканцем на допросе показаниях императору, который находился в то время в Сирии. Но, несмотря на спешность казенных курьеров, один из друзей Макрина нашел возможность известить его о приближающейся опасности. Император получил письма из Рима, но так как он был в ту минуту занят тем, что происходило на гонке колесниц, то он, не раскрыв, передал их преторианскому префекту с приказанием распорядиться касательно неважных дел, а о самых важных сделать ему доклад. Макрин узнал из писем об ожидавшей его участи и решился предотвратить ее. Он воспользовался неудовольствием нескольких военачальников низшего ранга и употребил в дело готового на всякое преступление солдата по имени Марциал, который был оскорблен тем, что его не произвели в центурионы. Благочестие Каракаллы внушило ему желание отправиться из Эдессы на богомолье в знаменитый храм Луны, находившийся в Каррах. Его сопровождал отряд кавалерии; но когда ему понадобилось сделать во время пути небольшую остановку и когда его телохранители стояли в почтительном от него отдалении, Марциал подошел к нему, как будто для того, чтобы оказать ему какую-то услугу, и заколол его кинжалом. Смелый убийца был тотчас убит одним скифским стрелком из лука, принадлежавшим к императорской гвардии.

Избрание и характер Макрина. После того как пресекался род Севера, римский мир оставался в течение трех дней без повелителя. Армия (на бессильный сенат, находившийся слишком далеко от места действия, не обращали внимания) колебалась в выборе нового императора, так как не имела в виду ни одного кандидата, который мог бы своим высоким происхождением и своими достоинствами внушить ей привязанность и всех расположить в свою пользу. Решающее влияние преторианской гвардии возбудило надежды в ее префектах, и эти

могущественные министры стали заявлять свои *законные* притязания на вакантный императорский престол. Впрочем, старший префект Адвент, сознававший преклонность своих лет, слабость своего здоровья, недостаток громкой известности и еще более важный недостаток дарований, уступил эту опасную честь своему лукавому и честолюбивому товарищу Макрину, который так искусно притворился огорченным смертью Каракаллы, что никто не подозревал его участия в умерщвлении этого императора. Войска не питали к нему ни любви, ни уважения. Они ожидали, что явится какой-нибудь соискатель престола, и наконец неохотно склонились на его обещания быть безгранично щедрым и снисходительным. Вскоре после восшествия на престол он дал своему сыну Диадумениану, которому было только десять лет, императорский титул и популярное имя Антонина. Это было сделано в том предположении, что красивая наружность ребенка и подарки, раздававшиеся по случаю его возведения в императорское звание, доставят ему любовь армии и укрепят шаткий трон Макрина.

Неудовольствие сената... И сенат, и провинции с радостью одобрили выбор нового государя. Все были в восторге от того, что неожиданно избавились от ненавистного тирана, и не считали нужным справляться о личных достоинствах преемника Каракаллы. Но лишь только стихли первые взрывы радости и удивления, все начали со строгой критикой взвешивать права Макрина на престол и стали осуждать торопливый выбор армии. До той поры постоянно считалось за основной принцип конституции, что императора должен выбрать сенат и что верховная власть, которой не может пользоваться это собрание в своем полном составе, передается им одному из своих членов. Но Макрин не был сенатором. Внезапное возвышение одного из преторианских префектов обратило внимание на незнатность их происхождения, тем более что сословию всадников все еще принадлежало право занимать эту высокую должность, отдававшую в их бесконтрольное распоряжение и жизнь, и состояние сенаторов. Повсюду слышался ропот негодования по поводу того, что человек незнатного¹¹² происхождения, никогда не отличавшийся никакими выдающимися заслугами, осмелился облечься в императорскую мантию, вместо того чтобы уступить ее одному из знатных сенаторов, более достойных императорского звания и по своему рождению, и по своему сану. Лишь только масса недовольных стала внимательно изучать характер Макрина, она без большого труда нашла в нем некоторые пороки и много недостатков. Его основательно порицали за выбор его приближенных, а недовольный народ со своим обычным добродушием стал жаловаться в одно и то же время и на беспечную слабость, и на чрезмерную суровость своего государя.

...и армии. Опрометчивое честолюбие вознесло Макрина на такую высоту, на которой было нелегко удержаться и с которой невозможно было пасть иначе как с немедленным лишением жизни. Новый император, занимавшийся всю свою жизнь только придворными интригами и соблюдением внешних форм гражданского управления, трепетал в присутствии буйных и недисциплинированных народных масс, над которыми он вздумал властвовать; его военные дарования считались ничтожными, а в его личное мужество не верили; в лагере стали распространяться слухи, раскрывшие роковую тайну заговора против покойного императора и усилившие вину убийцы явными доказательствами его низкого лицемерия; тогда к презрению, которое питали к императору, присоединилась ненависть. Чтобы окончательно не расположить к себе солдат и подготовить себе неизбежную гибель, недоставало только одной черты в характере императора – склонности к преобразованиям; но в том-то и заключалась горькая участь Макрина, что обстоятельства заставили его взять на себя ненавистную роль реформатора. Разорение и неурядицы были следствием расточительности Каракаллы, и, если бы этот низкий тиран был способен понять, к каким результатам неизбежно ведет его поведение, он,

¹¹² Он был родом из Цезареи, в Нумидии, и начал свою карьеру тем, что служил в доме Плавтиана, который едва не увлек его за собой при своем падении. Его враги утверждали, что он родился в рабстве, занимался разными низкими профессиями, между прочим и профессией гладиатора. (Г.)

может быть, нашел бы для себя новое наслаждение в предвидении тех затруднений и бедствий, которые выпадут на долю его преемника.

Макрин пробует преобразовать армию. Макрин приступил к введению необходимых реформ с такой благоразумной осторожностью, которая могла бы легко и почти незаметным образом восстановить нравственные силы и физическое мужество римской армии. Солдатам, уже состоявшим на службе, он был вынужден оставить чрезмерное жалование и опасные привилегии, дарованные им Каракаллой; но новым рекрутам он стал выдавать более скромное, хотя и вполне достаточное, содержание, назначенное Севером, и стал мало-помалу приучать их к скромности и повиновению. Одна пагубная ошибка уничтожила благотворные результаты этого благоразумного плана. Вместо того чтобы немедленно разместить по различным провинциям многочисленную армию, собранную покойным императором на Востоке, Макрин оставил ее в полном составе в Сирии в течение всей зимы, которая последовала за его возведением на престол. Среди роскошной праздности лагерной жизни солдаты пришли к осознанию своей силы и своей многочисленности, стали сообщать друг другу о своих неудовольствиях и стали соображать, как был бы для них выгоден новый переворот. Ветераны, вместо того чтобы довольствоваться предоставленными им выгодами и отличиями, были испуганы первыми мероприятиями императора, усматривая в них предзнаменование будущих реформ. Новые рекруты неохотно поступали на службу, которая сделалась более тяжелой и вознаграждение за которую было сокращено скупым и лишенным воинственного духа императором. Ропот армии безнаказанно перешел в мятежные жалобы, а некоторые частные восстания доказали, что неудовольствие и нерасположение к императору ждут только какого-нибудь ничтожного повода, чтобы разразиться общим восстанием. Для настроенных таким образом умов этот повод скоро нашелся.

Смерть императрицы Юлии. Императрица Юлия испытала на себе все превратности фортуны. Из самого скромного положения она возвысилась до вершины земного величия только для того, чтобы вкусить всю ее горечь. Ей пришлось оплакивать смерть одного из ее сыновей и образ жизни другого. Ужасная участь Каракаллы, хотя и должна была казаться ей неизбежной, расшевелила в ней чувства матери и императрицы. Несмотря на то что узурпатор относился к вдове Севера с почтительной вежливостью, ей было тяжело примириться с положением подданной, и, чтобы избавиться от такой тревожной и унижительной зависимости, она скоро лишила себя жизни. Ее сестре Юлии Месе было приказано удалиться от двора и из Антиохии. Она переехала в Эмезу с огромным состоянием, накопленным в течение тех двадцати лет, когда на нее сыпались милости императора. Ее сопровождали две ее дочери – Созмия и Мамея, которые обе были вдовы и имели по одному сыну¹¹³.

Воспитание, притязание и восстание Элиогабала, сначала называвшегося Бассианом и Антонином. Сын Созмии Бассиан был посвящен в высокое звание главного жреца в храме Солнца; эта святая профессия, избранная или из расчета, или из суеверия, проложила юному сирийцу путь к престолу. Близ Эмезы был расположен многочисленный отряд войск, а так как строгая дисциплина, введенная Макрином, заставляла их проводить зимнее время в лагерях, то они горели нетерпением отомстить за такие непривычные для них стеснения. Солдаты, толпами отправлявшиеся в храм Солнца, смотрели с благоговением и наслаждением на изящное облачение и красивое лицо юного первосвященника; они находили или воображали, что находят сходство между ним и Каракаллой, память которого была для них так дорога. Хитрая Меса заметила это расположение солдат и постаралась им воспользоваться; она охотно пожертвовала репутацией своей дочери для счастья своего внука и стала распус-

---

¹¹³ Меса вышла замуж за Юлиа Авита, который имел звание консула и был назначен Каракаллой сначала наместником Месопотамии, а потом наместником Кипра. Их дочь Созмия была вдовой Вария Марцелла, римского сенатора родом из Аламеи; а другая их дочь, Мамея, была вдовой Гессия Марциана, знатного сирийца родом из Арки. (В.)

кать слух, что Бассиан был незаконный сын убитого государя. Денежные подарки, которые она раздавала щедрой рукой через посредство своих агентов, заглушили всякие возражения, а их огромный размер был убедительным доказательством если не родственной связи, то сходства между Бассианом и Каракаллой. Молодой Антонин (так как он принял это почтенное имя для того, чтобы запятнать его) был провозглашен стоявшими в Эмезе войсками императором, заявил о своих наследственных правах на престол и обратился к армиям с воззванием, приглашая их стать под знамена молодого и великодушного государя, взявшегося за оружие с целью отомстить за смерть своего отца и за угнетения, которым подвергают военное сословие.

Поражение и смерть Макрина 7 июня 218 года. В то время как женщины и евнухи с быстротой и энергией приводили в исполнение хорошо задуманный план заговора, Макрин колебался между противоположными крайностями страха и беспечности и бездействовал в Антиохии. Дух мятежа распространился во всех лагерях и гарнизонах Сирии; отряды войск стали один за другим убивать своих военачальников¹¹⁴ и присоединяться к бунтовщикам, а запоздалое возвращение солдатам прежнего жалования и прежних привилегий приписывалось давно всем известной слабости характера Макрина. Наконец он выступил из Антиохии навстречу все увеличивавшейся числом и полной усердия армии молодого претендента. Его собственные войска отправлялись в поход, по-видимому, робко и неохотно, но в пылу сражения¹¹⁵ преторианская гвардия выказала превосходство своего мужества и своей дисциплины, как бы поневоле подчиняясь своим естественным импульсам. Ряды мятежников были прорваны; тогда мать и бабушка сирийского претендента, согласно восточным обычаям сопровождавшие армию, поспешно вышли из своих закрытых колесниц и стали ободрять оробевших солдат, стараясь возбудить в них чувство сострадания. Сам Антонин, никогда в течение всей остальной своей жизни не обнаруживавший свойственного мужчине мужества, выказал себя в эту критическую минуту настоящим героем: он сел на коня и с мечом в руке устремился во главе ободренных войск в самую середину неприятельской армии, а внук Ганнис, проводивший всю свою жизнь в уходе за женщинами среди изнеживающей азиатской роскоши, выказывал тем временем дарования способного опытного полководца. Исход битвы еще был сомнителен, и Макрин еще мог остаться победителем, но он сам испортил дело, обратившись в постыдное и торопливое бегство. Его трусость продлила его жизнь только на три дня и запятнала его несчастную участь заслуженным позором. Едва ли нужно прибавлять, что его сына Диадумениана постигла такая же участь. Лишь только непреклонные преторианцы убедились, что они сражаются за государя, постыдно покинувшего их, они сдались победителю; тогда солдаты двух противоположных лагерей стали со слезами обмениваться выражениями радости и дружбы и соединились вместе под знаменами воображаемого сына Каракаллы, а восточные провинции радостно приветствовали первого императора азиатского происхождения.

Элиогабал пишет сенату. 219 год. Макрин удостоил сенат письменным уведомлением о незначительных беспорядках, вызванных в Сирии самозванцем; вслед за этим был издан декрет, признававший мятежника и его семейство общественными врагами и обещавший прощение тем из его приверженцев, которые немедленно возвратятся к своему долгу. В течение двадцати дней, прошедших между провозглашением Антонина и его победой (именно в такой короткий промежуток времени была решена судьба Римской империи), столица и в особенности восточные провинции страдали от внутренних раздоров, вызванных надеждами и опасениями враждующих сторон, и от бесполезного пролития крови в междоусобицах, так как империя должна была принадлежать тому из двух соперников, который возвратится из Сирии победителем. Письма, которыми юный победитель извещал послушный сенат о своем торжестве,

¹¹⁴ В силу крайне опасной прокламации претендента каждый солдат, приносивший голову своего офицера, получал все его состояние и его военный чин. (Г.)

¹¹⁵ Сражение происходило подле деревни Имм, почти в двадцати двух милях от Антиохии. (Г.)

были наполнены уверениями, свидетельствовавшими о его добродетелях и умеренности; он намеревался принять за главное руководство для своего поведения блестящий пример Марка Аврелия и Августа и с гордостью указывал на поразительное сходство своего возраста и своей судьбы с возрастом и судьбой Августа, который в самой ранней молодости отомстил успешной войной за смерть своего отца. Называя себя Марком Аврелием Антонином, сыном Антонина и внуком Севера, он напоминал о своих наследственных правах на императорский престол, но он оскорбил деликатность римских предрассудков тем, что присвоил себе трибунские и проконсульские полномочия, не дожидаясь, чтобы они были дарованы ему сенатским декретом. Это небывалое и неблагоприятное нарушение конституции, вероятно, было внушено ему или его невежественными сирийскими царедворцами, или его надменными военными приверженцами.

Портрет Элиогабала. Так как внимание нового императора было сосредоточено на самых пустых забавах, то он употребил несколько месяцев на свое пышное путешествие из Сирии в Италию; он провел в Никомедии первую зиму после своей победы, а свой торжественный въезд в столицу отложил до следующего лета. Впрочем, еще до своего прибытия в Рим он прислал туда свой портрет, который был поставлен по его приказанию на алтарь Победы в храме, где собирался сенат, и который дал римлянам верное и вместе с тем унижительное для них понятие о личности и характере их государя. Он был изображен в священническом одеянии из шелка и золота, широком и длинном, по обычаю мидийцев и финикийцев; его голова была покрыта высокой короной, и на нем было надето множество ожерельев и браслетов, украшенных самыми редкими драгоценными камнями. Его брови были окрашены в черный цвет, а на его щеках видны были следы румян и белил. Сенаторы должны были с грустью сознаться, что, после того как Рим так долго выносил грозную тиранию своих собственных соотечественников, ему наконец пришлось преклониться перед изнеженной роскошью восточного деспотизма.

Его суевие. В Эмезе поклонялись Солнцу под именем Элиогабала¹¹⁶ и в виде черного остроконечного камня, который, по убеждению народа, упал с неба на это священное место. Покровительству этого бога Антонин, не без некоторого основания, приписывал свое восшествие на престол. Выражение суеверной признательности было единственной серьезной задачей его царствования. Торжество эмезского божества над всеми религиями было главной целью его усердия и тщеславия, а священное имя Элиогабала (которое он счел себя вправе носить в качестве первосвященника и любимца) было для него дороже всех титулов, обозначавших императорское величие. В то время как торжественная процессия проходила по римским улицам, ее путь был усеян золотым песком; украшенный драгоценными камнями черный камень был поставлен на колесницу, которую везли покрытые богатой сбруей шесть белых, как молоко, лошадей. Благочестивый император сам держал вожжи и, опираясь на своих приближенных, слегка опрокидывался назад, для того чтобы постоянно наслаждаться присутствием божества. В великолепном храме, воздвигнутом на Палатинском холме, поклонение Элиогабалу совершалось с самой пышной торжественностью. К его алтарю приносили самые тонкие вина, самые избранные жертвы и самые редкие благовония. Вокруг алтаря толпа сирийских девушек исполняла сладострастные танцы под звуки варварской музыки, а самые важные государственные и военные сановники, одетые в длинные финикийские туники, исполняли низшие обязанности священнослужителей с притворным усердием и тайным негодованием.

Увлекаясь своим фанатизмом, император задумал перенести в этот храм, как в общий центр религиозного поклонения, Анкил, палладиум и все священные символы религии Нумы.

¹¹⁶ Ученые производят это имя от двух сирийских слов: *ela* – «бог» и *gabel* – «создавать». (Г.) Так как в Иераполе, в Сирии, было запрещено делать статуи Солнца и Луны, потому что и без того можно видеть эти светила, то Солнце было изображено в Эмезе под видом большого камня, будто бы упавшего с неба. (Гизо)

Толпа низших богов занимала различные должности при верховном эмесском боге, но его двор был не полон, пока у него не было подруги высшего ранга, которая разделяла бы с ним брачное ложе. Паллада была сначала назначена ему в супруги, но так как можно было опасаться, что ее воинственный вид напугает сирийского бога, привыкшего к самой нежной деликатности, то было решено, что Луна, которую обоготворяли африканцы под именем Астарты, будет более приличной супругой для Солнца. Ее изображение вместе с богатыми приношениями, которые находились в ее храме и которые она приносила мужу в приданое, было перенесено с торжественной помпой из Карфагена в Рим, а день этого мистического бракосочетания был днем общего праздника в столице и во всей империи.

Его распутная и сладострастная роскошь. Элиогабал (я говорю об императоре с этим именем), которого развратили страсти его юности, нравы его родины и неожиданные дары фортуны, предался самым грубым наслаждениям с необузданной яростью и среди своих удовольствий скоро почувствовал отвращение и пресыщение. Тогда пришлось прибегать к искусственным средствам возбуждения; чтобы пробудить в нем ослабевшие чувственные влечения, толпа женщин принимала сладострастные позы, а за столом ему подавали самые тонкие вина, самые разнообразные кушанья и приправы.

Новые термины и новые открытия в этих науках, единственных, какие изучал и каким покровительствовал монарх¹¹⁷, ознаменовали его царствование и покрыли его позором в глазах потомства. Причудливая расточительность заменяла вкус и изящество, а в то время как Элиогабал тратил сокровища своего народа на самые нелепые прихоти, льстецы превозносили до небес государя, превзошедшего великодушием и роскошью всех своих робких предшественников. Самым приятным для него развлечением было не подчиняться требованиям времени года и климата¹¹⁸, издеваться над чувствами и предрассудками своих подданных и нарушать все законы природы и приличия. Его бессильных страстей не могли удовлетворить ни многочисленные наложницы, ни быстро сменявшие одна другую жены, в числе которых была одна весталка, похищенная им из ее священного убежища. Повелитель римского мира подражал женскому полу в одежде и нравах, предпочитал прялку скипетру и бесчестил высшие государственные должности, раздавая их своим многочисленным любовникам; один из таких любовников был публично облечен титулом и властью императора, или – как выражался Элиогабал – титулом и властью мужа императрицы.

Презрение к благопристойности, которым отличаются римские тираны. Пороки и безрассудства Элиогабала, быть может, были преувеличены фантазией и очернены клеветой, однако если мы ограничимся только теми публичными сценами, которые происходили перед глазами всего римского населения и достоверность которых засвидетельствована серьезными современными историками, то мы должны будем сознаться, что никакой другой век и никакой другой народ не были свидетелями таких гнусностей. Развратная и богатая римская знать усваивала себе все пороки, какие заносил в столицу сильный наплыв самых разнообразных национальных нравов. Уверенная в безнаказанности и равнодушная к порицаниям, она жила без всяких стеснений в терпеливом и покорном обществе своих рабов и паразитов. Император, в свою очередь, смотрел на все классы своих подданных с таким же презрительным равнодушием и бесконтрольно пользовался правами своего высокого положения для удовлетворения своего сладострастия и расточительности.

Неудовольствие армии. Своевольные солдаты, возведшие на престол распутного сына Каракаллы, сами стыдились своего позорного выбора и, отворачиваясь с отвращением от этого чудовища, с удовольствием смотрели на зарождавшиеся добродетели его двоюродного брата

---

¹¹⁷ Изобретатель нового соуса получал щедрое вознаграждение, но, если соус не понравился, изобретатель не смел есть никакого другого кушанья до тех пор, пока не выдумает другого, более приятного для императорского желудка. (Г.)

¹¹⁸ Он никогда не ел морской рыбы иначе как на большом расстоянии от моря; тогда он раздавал крестьянам огромное количество самых редких сортов рыбы, доставка которой стоила огромных расходов. (Г.)

Александра, сына Мамеи. Хитрая Меса ясно видела, что ее внук Элиогабал неизбежно должен погибнуть от своих собственных пороков, и потому запаслась другой, более надежной подпорой для своего семейства.

Александр Север провозглашен цезарем в 221 году. Воспользовавшись одной из тех минут, когда юный император был более всего склонен к мягкосердечию и благочестию, она убедила его усыновить Александра и дать ему титул цезаря, для того чтобы его собственные благочестивые занятия не прерывались заботами о земных интересах. Занимая второй пост в империи, Александр скоро снискал общую любовь; этим он возбудил зависть в тиране, который решил положить конец этой опасной для него конкуренции или развратив своего соперника, или лишив его жизни. Однако все его хитрости были безуспешны; его планы, заранее всем известные благодаря его собственной болтливости, разрушались теми добродетельными и преданными друзьями, которыми предусмотрительная Мамея окружила своего сына. В порыве гнева Элиогабал решил достигнуть путем насилия того, чего не мог достигнуть путем обмана: он отдал деспотическое приказание лишить его двоюродного брата звания и почестей цезаря. Сенат отвечал молчанием на его приказание, а в лагере оно возбудило неистовый гнев. Преторианцы поклялись защищать Александра и отомстить за такое унижение императорского престола. Их справедливое негодование смягчилось при виде слез и обещаний испуганного Элиогабала, который умолял их только о том, чтобы они пощадили его жизнь и не отнимали у него милого Гиероклеса; они ограничились тем, что поручили своим префектам наблюдать за безопасностью Александра и за поведением императора.

Бунт гвардии и умерщвление Элиогабала 10 марта 222 года. Не было возможности верить ни в прочность такого примирения, ни в то, что Элиогабал, при всей своей низости, согласится управлять империей при столь оскорбительной зависимости. Он скоро пустился на опасную хитрость из желания испытать преданность солдат. Слух о смерти Александра и естественно возникавшее подозрение, что он убит, разожгли страсти солдат до бешенства, и буря утихла только благодаря прибытию и влиянию популярного юноши. Оскорбленный этим новым доказательством привязанности войск к его двоюродному брату и их презрения к его особе, император дерзнул подвергнуть казни некоторых вожаков восстания. Его неуместная строгость привела к немедленной гибели и его фаворитов, и его матери, и его самого. Элиогабал был умерщвлен негодующими преторианцами; его обезображенный труп тащили по улицам и сбросили в Тибр. Его память сенат заклеил вечным позором, а потомство подтвердило справедливость этого приговора.

Вступление Александра Севера на престол. Вместо Элиогабала преторианцы возвели на престол его двоюродного брата Александра. Новый государь находился точно в таких же, как и его предшественник, родственных связях с семейством Севера, имя которого он себе присвоил, его добродетели и опасности, через которые он прошел, уже сделали его дорогим для римлян, а сенат в избытке усердия облек его в один день всеми титулами и правами императорского достоинства¹¹⁹. Но так как Александр был скромный и почтительный к старшим семнадцатилетний юноша, то бразды правления попали в руки двух женщин, его матери Мамеи и его бабки Месы. Эта последняя ненадолго пережила возвышение Александра; после ее смерти Мамея одна осталась регентшей и над сыном, и над империей.

Его мудрое и умеренное правление. Несмотря на этот акт жестокосердия, внушенный ревностью, и несмотря на то, что Мамею нередко обвиняли в скупости, ее управление было вообще полезно и для ее сына, и для империи. Она избрала с одобрения сената шестнадцать самых мудрых и самых добродетельных его членов и организовала из них постоянный государственный совет, который должен был рассматривать и решать все важные дела. Знаменитый

---

¹¹⁹ Этой необычайной поспешностью сенат надеялся разрушить надежды других претендентов и предотвратить раздоры в армии. (Г.)

Ульпиан, отличавшийся столько же знанием римских законов, сколько своим уважением к ним, был поставлен во главе этого собрания. Благоразумная твердость этой аристократии восстановила порядок и уважение к правительству. Лишь только она очистила город от памятников азиатского суеверия и роскоши, воздвигнутых капризной тиранией Элиогабала, она стала удалять его недостойных любимцев из всех сфер общественного управления и стала заменять их людьми добродетельными и способными. Знания и любовь к справедливости сделались единственной рекомендацией для занятия гражданских должностей, а храбрость и привязанность к дисциплине – единственными качествами, дававшими право на занятие должностей военных.

Воспитание и добродетельный характер Александра. Но главное внимание Мамеи и ее мудрых советников было обращено на нравственное развитие молодого императора, от личных свойств которого в конце концов должно было зависеть счастье или несчастье всей империи. Хорошая почва облегчает труд того, кто ее возделывает, и даже вовсе не нуждается в этом труде. Здравый ум Александра скоро убедил его в преимуществах добродетели, в пользе образования и в необходимости труда. Природная мягкость и умеренность его характера предохранила его от взрывов страстей и от приманок порока. Его неизменное внимание к матери и его уважение к мудрому Ульпиану оградили его неопытную юность от яда лести.

Дневник его обыденной жизни. Дневник его обыкновенных занятий рисует нам привлекательный портрет полного совершенств императора. Александр вставал рано и посвящал первые минуты дня исполнению своих религиозных обязанностей; его домашняя капелла была наполнена изображениями тех героев, которые улучшили или преобразовали условия человеческой жизни и тем заслужили признательное уважение потомства. Но так как он полагал, что самое приятное для богов поклонение заключается в служении человеческому роду, то он проводил большую часть утренних часов в совете, где обсуждал общественные дела и разрешал частные тяжбы с терпением и рассудительностью, которые были не по его летам. Сухие деловые занятия сменялись более привлекательными занятиями литературой, и он каждый день уделял часть свободного времени на изучение поэзии, истории и философии. Сочинения Вергилия и Горация, «Республика» Платона и «Республика» Цицерона развивали его вкус, расширяли его ум и внушали ему самые возвышенные понятия о назначении человека и назначении правительства. За умственными упражнениями следовали упражнения физические, и Александр, будучи высок ростом, деятелен и силен, редко находил себе равных по ловкости в гимнастике. Освежив себя ванной и подкрепив легким обедом, он принимался с новыми силами за текущие дела, и до самого ужина, который считался у римлян тем, что мы называем обедом в тесном значении этого слова, он работал со своими секретарями, при помощи которых отвечал на письма, мемуары и прошения, естественно стекавшиеся в огромном числе к повелителю большей части мира. Его стол отличался самой бережливой простотой, и всякий раз, когда он мог, ничем не стесняясь, действовать согласно со своими собственными влечениями, его общество состояло из немногих избранных друзей, людей ученых и добродетельных, в числе которых всегда был приглашаем и Ульпиан. Разговор был дружеский и всегда был поучителен; его перерывы иногда оживлялись чтением какого-нибудь интересного сочинения, заменявшим плясунов, комедиантов и гладиаторов, которых так часто созывали к себе в обеденные часы богатые и сластолюбивые римляне. Одевался Александр просто и скромно, а в обхождении был вежлив и приветлив; в назначенные часы его дворец был открыт для всех подданных, но в это время раздавался голос глашатая, произносившего такое же, как в Элевсинских таинствах, благотворное увещание: *пусть только тот проникает внутрь этих священных стен, кто сознает свою душевную чистоту и невинность.*

Общее благосостояние римских владений. 222–235 годы. Со времени восшествия на престол Коммода римский мир был в течение сорока лет жертвой различных пороков четырех тиранов. Со смерти Элиогабала он наслаждался счастьем тринадцатилетнего спокой-

ствия. Провинции, освобожденные от тяжелых налогов, придуманных Каракаллой и его мнимым сыном, процветали в мире и благоденствии под управлением должностных лиц, знавших по опыту, что самое верное и единственное средство приобрести милостивое расположение государя заключается в приобретении любви его подданных. Отецская заботливость Александра, наложив некоторые стеснения на привычки римского народа к роскоши, уменьшила цену съестных припасов и размер денежных процентов, а его благоразумная щедрость, не обременяя налогами трудящиеся классы населения, удовлетворяла склонность простого народа к развлечениям. Достоинство, свобода и авторитет сената были восстановлены, и каждый добродетельный сенатор мог приближаться к особе императора без страха и не краснея от стыда.

Александр отказывается от имени Антонина. Имя Антонина, облагороженное добродетелями Антонина Благочестивого и Марка Аврелия, досталось путем усыновления распутному Веру и по праву рождения жестокосердому Коммоду. Оно служило почетным отличием для сыновей Севера, было дано молодому Диадумениану и в конце концов было опозорено пороками эмецкого первосвященника. Несмотря на настойчивые и, может быть, искренние просьбы сената, Александр великодушно отказался от блеска чужого имени, а между тем делал все, что мог, чтобы восстановить славу и счастье века настоящих Антонинов.

Он пробует провести реформы в армии. В делах гражданского управления мудрость Александра опиралась на авторитет правительства, и сознававший общее благоденствие народ платил за него своему благодетелю любовью и признательностью. Но оставалась еще неисполненной более важная и необходимая, а вместе с тем и более трудная задача – преобразование военного сословия. Руководствуясь лишь своими собственными интересами и не желая отказываться от привычек, укоренившихся благодаря долгой безнаказанности, оно тяготилось строгостями дисциплины и не придавало никакой цены благотворным результатам общественного спокойствия. При исполнении своего плана император старался выказать свою любовь к армии и скрыть страх, который она ему внушала. Благодаря строгой бережливости во всех других отраслях администрации он накопил большие запасы золота и серебра для выдачи войскам как постоянного жалованья, так и экстренных наград. Он освободил их от обязанности носить во время похода на плечах провизии на семнадцать дней. На больших дорогах были устроены обширные склады съестных припасов для армии, а когда она вступала на неприятельскую территорию, длинный ряд мулов и верблюдов был готов к услугам ее спесивой лени. Так как Александр не надеялся отучить солдат от их склонности к роскоши, то он постарался направить эту склонность на предметы воинского блеска и на воинские украшения – на приобретение красивых лошадей, роскошного оружия и оправленных в серебро и золото щитов¹²⁰. Он подвергал самого себя всем тем лишениям, каких был вынужден требовать от других, посещал больных и раненых, составлял подробные заметки об их службе и о полученных ими наградах и при всяком удобном случае выражал самое искреннее уважение к тому классу людей, благосостояние которого, как он старался уверить, было так тесно связано с благосостоянием государства. Он прибегал к самым деликатным уловкам, чтобы внушить буйной черни чувство долга и чтобы восстановить хоть слабую тень той дисциплины, которая доставила римлянам господство над столькими более их воинственными и более их могущественными народами. Но его благоразумие оказалось бесполезным, его мужество – для него гибельным, а его попытки реформ лишь усилили то зло, которое должны были искоренить.

Возмущение преторианской гвардии и умерщвление Ульпиана. Преторианцы были искренно привязаны к юному Александру. Они любили его как нежного питомца, которого они спасли от ярости тирана и сами возвели на императорский престол. Этот добрый государь признавал оказанную ему услугу, но так как его признательность не выходила за пределы здравого смысла и справедливости, то добродетели Александра скоро возбудили в них

¹²⁰ Это еще более усилило высокомерие и истощило государственную казну, не принеся никакой существенной пользы. (В.)

более сильное неудовольствие, чем то, которое внушали им пороки Элиогабала. Их префект, мудрый Ульпиан, был друг законов и народа, но считался врагом солдат, и все планы реформ приписывались его пагубным советам. По какому-то ничтожному поводу их неудовольствие перешло в неистовый бунт; признательный народ оборонял от их нападений этого превосходного министра, и в течение трех дней в Риме свирепствовала междоусобная война. Народ, испуганный видом нескольких загоревшихся домов и угрозами преторианцев, что они обратят весь город в пепел, наконец прекратил сопротивление и предоставил добродетельного и несчастного Ульпиана его горькой участи. Преторианцы вторглись вслед за ним внутрь императорского дворца и умертвили его у ног его повелителя, тщетно пытавшегося прикрыть его своей императорской мантией и вымолить его прощение у безжалостных солдат.

Такова была слабость правительства, что даже сам император не был в состоянии отомстить за своего убитого друга и за свое оскорбленное достоинство иначе как при помощи терпеливости и притворства. Главный зачинщик мятежа Эпагат был удален из Рима путем почетного для него назначения на должность египетского префекта; с этого высокого поста его перевели на Крит, и наконец, когда время и отсутствие изгладили его имя из памяти преторианцев, Александр осмелился подвергнуть его запоздалому, но заслуженному наказанию за его преступление. В царствование этого справедливого и добродетельного государя тирания армии грозила немедленной смертью каждому из его честных министров, если только он был заподозрен в намерении положить конец невыносимому своеволию солдат.

Опасное положение Диона Кассия. Историк Дион Кассий, командуя стоявшими в Паннонии легионами, старался подчинить их правилам старой дисциплины. Преторианцы, заинтересованные в том, чтобы своеволие армии нигде не подвергалось стеснениям, приняли сторону паннонийских легионов и потребовали казни реформатора. Александр не уступил их мятежническим требованиям, а, напротив того, назначил Диона, в награду за его достоинства и заслуги, своим товарищем по званию консула и покрыл из своей собственной казны все расходы, сопряженные с возведением в это пустое звание; но так как можно было опасаться, что при виде Диона, облаченного в отличия его новой должности, солдаты захотят выместить на нем нанесенное им оскорбление, то человек, номинально считавшийся первым сановником в государстве, удалился по совету императора из города и провел большую часть своего консульства в своих поместьях в Кампании¹²¹.

Мятеж легионов. Кротость императора служила поощрением для дерзости солдат; легионы стали следовать примеру преторианцев и стали отстаивать свои права на своеволие с таким же, как преторианцы, яростным упорством. Все царствование Александра прошло в бесплодной борьбе против развращенности его века. В Иллирии, Мавритании, Армении, Месопотамии и Германии беспрестанно вспыхивали новые мятежи; присланных императором военачальников убивали, над его властью издевались и, наконец, принесли его собственную жизнь в жертву негодующей армии.

Твердость императора. Впрочем, нам известен один выдающийся случай, когда солдаты возвратились к своему долгу и к повиновению; он стоит того, чтобы мы его рассказали, так как он очень хорошо обрисовывает нравы солдат. Когда император, выступивший в поход против персов (о котором мы будем подробно говорить далее), остановился на некоторое время в Антиохии, один солдат был подвергнут наказанию за то, что пробрался в женскую баню; это наказание возбудило мятеж в легионе, к которому принадлежал солдат. Тогда Александр возшел на свой трибунал и со скромной твердостью стал говорить вооруженному сборищу о безусловной необходимости и о своей непреклонной решимости исправить порочные привычки,

¹²¹ У Диона не было поместий в Кампании, и он вообще был небогат. Он только говорит, что император посоветовал ему жить во время его консульства где-нибудь вне Рима, что он возвратился в город по истечении годового срока этой должности и что он имел случай беседовать со своим государем в Кампании. В то время он просил и получил позволение провести остаток своей жизни на своей родине, в Никее, в Вифинии, где он и довел свою историю до конца своего второго консульства. (В.)

введенные его недостойным предшественником, и поддержать дисциплину, ослабление которой неизбежно привело бы к унижению римского имени и к гибели империи. Его кроткие упреки были прерваны шумными возгласами солдат. «Воздерживайтесь от ваших криков, – сказал неустрашимый император, – пока не выступите в поход против персов, германцев и сарматов. Вы должны молчать в присутствии вашего государя и благодетеля, который раздает вам хлеб, одежду и деньги провинций. Молчите, иначе я перестану называть вас солдатами, а буду называть квиритами¹²², если только люди, не признающие римских законов, достойны стоять в рядах самого низкого класса народа». Его угрозы воспламенили ярость легиона, солдаты обнажили свое оружие, и жизнь императора подверглась серьезной опасности. «Вы сделали бы более благородное употребление из вашего мужества, – снова обращаясь к ним, сказал Александр, – если бы вы выказали его на поле битвы; вы можете лишиться меня жизни, но не можете застрашать, а строгая справедливость республики накажет вас за преступление и отомстит за мою смерть». Мятежные крики не прекращались; тогда император произнес громким голосом свой решительный приговор: «Граждане! Сложите ваше оружие и расходитесь по домам». Буря тотчас стихла; смущенные и пристыженные солдаты безмолвно осознали справедливость понесенного ими наказания и обязанности дисциплины, сложили свое оружие и знамена и, вместо того чтобы отправляться в свой лагерь, разошлись по разным городским гостиницам. Александр наслаждался в течение тридцати дней назидательным зрелищем их раскаяния и возвратил им их прежние места в армии только после того, как наказал смертью тех трибунов, потворство которых было причиной мятежа. Признательный легион верно служил императору в течение всей его жизни и отомстил за его смерть.

Недостатки его царствования и его характера. Дарования этого прекрасного государя, как кажется, не достигали одного уровня с трудностями его положения, а твердость его образа действий не могла равняться с чистотой его намерений. Его добродетели, точно так же как и пороки Элиогабала, получили отпечаток слабости и изнеженности от мягкого климата Сирии, откуда он был родом. Впрочем, он стыдился своего иноземного происхождения и снисходительно выслушивал уверения льстецов, что он происходит из древнего римского аристократического рода¹²³. Гордость и жадность его матери омрачили блеск его царствования, а тем, что она заставляла его в зрелых годах оказывать ей такое же повиновение, какого она требовала от его неопытной юности, Мамея подвергала насмешкам и себя, и своего сына. Трудности войны с персами возбудили неудовольствие в армии, а ее неудачный исход лишил императора репутации хорошего полководца и даже хорошего солдата. Таким образом, все причины подготавливали и все обстоятельства ускоряли переворот, навлекший на Римскую империю длинный ряд междоусобиц и общественных бедствий.

Отступление касательно финансов империи. И распутная тирания Коммода, и внутренние раздоры, вызванные его смертью, и новые принципы управления, установленные государями из дома Севера, – все способствовало усилению опасного могущества армии и уничтожению еще не совсем изгладившихся в душе римлян слабых следов уважения к законам и к свободе. Мы постарались с возможной последовательностью и ясностью объяснить причины этой внутренней перемены, расшатавшей коренные основы империи. Но несмотря на то что все наше внимание сосредоточено на этом важном предмете, мы не можем обойти молчанием чрезвычайно важного эдикта Антонина Каракаллы, предоставлявшего всем свободным жителям империи звание и привилегии римских граждан. Впрочем, эта безмерная щедрость не была внушена великодушием, а была результатом гнусной алчности; чтобы убе-

¹²² Юлий Цезарь укротил бунт «солдат» тем же словом «*quirites*», которое употреблялось в противоположность со словом «солдаты» в смысле презрения и низводило виновных на более низкое общественное положение, нежели положение простых граждан. (Г.)

¹²³ Он происходил от Метеллов. (Г.)

даться в этом, необходимо сделать краткий обзор положения римских финансов с блестящих времен республики до царствования Александра Севера.

Обложение римских граждан налогом. Осада Вей в Тоскане, которая была первым значительным предприятием римлян, тянулась более девяти лет не столько по причине неприступности городских укреплений, сколько вследствие неопытности осаждающих¹²⁴. Непривычные лишения в течение стольких зимних кампаний на расстоянии почти двадцати миль от дома требовали каких-нибудь особых поощрений для армии; тогда сенат благоразумно предотвратил взрыв народного недовольства, назначив солдатам постоянное жалование, которое оплачивалось общим налогом, разложенным на всех граждан соразмерно с их состоянием. В течение более двухсот лет после взятия Вей победы республики увеличивали не столько богатство, сколько могущество Рима. Итальянские провинции уплачивали дань лишь военной службой, а огромные морские и сухопутные военные силы, участвовавшие в Пунических войнах, содержались за счет самих римлян. Этот великодушный народ (такой благородный энтузиазм нередко внушается свободой) безропотно подчинялся самым тяжелым и добровольным лишениям в основательной уверенности, что он скоро будет наслаждаться обильными плодами своих тяжелых усилий. Он не обманулся в своих ожиданиях.

Уничтожение налога. В течение немногих лет богатства Сиракуз, Карфагена, Македонии и Азии были с торжеством перевезены в Рим. Одни сокровища Персея простирались почти до двух миллионов фунтов стерлингов, и римский народ, сделавшийся повелителем стольких племен, был навсегда освобожден от тяжести налогов. Постоянно возрастающие доходы с провинций оказались достаточными для покрытия обыкновенных расходов на содержание армии и правительства, а излишние запасы золота и серебра складывались в храме Сатурна и предназначались на непредвиденные нужды государства.

Налоги в провинциях: в Азии... Нам известно, что благодаря завоеваниям Помпея азиатские налоги возросли с пятидесяти до ста тридцати пяти миллионов драхм, то есть почти до четырех с половиной миллионов фунтов стерлингов. **...в Египте.** При последнем и самом беспечном государе из рода Птолемеев доходы Египта, как уверяют, простирались до двенадцати с половиной тысяч талантов, то есть более чем до двух с половиной миллионов фунтов стерлингов, но впоследствии они значительно увеличились благодаря строгой бережливости римлян и благодаря расширению торговли с Эфиопией и Индией. **...в Галлии.** Источником обогащения для Египта служила торговля, а для Галлии – военная добыча; однако размер налогов, которые уплачивались этими двумя провинциями, был почти один и тот же¹²⁵. **...в Африке.** Те десять тысяч эвбейских или финикийских талантов, составлявших около четырех миллионов фунтов стерлингов, которые побежденный Карфаген должен был выплатить в течение пятидесяти лет, были весьма скромным свидетельством превосходства римских сил и не выдерживали ни малейшего сравнения с размерами тех податей, которыми были обложены земли и денежные капиталы местных жителей, когда плодородные берега Африки обратились в римскую провинцию. **...в Испании.** По какой-то странной, роковой необходимости Испания сделалась для Древнего мира тем же, чем были Перу и Мексика для Нового. Открытие финикийцами богатого западного континента и угнетение простодушных туземцев, принужденных разрабатывать свои собственные рудники в пользу иностранцев, представляют точно такую же картину, как и история испанских владений в Америке. Финикийцам были знакомы

---

¹²⁴ Так как древним народам не были известны разрушительные снаряды, бросаемые в неприятеля при помощи огня или пороха, то они брали осаждаемые города блокадой или голодом или же прибегали к хитростям, в которых сила не играла главной роли. (В.)

¹²⁵ Выражение Гиббона, что «источником обогащения для Галлии служила военная добыча», очень неясно. Он, может быть, разумел основанные в более раннюю пору галльские колонии, некоторые из которых разбогатели, как, например, колония, основанная в Азии. Но эти давнишние факты не имели никакой связи с тем периодом времени, о котором здесь идет речь; к тому же Галлии не было никакой пользы от такого обогащения, так как те, которые разбогатели, никогда уже не возвращались на родину. (В.)

только морские берега Испании, а движимые столько же корыстолюбием, сколько честолюбием римляне и карфагеняне проникли с оружием в руки внутрь страны и нашли, что тамошняя почва содержит в себе множество меди, серебра и золота. Историки упоминают об одной руде вблизи от Картахены, дававшей ежедневно двадцать пять тысяч драхм серебра, или почти триста тысяч фунтов стерлингов в год. А из Астурии, Галиции и Лузитании ежегодно получалось двадцать тысяч фунтов золота.

Сумма государственных доходов. Из всех этих неполных и отрывочных сведений мы находим возможность сделать следующие выводы: во-первых, что при всех переменах, какие вызывались временем и обстоятельствами, общая сумма дохода с римских провинций редко доходила менее чем до пятнадцати или до двадцати миллионов фунтов стерлингов и, во-вторых, что такой большой доход должен был вполне покрывать все расходы скромной системы управления, введенной Августом, так как обстановка его двора походила на скромную семейную обстановку простого сенатора, а его военные силы содержались в размере, необходимом для охранения границ, без всяких стремлений к завоеваниям и без всяких серьезных опасений иностранного нашествия.

Подати, наложенные на римских граждан Августом. Несмотря на кажущееся правдоподобие обоих этих выводов, последний из них положительно опровергается и тем, что говорил, и тем, как поступал Август. Трудно решить, действовал ли он в этом случае как человек, отечески заботившийся об общей пользе, или как человек, стремившийся к уничтожению свободы, и имел ли он в виду облегчить положение провинций или старался довести до обеднения сенаторов и сословие всадников. Но лишь только он взял в свои руки бразды правления, он стал часто намекать на недостаточность налогов и на необходимость возложить часть общественных расходов на Рим и на Италию. Впрочем, к осуществлению этого непопулярного плана он приближался осторожными и строго размеренными шагами. За введением таможенных пошлин следовало введение акциза, и проект общего обложения был окончательно приведен в исполнение благодаря искусному привлечению к уплате налогов с недвижимой и движимой собственности римских граждан, отвыкших в течение полутора столетий от каких бы то ни было денежных взносов.

I. Таможенные пошлины. В такой обширной империи, как Римская, естественное равновесие денежных средств должно было установиться постепенно и само собою. Мы уже имели случай заметить, что богатства провинций притягивались в столицу мощным влиянием побед и верховного владычества, но что промышленные провинции снова притягивали их к себе путем развития торговли и изящных искусств. В царствование Августа и его преемников пошлины были наложены на всякого рода товары, стекавшиеся тысячами каналов в великий центр богатств и роскоши, но, какова бы ни была установленная форма их взыскания, в конце концов они оплачивались римскими покупателями, а не провинциальными торговцами. Размер пошлин колебался между восьмой и сороковой частью стоимости товаров, и мы имеем основание думать, что в этом случае римское правительство руководствовалось неизменными политическими соображениями, что оно облагало предметы роскоши более высокими пошлинами, нежели предметы первой необходимости, и что оно относилось к продуктам мануфактурной деятельности римских подданных более снисходительно, чем к вредным или по меньшей мере непопулярным продуктам Аравии и Индии. До нас дошла длинная, хотя и не совершенно полная роспись восточных товаров, которые оплачивались пошлинами во времена Александра Севера; сюда входят: корица, мирра, перец, имбирь, различные благовонные вещества, множество различных драгоценных камней, между которыми бриллианты занимали первое место по цене, а изумруды по красоте, парфянские и вавилонские кожаные и бумажные изделия, шелк в сыром и обработанном виде, черное дерево, слоновая кость и евнухи. Здесь будет уместно заметить, что эти изнеженные рабы все более и более входили в употребление и возвышались в цене, по мере того как империя приходила в упадок.

II. Акцизные пошлины, введенные Августом после окончания междоусобных войн, были чрезвычайно умеренны, но падали на всех без исключения. Они редко превышали один процент, но взыскивались со всего, что продавалось на рынках или с публичного торга, начиная с самых значительных покупок земель и домов и кончая теми мелкими предметами, ценность которых обуславливается их громадным количеством и ежедневным потреблением. Эти пошлины, падая на всю народную массу, постоянно вызывали жалобы и неудовольствие, так что один император, хорошо знакомый с нуждами и средствами государства, был вынужден объявить путем публичного эдикта, что содержание армии зависит в значительной мере от дохода, доставляемого этими пошлинами¹²⁶.

III. Пошлины на завещания и наследства. Когда Август решил постоянно содержать отряд войск для защиты правительства от внешних и внутренних врагов, он назначил особый денежный фонд на уплату жалования солдатам, на награды ветеранам и на экстраординарные военные расходы. Хотя огромные доходы от акцизных пошлин употреблялись специально на этот предмет, они скоро оказались недостаточными. Для покрытия этого дефицита император придумал новый налог на завещания и наследства в размере пяти процентов. Но римская знать более дорожила своим состоянием, нежели свободой. К ее негодованию и ропоту Август отнесся со своей обычной сдержанностью. Он передал этот вопрос на рассмотрение сената и просил его найти какой-нибудь другой, менее ненавистный способ для удовлетворения государственных нужд. Так как сенаторы расходились в мнениях и не знали, на что решиться, то император объявил им, что их упорство заставит его предложить введение общей поземельной и подушной подати. Тогда они безмолвно утвердили первый проект императора. Впрочем, новый налог на завещания и наследства был смягчен некоторыми ограничениями. Он взыскивался только с имущества, имевших известную стоимость, как кажется, только с таких, цена которых была не менее пятидесяти или ста золотых монет¹²⁷, и от него был освобожден самый близкий родственник с отцовской стороны¹²⁸. После того как права, основанные на законах природы и на бедности, были таким образом ограждены, уже нетрудно было согласиться с тем, что иноземец или дальний родственник, неожиданно получивший наследство, должен будет пожертвовать двадцатую часть этого наследства в пользу государства.

Применение их к законам и обычаям. В богатом государстве такой налог мог доставлять большие доходы; к тому же он был очень хорошо приспособлен к нравам римлян, так как давал им возможность руководствоваться в своих завещаниях прихотью и не стесняться никакими законами о наделе сыновей или о приданом, придуманными в наше время. Вследствие различных причин отцовские привязанности нередко не имели никакого влияния на суровых патриотов времен республики и на безнравственную знать времен империй, и, если отец оставлял своему сыну четвертую часть своего состояния, он этим устранял всякий повод для законных жалоб. Но богатый бездетный старик делался у себя в доме тираном, и его власть росла вместе с его годами и немощами. Раболепная толпа, к которой нередко примешивались преторы и консулы, заискивала его расположения, лелеяла его скупость, восторгалась его безрассудствами, угождала его страстям и с нетерпением ожидала его смерти. Искусство ухаживания и лести превратилось в очень выгодную науку; те, которые сделали себе из него профессию, получили особое название, и весь город, по живописному выражению сатирика, оказался разделенным между двумя партиями – между охотниками и их добычей. Однако, хотя ежедневно случалось, что лукавство диктовало, а безрассудство подписывало несправедливые и сумасбродные завещания, бывали и такие примеры, что завещание было результатом

---

¹²⁶ Через два года после того завоевание бедной Каппадокии дало Тиберию повод уменьшить эти пошлины вдвое; но это облегчение было непродолжительно. (Г.)

¹²⁷ Эта сумма определена только по догадкам. (Г.)

¹²⁸ В течение многих столетий родственники с материнской стороны не участвовали в наследовании. Это суровое узаконение мало-помалу утрачивало свои силы благодаря чувствам человеколюбия и было окончательно отменено Юстинианом. (Г.)

сознательного уважения и добродетельной признательности. Цицерон, так часто защищавший жизнь и состояние своих сограждан, был за это вознагражден завещанными ему суммами, которые доходили в общем итоге до ста семидесяти тысяч фунтов стерлингов, и друзья Плиния Младшего, как кажется, не были менее щедры в изъявлениях своей признательности этому симпатичному оратору. Но каковы бы ни были мотивы, которыми руководствовался завещатель, казначейство требовало двадцатую часть его состояния; таким образом, в течение двух или трех поколений все достояние подданных должно было мало-помалу перейти в государственную казну.

Уставы императоров. В первые и лучшие годы своего царствования Нерон, из желания сделаться популярным и, может быть, из бессознательного влечения к добру, задумал уничтожить обременительные таможенные и акцизные пошлины. Самые благоразумные из сенаторов одобрили такое великодушие, но отклонили его от исполнения намерения, которое могло ослабить республику, уменьшив ее денежные средства. Если бы это видение фантазии действительно могло быть осуществлено на деле, такие государи, как Траян и Антонины, наверно, с жаром взялись бы за такой удобный случай оказать столь важную услугу человеческому роду; однако они ограничились облегчением государственных налогов, но не пытались совершенно отменить их. Их мягкие и ясные законы определили правила и размеры податного обложения и охранили подданных всех сословий от произвольных толкований, несправедливых притязаний и наглых притеснений со стороны людей, бравших государственные доходы на откуп; нельзя не подивиться тому, что самые лучшие и самые мудрые римские правители во все века римской истории придерживались этого пагубного способа собирания доходов, и в особенности собирания акцизных и таможенных пошлин¹²⁹.

Эдикт Каракаллы. Каракалла руководствовался иными соображениями, чем Август, и само положение его не было похоже на положение Августа. Он вовсе не заботился об общей пользе или, скорее, был ее противником, а между тем он был поставлен в необходимость удовлетворять ненасытную алчность, которую сам возбудил в армии. Между всеми налогами, введенными Августом, не было более доходного и более всеобщего, чем взывание двадцатой части с наследств и завещаний. Так как он не был ограничен пределами Италии, то его доходность увеличивалась вместе с постепенным распространением прав римского гражданства.

Права римского гражданства дарованы всем жителям провинций с целью обложения податями. Новые граждане хотя и должны были в одинаковом размере со всеми нести новые налоги, которых они не платили, когда считались не более как римскими подданными, однако находили для себя достаточное за это вознаграждение в более высоком общественном положении, в приобретаемых ими привилегиях и в том, что их честолюбию открывался доступ к почестям и блестящей карьере. Но это почетное отличие оказалось ничего не стоящим. По причине расточительной щедрости Каракаллы титул римского гражданина лишь наложил на жителей провинций новые обязанности. Сверх того, жадный сын Севера не удовлетворялся тем размером налогов, который казался достаточным его предшественникам. Вместо двадцатой части он стал взывать десятую часть со всех завещаний и наследств и в течение своего царствования (так как прежний размер был восстановлен после его смерти) дал почувствовать тяжесть своего железного скипетра всем частям империи в одинаковой мере.

Временное уменьшение дани. Когда все жители провинций стали нести налоги, составлявшие особенность римских граждан, они этим самым, по-видимому, освобождались от податей, которые они прежде уплачивали в качестве подданных. Но такие принципы пришились не по вкусу Каракалле и его мнимому сыну. С провинций стали одновременно собирать и старые и новые налоги. Добродетельному Александру было суждено в значительной

¹²⁹ Подати (в собственном смысле этого слова) не отдавались на откуп, так как добрые императоры нередко прощали по несколько миллионов недоимок. (Г.)

мере облегчить им это невыносимое бремя тем, что он понизил подати до третьей части той суммы, какая взыскивалась в момент его восшествия на престол. Трудно догадаться, какие соображения побудили его сохранить этот ничтожный остаток общественного зла; но оттого, что эти зловредные плевелы не были вырваны с корнем, они стали разрастаться с новой силой и поднялись на такую высоту, что в следующем веке омрачили своей смертоносной тенью весь римский мир. При дальнейшем изложении этой истории нам еще не раз придется упоминать о поземельной и подушной подати и об обременительных сборах зернового хлеба, вина, масла и мяса, которые доставлялись из провинций на потребление армии и столичного населения.

Результаты всеобщности римского гражданства. Пока Рим и Италия пользовались уважением, подобающим центру правительственной власти, национальный дух поддерживался старыми гражданами и незаметным образом впитывался в умы новых. Высшие посты в армии замещались людьми, получившими хорошее образование, изучавшими законы и литературу и возвышавшимися шаг за шагом по лестнице гражданских и военных должностей. Их влиянию и личному примеру можно отчасти приписать скромное повиновение легионов в течение двух первых столетий империи.

Но после того, как Каракалла низвергнул последний оплот римской конституции, различие профессий мало-помалу заменило различие рангов. Жители внутренних провинций, как более образованные, оказались всех более годными для занятия судебных и административных должностей. Военное ремесло, как более грубое, было предоставлено крестьянам и пограничным варварам, которые не знали иного отечества, кроме своего лагеря, не знали никакой науки, кроме военной, не имели понятия о гражданских законах и едва ли были знакомы с правилами военной дисциплины. Со своими окровавленными руками, со своими дикими нравами и отчаянной смелостью, они иногда охраняли императорский престол, но гораздо чаще ниспровергали его.

Глава VII

Возведение на престол и тирания Максимиана. – Восстания в Африке и в Италии под влиянием сената. – Междоусобные войны и мятежи. – Насильственная смерть Максимиана и его сына, Максима и Бальбина и трех Гордианов. – Узурпация и столетние праздничные зрелища Филиппа

Кажущаяся нелепость и серьезная польза перехода престола по наследству. Из всех форм правления, когда-либо существовавших в мире, наследственная монархия, по-видимому, представляет самые основательные поводы для насмешек. Разве можно смотреть без негодования и смеха на то, как целый народ, точно стадо волов, переходит после смерти отца в собственность к его малолетнему сыну, еще ничем не заявившему о себе ни человечеству, ни самому себе, и как самые храбрые воины и самые мудрые государственные люди, отказываясь от своих естественных прав на верховную власть, приближаются к королевской колыбели с преклонением коленей и с уверениями в своей неизменной преданности? Однако, какими бы яркими красками ни рисовали эту картину сатирики и декламаторы, здравомыслящий человек не перестанет относиться с уважением к полезному предрассудку, который устанавливает порядок наследования, не зависящий от человеческих страстей, и охотно согласится на какой бы то ни было способ отнять у народной толпы опасное и поистине идеальное право избирать себе повелителя.

В тиши уединения вовсе не трудно придумывать фантастические формы правления, при которых скипетр всегда будет переходить в руки самого достойного путем свободного и неподкупного всеобщего голосования; но опыт разрушает эти воздушные замки, доказывая нам, что в обширном государстве нельзя предоставлять выбор монарха ни самой образованной, ни самой многочисленной части населения. Только одно военное сословие достаточно сплочено для того, чтобы задаться одной целью, и достаточно сильно для того, чтобы подчинить своему решению всех остальных своих сограждан; но солдаты, привыкшие в одно и то же время и к насилиям, и к рабскому повиновению, не могут быть надежными охранителями законной или гражданской конституции. В них самих так слабы чувства справедливости и человеколюбия и так мало политической мудрости, что они не в состоянии ценить эти достоинства в других. Храбростью можно снискать их уважение, щедростью можно купить их преданность, но первое из этих качеств нередко совмещается с самым необузданным жестокосердием, а второе может проявляться только на счет публики, и оба они могут быть направлены смелым честолюбцем против обладателя престола.

Отсутствие такого обыкновения в Римской империи служит источником величайших бедствий. Из всех отличий, существующих в человеческих обществах, прерогативы высокого происхождения всех более естественны и всех менее внушают зависть, если только они освящены временем и общественным мнением. Всеми признанное право заглушает мечты честолюбцев, а сознание безопасности смягчает суровость монарха.

Но Римская империя – после того как авторитет сената перестал внушать малейшее уважение – сделалась сценой страшной неурядицы. Царствовавшие в провинциях семьи и даже провинциальная знать давно уже были унижены тем, что были принуждены шествовать впереди триумфальных колесниц надменных республиканцев. Древние римские роды мало-помалу пришли в совершенный упадок под тиранией цезарей, а в то время, как эти

монархи тяготились республиканскими формами управления и постоянно обманывались в своих надеждах сохранить верховную власть в руках своего потомства¹³⁰, понятие о наследовании престола никак не могло укорениться в умах их подданных. Так как никто не мог заявлять притязаний на престол по праву рождения, то всякий мог заявлять их на основании своих личных достоинств. Отважным замыслам честолюбцев было открыто широкое поприще вследствие отсутствия каких-либо благотворных стеснений со стороны законов и предрассудков, и самый ничтожный из представителей человеческого рода мог надеяться, что храбростью и счастьем он достигнет такого высокого поста в армии, на котором только при помощи одного преступного деяния он будет в состоянии вырвать скипетр мира из рук своего слабого и непопулярного повелителя. После умерщвления Александра Севера и возведения на престол Максимиана ни один император не мог считать себя в безопасности на своем троне и каждый варварский крестьянин, живший вблизи от римской границы, мог надеяться когда-нибудь достигнуть этого высокого, но вместе с тем и опасного общественного положения.

Рождение и судьба Максимиана. За тридцать два года перед тем, как это случилось, император Север на возвратном пути из одной восточной экспедиции остановился во Фракии, для того чтобы отпраздновать военными играми день рождения своего младшего сына Геты. Народ стекался толпами, чтобы посмотреть на своего государя; тогда один молодой варвар гигантского роста стал настоятельно просить на своем грубом диалекте, чтобы ему было дозволено участвовать в состязании из-за премии, назначенной борцам. Так как торжество фракийского крестьянина над римским солдатом могло бы оскорбить гордость армии, то варвару дозволили вступить в борьбу с самыми надежными силачами из числа лагерной прислуги. Он одолел, одного вслед за другим, шестнадцать таких противников и был награжден за свою победу незначительными подарками и позволением вступить в ряды армии. На следующий день можно было видеть, как он ликовал и плясал свой национальный танец среди толпы рекрутов, над которой он возвышался на целую голову. Лишь только он заметил, что Север обратил на него внимание, он тотчас подошел к лошади императора и долго бежал за нею без малейших признаков усталости. «Фракиец, – сказал, обращаясь к нему, удивленный Север, – будешь ли ты теперь в состоянии бороться?» – «С большим удовольствием», – отвечал неутомимый юноша и в один миг поборол семерых самых сильных солдат, какие только были в армии. Золотое ожерелье было наградой за его необыкновенную силу, и он был переведен на службу в конную гвардию, всегда сопровождавшую императора.

Его военная служба и заслуги. Максимиан – так звали этого юношу – хотя и родился на территории, принадлежавшей к империи, но был по своему происхождению варвар. Его отец был гот, а мать родом из аланов. Он при всяком удобном случае выказывал свою храбрость, равнявшуюся его физической силе, но свою природную свирепость он скоро стал смягчать или прикрывать благодаря своему знакомству со светом. В царствование Севера и его сына он получил место центуриона и пользовался расположением и уважением этих обоих государей, из которых первый был очень опытен в оценке воинских достоинств. Чувство признательности не позволяло Максимиану оставаться на службе при убийце Каракаллы, а чувство чести заставило его избегать оскорблений от Элиогабала. С восшествием на престол Александра он возвратился ко двору и получил от этого государя назначение, полезное для интересов службы и почетное для него самого. Четвертый легион, над которым он был назначен трибуном, скоро сделался под его руководством самым дисциплинированным во всей армии. При общем одобрении солдат, давших своему любимому герою имена Аякса и Геркулеса, он мало-помалу достиг высших военных должностей, и, если бы он не сохранил в себе слиш-

¹³⁰ Не было примера, чтобы три поколения занимали престол одно за другим; было только три случая, что сыновья наследовали своему отцу. Несмотря на то что разводы были дозволены и что к ним часто прибегали, браки цезарей были большей частью бесплодны. (Г.)

ком много следов своего варварского происхождения, может быть, император согласился бы на брак своей родной сестры с его сыном.

Заговор Максимиана. 235 год. Вместо того чтобы укреплять в нем чувство преданности, эти милости лишь разжигали честолюбие фракийского крестьянина, воображавшего, что его положение не будет соответствовать его личным достоинствам, пока он будет вынужден признавать над собою чью-либо высшую власть. Хотя он не отличался выдающимися умственными способностями, он не был лишен прозорливости, благодаря которой успел заметить, что привязанность армии к императору ослабела, и сумел воспользоваться неудовольствием солдат для своей личной пользы. Войска охотно внимали подстрекательствам агентов Максимиана. Они краснели от стыда при мысли, что в течение тринадцати лет они подчинялись стеснительным правилам дисциплины, которые были введены изнеженным сирийцем, рабски преклонявшимся перед своей матерью и перед сенатом. Наконец пора, говорили они, отбросить этот ни к чему не годный призрак гражданской власти и выбрать себе государем и военачальником взрослого среди лагерной жизни и опытного в военном деле генерала, который поддержал бы честь армии и разделил бы между своими товарищами сокровища империи. В это время большая армия была сосредоточена на берегах Рейна под начальством самого императора, который почти немедленно вслед за своим возвращением из Персидского похода был вынужден выступить против германских варваров. На Максимиана была возложена важная обязанность наблюдать за обучением новобранцев и делать им смотры. Однажды, когда он прибыл на поле, где происходило учение, солдаты по внезапному импульсу или вследствие заранее составленного заговора приветствовали его императорским титулом, своими усиленными возгласами заглушили его упорные возражения и поспешили завершить свое восстание умерщвлением Александра Севера.

Умерщвление Александра Севера. Подробности его смерти рассказываются различно. Те писатели, которые полагают, что он умер, ничего не зная о неблагодарности и честолюбии Максимиана, утверждают, что, слегка пообедав перед глазами армии, он удалился уснуть и что около седьмого часа дня некоторые из его собственных телохранителей вторглись в императорскую палатку и нанесли несколько смертельных ран своему добродетельному и доверчивому государю. Если верить другому рассказу, который, по-видимому, более правдоподобен, Максимиан был облачен в императорскую мантию многочисленным отрядом войск, расположенных в нескольких милях от главной квартиры, и рассчитывал не столько на публичные заявления главной армии, сколько на ее тайные желания. Александр имел достаточно времени, чтобы пробудить в войсках сознание своего долга, но их вынужденные уверения в преданности смолкли при появлении Максимиана, который объявил себя другом и покровителем военного сословия и был единогласно признан легионами римским императором. Обманутый и всеми покинутый сын Мамеи удалился в свою палатку, для того чтобы не подвергать себя в свои последние минуты оскорблениям толпы. За ним скоро последовали туда один трибун и несколько центурионов, которым было приказано лишить его жизни, но вместо того, чтобы ожидать неизбежной смерти с мужественной твердостью, он опозорил последние минуты своей жизни бесполезными криками и мольбами, превратившими в презрение то справедливое сострадание, которое должны бы были внушать его невиновность и жалкая судьба¹³¹. Его мать Мамея, гордость и алчность которой он во всеуслышание признавал за причину своего падения, погибла вместе со своим сыном. Самые преданные из его друзей сделали жертвой ярости солдат; некоторые другие были оставлены в живых, для того чтобы сделаться впослед-

¹³¹ Геродиан сообщает только, что Александр ожидал убийц в своей палатке; ходил слух, что он сетовал и упрекал свою мать; но ни один писатель не говорит, что он выказал перед трибуном неприличное мужчине малодушие или что он унизился до бесполезных просьб о пощаде. Он, как кажется, встретил смерть с мужеством. (В.)

ствии жертвами обдуманного жестокосердия узурпатора, а те, с которыми обошлись самым снисходительным образом, были лишены своих мест и с позором удалены от двора и из армии.

Тирания Максимиана. Прежние тираны – Калигула и Нерон, Коммод и Каракалла – были легкомысленные и неопытные юноши¹³², воспитанные на ступенях трона и развратившиеся от сознания своего высокого положения, от распущенности римских нравов и от коварства окружавших их льстецов. Но жестокосердие Максимиана истекало из иного источника – из опасения внушить к себе презрение. Хотя его положение зависело от привязанности солдат, уважавших в нем те добродетели, которые были свойственны им самим, это не мешало ему сознавать, что его низкое и варварское происхождение, его свирепый вид и его совершенное невежество во всем, что касалось искусств и общественных учреждений, представляли крайне неблагоприятный для него контраст с симпатичным характером злосчастного Александра. Он вспомнил, что в дни его ничтожества ему нередко случалось стучаться в двери гордых римских аристократов и что наглые рабы не допускали его до своих господ. Он не позабыл и немногочисленных друзей, помогавших ему, когда он был беден, и поддерживавших его честолюбивые надежды. Но и те, которые выказывали к нему презрение, и те, которые оказывали ему покровительство, были виновны в одном и том же преступлении – в том, что хорошо знали его низкое происхождение. За это преступление многие были наказаны смертью, а лишая жизни некоторых из своих благодетелей, Максимиан начертил кровавыми буквами историю своего незнатного происхождения и своей неблагодарности.

Мрачная и кровожадная душа тирана была доступна для всяких подозрений к тем из его подданных, которые особенно отличались знатностью своего происхождения и своими достоинствами. Лишь только он бывал встревожен слухом об измене, его жестокость не знала границ и была неумолима. Был открыт или, вероятнее, был выдуман заговор против его жизни, и на сенатора-консуляра Магнуса указывали как на главного зачинщика. Без допроса свидетелей, без суда и не имея возможности что-либо сказать в свое оправдание, Магнус был лишен жизни вместе с четырьмя тысячами своих предполагаемых сообщников. Бесчисленные шпионы и сыщики рассыпались по Италии и по всей империи. Самых знатных римлян, управлявших провинциями, командовавших армиями и удостоившихся консульских отличий и триумфа, сажали в цепи на дроги и везли к императору вследствие самых ничтожных обвинений. Конфискация имений, ссылка и простая смерть считались необыкновенными доказательствами его милосердия. Некоторых из несчастных страдальцев он приказывал зашивать в кожи убитых животных, других отдавал на съедение диким зверям, третьих приказывал бить до смерти дубинами. В течение своего трехлетнего царствования он не удостоил своим посещением ни Рима, ни Италии. Его лагерь, перенесенный по некоторым случайным причинам с берегов Рейна на берега Дуная, был центром его жестокого деспотизма, попиравшего все принципы законности и справедливости и открыто опиравшегося на могущество меча. Он не выносил, чтобы в среде его приближенных был хоть один человек, отличавшийся знатностью происхождения, выдающимися дарованиями, знаниями или административными способностями, и двор римского императора стал напоминать тех древних вождей рабов и гладиаторов, о которых одно воспоминание внушало ужас и отвращение¹³³.

Угнетение провинций. Пока жестокости Максимиана обрушивались только на знаменитых сенаторов или на тех смелых авантюристов, которые добровольно подвергают себя при дворе или в армии всем прихотям фортуны, народ смотрел на эти страдания с равнодушием или даже, может быть, с удовольствием. Но алчность тирана, возбуждаемая ненасытными требованиями солдат, наконец посягнула и на общественное достояние. У каждого

¹³² Старшему из этих четырех императоров – Калигуле – было только двадцать пять лет, когда он вступил на престол; Каракалле было двадцать три года, Коммоду – девятнадцать, Нерону – не более семнадцати. (Г.)

¹³³ Его сравнивали со Спартаком и Афенионом. (Г.)

города в империи были специальные суммы, предназначенные на покупку хлеба для народа и на устройство общественных игр и увеселений. Одним актом верховной власти все эти капиталы были конфискованы в пользу императорской казны. У храмов были отобраны все ценные золотые и серебряные жертвоприношения, а статуи богов, героев и императоров были обращены в слитки, из которых стали чеканить монету. Эти нечестивые распоряжения нельзя было привести в исполнение, не вызывая восстаний и убийств, так как во многих местах народ был готов скорее умереть, защищая свои алтари, нежели допустить, чтобы среди мира город подвергался хищениям и всем ужасам войны. Сами солдаты, между которыми делились плоды этого святотатственного грабежа, краснели от стыда, принимая такие подарки, и, несмотря на свою привычку ко всяким насилиям, опасались основательных упреков со стороны своих друзей и родственников. По всей Римской империи раздавались крики негодования и мольбы о том, чтобы этот враг всего человеческого рода понес заслуженное наказание; наконец одна мирная и безоружная провинция подняла знамя бунта.

Восстание в Африке. 237 год. Африканский прокуратор был достойным слугою такого господина, который считал денежные штрафы и конфискации одной из самых доходных статей императорского бюджета. Он вынес несправедливый приговор, в силу которого несколько богатых юношей из местного населения должны были лишиться большей части своего состояния. В этой крайности они с отчаяния решились на такое предприятие, которое должно было или довершить их гибель, или предотвратить ее. Они с трудом вымолили у жадного казначея трехдневную отсрочку и воспользовались этим временем для того, чтобы созвать из своих имений множество рабов и крестьян, вооруженных дубинами и топорами и слепо преданных своим господам. Вожаки заговора, добившись аудиенции у прокуратора, закололи его кинжалами, которые были спрятаны у них под одеждой, завладели при помощи собранной ими бесчинной толпы небольшим городом Тиздром¹³⁴ и водрузили знамя восстания против повелителя Римской империи. Они основывали свои надежды на общей ненависти к Максимино и приняли благоразумное решение противопоставить этому ненавистному тирану такого императора, который уже успел снискать своими кроткими добродетелями любовь и уважение римлян и влияние которого на провинцию могло придать более веса и прочности их предприятию. Их проконсул Гордиан, на котором остановился их выбор, отказывался с непритворным отвращением от этой опасной чести, со слезами прося у них позволения спокойно окончить долгую и безупречную жизнь и не пятнать своих преклонных лет кровью *своих* сограждан. Их угрозы принудили его принять императорское достоинство, которое, впрочем, было его единственным убежищем от завистливого жестокосердия Максимиана, так как тираны обыкновенно придерживаются такого правила, что всякий, кого считают достойным престола, достоин смертной казни, а всякий, кто только обсуждал подобный вопрос, уже провинился в мятеже.

Характер и возведение на престол двух Гордианов. Род Гордиана был один из самых знаменитых в среде римского сената. С отцовской стороны Гордиан происходил от Гракхов, с материнской – от императора Траяна. Большое состояние давало ему возможность поддерживать достоинство своего происхождения, а в пользовании этим состоянием он обнаруживал изящный вкус и склонность к благотворительности. Публичные зрелища, которые он устраивал за свой счет и во время которых появлялись на арене сотни диких зверей и гладиаторов, по-видимому, должны были превышать денежные средства подданного; тогда как щедрость других сановников ограничивалась несколькими публичными празднествами в Риме, Гордиан в бытность эдилом проявлял свое великодушие раз в месяц, а в бытность консулом распространял его на главные города Италии. Он был два раза возводим в это последнее звание – Каракаллой и Александром Севером, так как он обладал редкой способностью

¹³⁴ Он находился на плодородной территории Бизакия, в ста пятидесяти милях к югу от Карфагена. (Г.) Современный Эль-Джем в Тунисе. (Ред.)

внушать добродетельным государям уважение, а в тиранах не возбуждать зависти. Его долгая жизнь протекала безупречно в занятиях литературой и в наслаждении мирными почестями, оказываемыми ему Римом, и, пока он не был назначен проконсулом Африки по выбору сената и с одобрения Александра, он, как кажется, уклонялся и от командования армиями, и от управления провинциями. При жизни этого императора Африка была счастлива под управлением его достойного наместника, а когда Максимин захватил верховную власть, Гордиан старался облегчить несчастья, которых он не был в состоянии предотвратить. Когда он принял против воли императорское достоинство, ему было более восьмидесяти лет; на него смотрели как на последнего и достойного представителя счастливого века Антонинов, добродетели которых он воскресил своим управлением и воспел в изящной поэме, состоявшей из тридцати книг. Вместе с почтенным проконсулом был провозглашен императором и его сын, сопровождавший его в Африку в качестве помощника. Его нравы были менее чисты, чем нравы его отца, но его характер был так же симпатичен. Двадцать две официальные наложницы и библиотека из шестидесяти двух тысяч томов свидетельствовали о разнообразии его наклонностей. Римский народ находил в чертах лица молодого Гордиана сходство со Сципионом Африканским¹³⁵ и, с удовольствием припоминая, что его мать была внучка Антонина Благочестивого, возлагал свои упования на те скрытые добродетели, которые, по его предположению, должно быть, таились под праздною роскошью частной жизни.

Они ходатайствуют о подтверждении их власти. Лишь только Гордианы восстановили спокойствие, нарушенное участием народа в их избрании, они перенесли свой двор в Карфаген. Африканцы встречали их с выражениями восторга, так как чтили их добродетели и так как со времени посещения Африки Адрианом не имели случая созерцать величие римского императора. Но от этого восторженного приема несколько не увеличивались и не упрочивались права Гордианов на императорский престол, и они решились, частью из принципа, частью из личных расчетов, ходатайствовать о признании этих прав сенатом. Депутация из самых знатных жителей провинции была немедленно отправлена в Рим, для того чтобы оправдать образ действий их соотечественников, так долго с терпением выносивших все угнетения и наконец решившихся принять энергичные меры. Новые императоры выражались в своих письмах к сенату скромно и почтительно; они объясняли, почему они были вынуждены принять императорский титул, но подчиняли свое избрание и свою судьбу верховному решению сената.

Сенат подтверждает избрание Гордианов... Желания этого собрания не могли вызывать сомнений и были единодушны. Происхождение и родственные связи Гордианов тесно связывали их с самыми знатными римскими семьями. Их богатства доставили им много приверженцев между сенаторами, а своими личными достоинствами они приобрели много друзей. Их мягкое управление подавало надежды не только на восстановление гражданской формы правления, но даже на восстановление республики. Опасение насилий со стороны армии, сначала заставившее сенат позабыть об умерщвлении Александра и утвердить избрание варвара-крестьянина, теперь имело противоположные последствия и заставило его вступить за нарушенные права свободы и человечности. Ненависть Максимина к сенату была явная и непримиримая; самая униженная покорность не могла смягчить его ожесточения; самое осторожное и безупречное поведение не могло предохранить от его подозрений; наконец, даже заботы о своей личной безопасности заставляли сенаторов принять участие в рискованном предприятии, неуспех которого обрушился бы прежде всего на них самих. Лишь только было постановлено окончательное решение, сенат был созван в своем полном составе в храм Кастора

¹³⁵ Римляне не находили такого сходства в чертах его лица, а считали его за потомка Сципионов. Он был в родстве с ними через Гракхов. За добродетели, напоминавшие Сципионов, отец получил от африканцев прозвище Новый Сципион. И отец и сын получили и сохранили прозвание Африканских, намекавшее на их родство со Сципионами и на ту страну, в которой они были провозглашены императорами. (В.)

на закрытое заседание¹³⁶, согласно с древним обычаем, установленным с целью обратить особое внимание сенаторов на обсуждаемый предмет и скрыть от публики содержание их декретов.

«Римские сенаторы, – сказал консул Силлан, – два Гордиана, оба облеченные званием консулов, из которых один состоит вашим проконсулом, а другой – вашим заместителем, провозглашены императорами по общему желанию африканских провинций. Выразим нашу признательность, – продолжал он с отвагой, – юношеству Тиздра, выразим нашу признательность верному карфагенскому населению, избавившему нас от отвратительного чудовища. Отчего вы отвечаете на мои слова такой холодностью и робостью? Отчего вы со страхом посматриваете друг на друга? К чему колебаться? Максимин – общественный враг! Пожелаем, чтобы его вражда исчезла вместе с ним самим и чтобы мы могли долго наслаждаться плодами мудрости и счастья Гордиана-отца, мужества и твердости Гордиана-сына!»

...объявляет Максимиана общественным врагом. Благородный пыл консула воодушевил нерешительных сенаторов. Избрание Гордиана было утверждено единогласным решением; Максимин, его сын и его приверженцы были объявлены врагами отечества, а щедрые награды были обещаны тем, кто будет иметь смелость и счастье избавить от них империю.

...берет на себя главное начальство над Римом и Италией. В отсутствие императоров отряд преторианской гвардии оставался в Риме для охраны столицы или, скорее, для того, чтобы держать ее в повиновении. Префект Виталиан доказал свою преданность Максимиану тем, что усердно исполнял его жестокосердные приказания и даже предугадывал их. Одна только его смерть могла оградить авторитет сената от унижения, а жизнь сенаторов от опасности. Прежде нежели принятое ими решение сделалось кому-либо известным, на одного квестора и нескольких трибунов было возложено поручение лишить префекта жизни. Они исполнили это приказание с отвагой и с успехом и, держа в руках свои окровавленные мечи, бегали по улицам, объявляя народу и солдатам об удачном результате переворота. Энтузиазм свободы был поддержан обещаниями щедрых наград землями и деньгами; статуи Максимиана были ниспровергнуты; столица империи с восторгом признала власть обоих Гордианов и сената, а примеру Рима последовала и остальная Италия.

---

¹³⁶ Удаляли даже домашнюю прислугу и писцов и прочих, и их обязанности исполнялись самими сенаторами. (Г.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.